

ВЕЧЕ

Вече

Независимый русский альманах

37

Десятый год издания

Главный редактор О. А. Красовский
Московская редакция – В. Н. Тростников

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ
© Russischer Nationaler Verein (RNV) e.V., 1990
München

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.

Поздравляем сердечно

*читателей и
друзей
альманаха «Вече»*

*со светлым
Праздником*

ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА!

Редакция «Вече»

СОДЕРЖАНИЕ

О. Красовский - Открытое письмо А. И. Солженицыну	7
--	---

ПУТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

В. Тростников - Старая сказка и новая действительность	13
---	----

Трибуна «ВЕЧЕ»

А. Кустодиев - Заметки на полях К сведению русской общественности.	41
Открытое письмо Ф. Шалапина	64
В. Вулич - В плену фикций	67
М. Назаров - О радиоголосах, эмиграции и России	87

НАШИ ПРОБЛЕМЫ

Д. Балашов - Россия на перепутье	111
Л. Мончинский - Нет прощенья талантам	135

РУССКАЯ СКОРЬБЬ

Протоиерей Н. Беляев - Дневник (окончание)	165
Из дневника А. С. Демидовой	182

САТИРИЧЕСКИМ ПЕРОМ

П. П. - Новый Московский летописец 1979 - 1988 (продолжение)	193
---	-----

Открытое письмо

А. И. СОЛЖЕНИЦЫНУ

Глубокоуважаемый, дорогой Александр Исаевич!

Одной из причин, побудивших меня взяться за перо, является возникшее в последнее время тревожное чувство, что с некоторых пор живёте Вы в условиях, лишающих Вас возможности поддерживать письменную связь со мною. На Ваше последнее письмо я ответил 25 марта 1989 года, то есть, ровно год назад. На мой ответ Вы не реагировали. Дважды после этого я писал Вам и оба мои письма остались неотвеченными. Такого на протяжении почти десятилетней переписки с Вами, даже в периоды когда Вы на меня крепко гневались, не случалось. Вам должно быть понятным мое недоумение, ибо когда-то Вы заверили меня, что на письма мои намереваетесь отвечать „без задержки“; а через пару лет после этого, когда всё же случилась задержка, писали: „Когда от меня нет писем – не предполагайте ничего другого, кроме моей занятости“. Ныне я вынужден предполагать, что отсутствие писем от Вас объясняется не только Вашей занятостью...

Не скрываю, – не столько отсутствие надежды получить ответ на письмо, отправленное Вам почтой, сколько убеждённость, что тема задуманного письма имеет не только личное, но и общественное значение, побуждает

меня встать на путь открытого общения с Вами. Суть же дела в следующем:

Благодаря широкому и глубинному проникновению «Вече» на родину (когда-то Вы писали мне: „Главное: как журнал пойдёт на родину? Если двинется – так цены не будет...“), у меня установились и укрепляются активные двусторонние связи с соотечественниками, которые, знакомя меня со своими мыслями, порой ставят вопросы, требующие ответов. Подобные вопросы задают мне и русские люди, живущие в зарубежье, часто и иностранцы, считающие, что как редактор русского печатного органа, я в состоянии ответить на них.

Один из очень часто задаваемых вопросов можно сформулировать так: почему, всеми нами глубоко уважаемый Александр Исаевич Солженицын, наложил на себя обет публицистического молчания, длящийся уже несколько лет?

Вопрос этот имеет принципиальное значение и ответа на него ни у меня, ни у кого другого, кроме Вас самих, нет. Поэтому строятся догадки, возникают домыслы, вплоть до предположений, что Вы подпали под влияние каких-то неведомых сил, заинтересованных в Вашем отказе от самой действенной формы общения с родным народом, для выражения болей и чаяний которого, Вы находили когда-то заветные слова, проникавшие в каждую грешную и праведную душу. И это понятно. Ведь недоумение по поводу Вашего молчания связано с тем, что каждый мало-мальски логично и здраво мыслящий человек прекрасно знает, что Ваш путь к славе, к глубочайшему почитанию большинством русского народа, к признанию Вас на Западе уникальным духовным (а вместе с тем – общественным, политическим) явлением современности, изначально прокладывался не столько Вашей писательской деятельностью, как Вашим авторством блестящих, гениальных публицистических работ. Вы сами, в свое время, целеустремлённо выбрали именно этот путь.

К моменту Вашей высылки из СССР, как писатель Вы

были известны широким российским кругам в основном по произведениям, опубликованным в стране; по тем четырём небольшим художественным творениям, вход в „советскую литературу“ которым открыл «Новый мир». Пусть это были прекрасные художественные произведения, но тем не менее многократно громче была в народе Ваша слава как автора публицистических работ, интервью, писем, обращений, протестов не нашедших места в советской печати, но опубликованных в самиздате, размножаемых на Западе, и оттуда засылаемых в страну в миллионах экземпляров, беспрерывно повторяемых всеми западными радиоголосами.

Разница между тем и другим была весьма ощутимой. Художественная проза знакомила читателей с новым замечательным, смелым, пренебрегшим методом соцреализма, писателем, заставляла задумываться над недавним прошлым страны и народа, вскрывала порочную суть системы. Публицистика же – будоражила общественное мнение, воодушевляла русских патриотов, наполняла их сердца надеждой, заставляла подниматься с колен и расправлять плечи... У всех на устах было Ваше имя. Чувством глубочайшей признательности к Вам наполнялись души миллионов Ваших соотечественников, не столько за блестящее описание одного дня жизни советского каторжника и рассказ о прекрасной русской женщине Матрёне, как в благодарность за то, что в Вашей публицистике Вы решительно, бескомпромиссно, мужественно выступили в защиту угнетённого, оскорблённого, ограбленного материально и духовно народа. Этим дышали Ваши публицистические работы, в них Вы не только касались оздоравливающей рукой всех болевых точек нации, но с прирождённой Вам гениальностью, нащупывали и раскрывали возможности морального, духовного возрождения народа, призвав каждого русского человека к раскаянию и самоограничению, к покаянию, к жизни не по лжи!

В этом качестве Вы продолжали блестяще проявлять себя, вопреки напряжённейшему труду на литературном поприще, в первое десятилетие Вашего пребывания на

Западе. Без малого 1000 страниц публицистики, представленной в двух томах Вашего собрания сочинений, изданного парижской ИМКА-ПРЕСС (в них ещё не вошли Ваши публицистические выступления после 1981 года) – говорят сами за себя.

И вдруг, внезапно, Вы смолкли!?

В Вашем письме от 31. 1. 89 г. Вы писали мне: „...последнее, что я говорил на общественные темы – в Лондоне в 1983, с тех пор – ничего, и намерен пока дальше так: большинство сказанного всё равно прошло зря“. Я счёл нужным возразить Вам, однако, судя по Вашему последнему дошедшему до меня письму, мое возражение Вы оставили без внимания.

В Ваших словах – горечь разочарования кажущейся Вам безрезультатностью Ваших усилий. Это настроение просвечивалось уже и в Ваших статьях, написанных в 1980 году. В статье „Коммунизм у всех на глазах – и не понят“, Вы бросили упрёк правящим кругам Америки за их пренебрежение Вашими предупреждениями. А статью „Иметь мужество видеть“ Вы горько закончили: „Уже становится ясным, что ни одна моя статья, ни десять моих статей, ни десятеро таких, как я, не посильны перенести Западу наш кровавый страданный опыт“.

За этой горечью, пожалуй, одна из причин Вашего ухода в молчание... Но, дорогой Александр Исаевич, в основе её – неизбежный конфликт, запрограммированный Вашей духовной высотой и низменностью бездуховности Запада. И тут речь может быть лишь о том, что была допущена обоюдосторонняя ошибка: в Вашей первоначальной оценке Запада и в оценке Западом Вас. Но разве это повод для изменения Вашего отношения к России, для разрыва связей с народом, принадлежность к которому Вы неизменно утверждали всей Вашей жизнью и деятельностью?

Общеизвестно, что в последние годы Вы особенно настаиваете на том, чтобы в Вас видели только писателя, относились к Вам только как к творцу художественных произведений, судили по ним, и только по ним, и о

Ваших достоинствах как продолжателя традиций русской классической литературы, и о Ваших общественно-политических взглядах, и о Вашей позиции на полях жестоких идеологических сражений современности. Но и эта возможная причина Вашего отказа от публицистики, на мой взгляд, недостаточно веская, ибо я глубоко уверен, что при всём к Вам уважении, большинство русских патриотов согласится с Вашим утверждением, что Вы лишь писатель, один из многих талантливых и хороших, не могут, больше того – не имеют права. Вы росли в их сознание как выразитель их надежд, как совесть русского народа, как учитель и духовный вожь именно потому (независимо от того, хотите ли Вы этого сегодня или нет!), что предстали перед Россией как великий гражданин своего отечества, и лишь затем – как писатель. Вы – сугубо русское общественное явление! Поэтому существует крепчайшая взаимосвязь между Россией, её народом, и Вами – гражданином! А это означает, что к Вашим советам, пожеланиям, рекомендациям и призывам очень многие русские люди внимательно прислушивались, следовали им, выполняли их, ощущая их прямую причастность к российским национальным интересам и нуждам.

Убедительнейшее же свидетельство того, что к ним действительно прислушивались, им следовали и выполняли их, перед нашими глазами. Ведь целый ряд прямых и побочных явлений, сопутствующих пятилетнему процессу „перестройки“ непосредственно связаны со становлением и укреплением национального самосознания русского народа, в возрождении которого именно Ваша публицистическая активность в 60 - 70-е годы сыграла огромнейшую роль.

Допускаю, конечно, наличие других причин, побудивших Вас отказаться от публицистических выступлений, хотя не рискую догадываться об их характере. Как бы там ни было, исхожу из того, что они не весомее тех двух, предполагаемых выше. Уверен, что независимо от причин, принимая обет публицистического молчания, Вы, с присущим Вам чувством ответственности, тща-

льно взвесили все доводы „за“ и „против“, и Ваше решение имеет солидное обоснование. Однако семь лет назад у Вас не могло быть довода, который на мой взгляд, может и должен побудить Вас пересмотреть давнишнее, возможно, по тому времени очень правильное, решение и отказаться от него. Заканчивая моё открытое письмо, позволю себе прибегнуть к этому доводу.

Сейчас ситуация в России несравнима с той, какая была несколько лет назад. Россия – на развилке исторического пути. В одну сторону – к неминуемой мучительной гибели; в другую – к спасению! Тысячи голосов зовут, толкают, принуждают на ту или иную стезю. Но среди этих громких и порой обманных голосов нет того, который в состоянии убедить и покорить большинство очевидностью своей истинности, могущего произнести единственно верные, нужные, спасительные СЛОВА. И СЛОВА эти в состоянии сказать только Вы, дорогой Александр Исаевич! Так скажите же их, зажгите маяк перед нашими глазами!

Допускаю, что Вы оставите без внимания это моё письмо. Что ж, тогда придётся в глубокой скорби смириться с мыслью, что у русского народа, у России нет больше того Александра Солженицына, который ей нужен в нынешний „раскалённый“ час.

Прошу Вашего прощения за возможную неточность моих формулировок, за слабость и легковесность моих рассуждений и за причиненное беспокойство.

Как всегда Ваш

О. Красовский

25 марта 1990 г.

В. Тростников

Старая сказка и новая действительность

„Мы рождены, чтоб сказку сделать былью“
(Из популярной песни 1930-х годов).

В 1946-ом году вышла интереснейшая книга Владимира Проппа „Исторические корни волшебной сказки“. Обработав огромный фольклорный материал, автор обнаружил, что в сказках всех народов, от американских индейцев до западных славян, имеются два устойчивых сюжета: путешествие в тридесятое царство и борьба со змеем, или драконом. Из их глобальной повторяемости он заключил, что эти темы являются не досужей выдумкой, а зашифрованным описанием чего-то действительно происходившего и игравшего в жизни людей важную роль. Первый сюжет был Проппом расшифрован. Проведя тонкий логический и текстологический анализ, он показал, что тридесятое царство – это загробный мир, а посещающий его герой – никто иной, как шаман, чья душа в результате обряда, называемого камланием, выходит из тела и

отправляется в дополнительное к нашему нематериальное пространство, где устраняет причину болезни пациента и, возвращаясь обратно, приносит ему драгоценный дар жизни и здоровья. Шаманизм, сохранившийся ныне лишь в отдельных районах Северной Америки, Сибири и черной Африки, когда-то был мировой религией, и эта архаическая форма взаимодействия человека с потусторонними реальностями запечатлелась в народной памяти в опозитизированной форме сказочного повествования.

Второй сюжет – змеборчество – Проппу разгадать до конца не удалось. Видно, время тогда ещё не пришло. А вот сейчас секрет начал раскрываться. Становится всё более очевидным, что с тем таинственным змеем, злые чары которого время от времени испытывали на себе наши предки, лицом к лицу соприкасались в течение десятилетий и мы. Почему же раньше мы его не замечали? Наверное, потому, что он имел над нами очень большую власть и умел внушить нам, будто его нет. А нынче, хотя он не настолько ещё ослаб, чтобы выпустить нас из своих когтей, в нём нет уже того гипнотического могущества, чтобы отвести нам глаза и стать для нас невидимым.

Так что же такое змей?

Это – определённого типа государство, которое, видимо, многократно возникало в ходе истории в разных частях земного шара в результате каких-то сбоев, происходивших в обществе, и причиняло людям большие страдания. Древняя сказка обрисовывает лишь самые общие черты дракона, но сегодня мы можем описать его гораздо детальнее.

Суть сказочного змея состоит не просто в том факте, что он требует ежедневной дани. Если бы она заключалась в этом, то любое государство можно было бы считать змеем, поскольку без обложения населения какой-то данью ни одно государство существовать не может. Существенно **что** платят граждане и **кому** платят. Если тут соблюдены определённые условия, получается не псевдогосударство, которое есть змей, а нормальное госу-

дарство, которое змеем не является. Для фольклорного змея характерно то, что, во-первых, он по сравнению с человеком есть существо низшее, а, во-вторых, питается он именно людьми. Это и есть ключ к расшифровке. Суть в том, что оброк уплачивается личностями, а после уплаты переходит во внеличностную форму, так как многоголовое чудовище, жиреющее на этом obroке, настолько несложно по своему устройству, что там не возникает персонификации.

Нормальное государство может существовать в двух крайних вариантах: монархическом и республиканском. Ни в том, ни в другом случае оно не обладает спецификой змея, а значит эта специфика не появляется и в промежуточных случаях, сочетающих в себе элементы как первого, так и второго.

В монархии, хотя дань уплачивается личностями, ибо народ, любя своего царя, отдаёт ему часть своей души, но уплачивается она тоже **личности**, да ещё освященной Божьим помазанием. И эта священная царственная личность является всеобщим достоянием, так что каждый подданный может получить от нее обратно всё, что он отдал, но уже в высшем качестве. Значит, тут не только нет утечки из нации личностного богатства, а, напротив, есть его прибавление. В республике, хотя дань адресуется великому сенату или парламенту, который постоянно меняет свой состав, однако она не включает в себя ничего от той личности, которая ему дань платит, в неё не входит ни одна крупница сокровенного человеческого „Я“. Республиканец выбирает руководителей страны не потому, что любит их и не для того, чтобы любить их после избрания, а исключительно ради наведения ими порядка в обществе. Часто он даже презирует того, за кого голосует, но полагает, что по своим деловым качествам этот человек будет на своём выборном месте полезным. Таким образом, его внутренний мир остаётся его приватной собственностью, ревниво оберегаемой от всех официальных инстанций, а оброк этим инстанциям приносится лишь в виде отказа от тех форм поведения, ко-

которые в законодательном порядке объявлены запрещёнными. Он поступает лишь внешней свободой, а это не затрагивает личности, ибо личность есть категория чисто внутренняя. Следовательно, и тут сумма личностных ресурсов нации по крайней мере не убывает. На самом же деле она тоже возрастает, поскольку установленный хорошими властями правильный ход общественной жизни содействует раскрытию заложенных в каждом человеке способностей и талантов.

А теперь, представим себе, что в некотором государстве появилась замкнутая социальная группа с жёсткой корпоративной дисциплиной, которая из элементов творимой народом подлинной культуры вырабатывает гораздо более низкую по уровню собственную **субкультуру**. Если сплочённость этой группы будет основана на совместном поклонении некоему **идолу**, и если ей удастся вовлечь в это поклонение и народ, убедив его, будто это – великая личность, то со страной случится беда, описанная в волшебной сказке: пленение змеем. Сказочное описание образно, но очень точно. Как и змей, каста жрецов идола многоголова, как и он примитивна. Как и он, она берёт дань с населения **душами**, ибо, поверя в то, что идол есть живая личность царственного достоинства, люди будут отдавать ему всё лучшее своих душ, точно так же, как это характерно для подданных монарха. А вот, возвращаться обратно это отдаваемое уже не будет, поскольку идол мёртв и бездушен, а змей обладает лишь такими свойствами живого существа, как инстинкт хватания и удержания. Получив сначала дань добровольную, он войдёт во вкус и станет употреблять для её сбора любые средства, не гнушаясь ни обманом, ни запугиванием – ведь моральные принципы для него суть нечто непонятное. Так начнётся утечка из общества личностного достояния, в результате чего общество начнёт деградировать и двигаться к духовному и материальному обнищанию.

Такой захват драконом народной души по схеме: „сначала люди обознались, а потом пути назад уже были

отрезаны“ случался, как можно судить по фольклору, во все времена и во всех странах. Последний по времени и, вероятно, самый грандиозный по масштабу произошёл с нами, поэтому сама судьба сделала нас экспертами по змею, которые много могут об этой гадине рассказать.

Исторические срывы, ведущие к подобным захватам, обуславливались сходным образом. Наш вариант тоже уже встречался в прошлом. Это явствует даже не из сказок, а из Библии, а именно – из книги пророка Даниила и книги пророка Иеремии. Его специфика описана там настолько точно, что поневоле начинаешь спрашивать себя: с прецедентом ли имеешь дело или с прогнозом?

В последней, четырнадцатой главе книги пророка Даниила рассказано, что у вавилонян был весьма чтимый идол, находившийся в строго охраняемом и запиравшемся на ночь помещении – по нашему в МАВЗОЛЕЕ. Имя же этого идола было ВИЛ – аббревиатура того, который лежит ныне в нашем мавзолее. Есть и ещё один полностью совпадающий признак, который окончательно устраняет предположение о случайном сходстве: главной заботой жрецов ВИЛа являлось то, чтобы убедить царя и весь народ, что идол этот не мертвый, а живой. Ведь точно то же самое внушают нам с самого детства: „Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить“ и „Ленин и сейчас живее всех живых“. Во втором лозунге декларируется не просто принадлежность мавзолейной куклы к разряду одушевлённых тварей, куда принадлежим и мы, но утверждается, что он по своему экзистенциальному уровню находится выше нас, т. е. представляет собою особую, царственную, отмеченную свыше личность. Однако, лежащий в склепе кумир не является драконом – многоглавое чудище образуют его жрецы, т. е. верхушка коммунистической партии. Так же обстоит дело и в Библии. ВИЛ отнюдь не является драконом, как это может показаться с первого взгляда. Об этом сказано недвусмысленно. Сразу после того, как заканчивается разговор об идоле, в главе XIV появляется настоящий дракон, так прямо и именуемый драконом, и начинается классичес-

кая эпопея змееборчества, к анализу которой мы ещё вернемся. Оказывается, вавилонский ВИЛ был лишь вспомогательным средством, используемым змеем, а не самим змеем. Это же можно сказать и про российского ВИЛа, поскольку аналогия здесь полнейшая. Последний нас интересует, конечно, больше первого, поэтому мы поведём речь теперь именно о нём.

Нашим срывом была революция 1917-го года. А она органически связана со сформировавшимся в народном сознании образом её **вождя**. Без него могла бы произойти только февральская революция, не имеющая продолжения в октябрьской. Многие авторы придерживались именно этой точки зрения, но в важном пункте допускали ошибку. Они говорили так: социалистическая революция победила благодаря Ленину. На самом же деле она победила благодаря не Ленину, а **образу** Ленина, легенде о Ленине. Этот образ ни по функциям, ни по свойствам не имел ничего общего со своим прообразом. Известно, что сразу же после октябрьского переворота, Ленин потерял контроль над ходом событий, а с 1923-го года и до смерти находился фактически под домашним арестом в подмосковной усадьбе Горки. Тем не менее, всё, что происходило, приписывалось его инициативе: и Брестский мир, и разгром Врангеля и Колчака, и создание СССР, и отделение церкви от государства, и нэп, и подавление антоновского бунта, и установление дипломатических отношений с Афганистаном, и чуть ли не реформа правописания. Что же касается личных качеств, то у реального Ленина они были прямо противоположны качествам Ленина воображаемого. В жизни это был человек весьма посредственных способностей, а в области отвлечённого мышления, требующего чуткости к логическим категориям, на редкость бездарный. Его „Материализм и эмпириокритицизм“ обнаруживает удивительную метафизическую глухоту автора, полное его непонимание того, что такое философия, какие у неё задачи, и какова её проблематика. Бердяев как-то от нечего делать стал листать этот опус и выписывать на бумажку только самые очевидные неле-

пости; когда их число достигло двух сотен, это занятие ему надоело, и он его оставил. В легенде же Ленин обладает огромной силой ума и свободно оперирует такими сложными абстракциями, которые большинству людей недоступны. Как всякий может убедиться из его дышащих ненавистью произведений (как убедился в этом Солоухин, поделившийся с нами своими открытиями в эссе „Читая Ленина“), в жизни это был крайне злой человек, проявлявший абсолютную нетерпимость ко всякому, кто не хотел принять его вульгарные представления о мире, так и не ушедшие дальше представлений его любимых авторов – Писарева и Чернышевского. Но в легенде это – ангел доброты, воплощение скромности и интеллигентности.

Когда хотя бы в одном аспекте начинается такое откровенное пренебрежение лежащей на поверхности правдой о человеке, можно быть уверенным, что оно распространится на все аспекты, и отныне, что бы этот человек ни делал и ни говорил и какая бы новая информация о нем ни становилась известной, всё будет только увеличивать восхищение им и преклонение перед ним, ибо здесь вступает в силу закон „не по хорошему мил, а по милу хорош“. Так произошло и в данном случае. Иллюстрировать это можно сотнями примеров, но приведём лишь один. Когда Ленин умер, осиротевшие большевики решили вынуть из черепа его сверхчеловеческий мозг и с помощью этого уникального инструмента завершить начатое Лениным дело освобождения пролетариата. Как конкретно они собирались это делать – прочитать ли по извилинам программу мировой революции или ещё как-то, осталось неясным, но намерение было вполне серьёзным. Из Германии были вызваны два известных нейрохирурга, которые в присутствии высокопоставленных партийцев произвели трепанацию. И тут взорам собравшихся открылось нечто неожиданное: мозг Ленина оказался по своим размерам не больше грецкого ореха, так как он уже много лет разрушался прогрессивным параличом. И что же вы думаете, революционеры приш-

ли в ужас? Как бы не так: они пришли в восторг! Один из очевидцев этой сцены писал в вышедшем при Хрущеве сборнике воспоминаний о Ленине, что все так и ахнули: вот это гений, даже **таким** мозгом сумел перевернуть Россию и создать бессмертное учение! Комментировать это, наверное, нет надобности – ясно, что мы имеем здесь дело не с наивностью или глупостью, а с тяжелой, трудноизлечимой и опасной формой коллективного безумия.

Безумие состояло в том, что наш народ сотворил себе идола и стал с криками радости плясать вокруг него, веря, что он бессмертен, и надеясь обрести в своей любви к нему источник творческой энергии. А идол и при жизни-то был недостоин этих сильных чувств, а скончавшись и вообще стал восковым манекеном. Возможно, после его кончины и наступило бы массовое отрезвление, но тут на сцену выступило многоглавое чудище, которое объявило себя верховным хранителем идольского алтаря, источающего из себя его живой дух, единственным полномочным восприемником этого духа и законным наследником всех сокровищ его учения. Чудище это имеет сейчас много разных кличек: „система“, „советская власть“, „партократия“, „коммуняки“, „командно-бюрократический аппарат“ и другие, но все они неточны. Лучше всего к нему подходит все-таки имя „Змей-Горыныч“. От лица вечно живого ВИЛа этот змей продолжает высасывать соки из наших душ, а мы не решаемся ему воспротивиться, так как созданный нами же самими идольский образ всё ещё оказывает на нас гипнотическое действие. К тому же, несмотря на примитивность своей духовной организации, дракон проявил в нужный момент большую предусмотрительность: когда мы пребывали в послереволюционной эйфории, он, якобы для нашего же блага, отобрал у нас всю собственность и, став её монопольным владельцем, держит нас в кабале и через это.

Тем, кто не жил под этим гнётом, трудно объяснить, насколько он отвратителен. Серафима Саровского как-то спросили, видел ли он бесов. „Они гнусны“, – ответил

преподобный, и ничего больше не добавил. Видно, в человеческом языке нет таких слов, которые могли бы передать бесовскую гнусность. Точно так же невозможно описать словами мерзость взимающего с нас дань Змея-Горыныча. Сделать это пытались многие – эмигрантские историки, диссидентствующие публицисты, анонимные сочинители анекдотов, романисты вроде Орвелла и Кестлера – но от тех, кто не испытал когтей дракона на себе, все эти описания отскакивают, как горох от стенки. И я имею в виду даже не тех западных либералов, которые пользуются всеми благами свободного мира и восхваляют социализм – этих безнадёжных идиотов мог бы вразумить лишь новоявленный Ленин, начав освобождать в их стране рабочий класс от эксплуатации, – а людей более или менее вдумчивых и способных в какой-то мере сочувствовать чужой беде. Им тоже нас до конца не понять. И всё же, пусть это глас вопиющего в пустыне, мы должны снова и снова кричать на весь мир о гнусности змея и предостерегать людей от того, чтобы оказаться у него в плену. Как-никак, капля камень точит, и может быть рано или поздно они что-то поймут.

Самым непереносимым является то, что змей не довольствуется „кесаревым“, а требует ещё и „Богова“. Ему мало, что он грабит нас так, как не снится грабить своих рабочих ни одному капиталисту, – ему надо ещё, чтобы мы при этом считали его своим благодетелем, видели в нём отца родного, открывали ему свои сердца, делились с ним самыми сокровенными своими чаяниями, отдавали ему жар своей души, говорили ему тёплые и ласковые слова, выражали ему своё восхищение, удивлялись его необыкновенной мудрости, ловили каждое его слово как божественное откровение, благодарили его за счастливую жизнь, которую он нам дал, посвящали ему свои лучшие стихи и песни. Короче, ему нужна наша искренняя любовь. Но к этой неподдельной любви он принуждает нас силой. Может ли что-либо быть более противоестественным и унижительным? Судьбу нашего народа можно сравнить с судьбой несчастной женщины, которую обма-

ном взял за себя коварный урод и после свадьбы стал побоями и угрозами домогаться от неё нежных чувств. Это куда хуже, чем брак по расчёту и даже чем множественные брачные отношения по расчёту, именуемые проституцией. Там женщина лишь добросовестно исполняет свои супружеские функции, отработывая этим своё содержание, но не понуждается к чему-то большему, выходящему за рамки чётко очерченных взаимным соглашением обязательств. А здесь из неё выматывают душу, лезут грязными лапами в самое сокровенное, посягают на внутренний мир...

Не познавшие всего этого на собственном опыте недоуменно спросят: но как же кто-либо может **заставить** человека полюбить его? Принудить можно лишь притвориться любящим, но не любить по-настоящему, ибо подлинная любовь всегда возникает спонтанно, таинственным и непредсказуемым образом рождаясь в тайниках нашего „Я“.

Это недоумение основано на упрощённом представлении о человеке. На самом деле он существо настолько сложное, что не вмещается ни в какую теоретическую модель. Оказалось, что вопреки мнению психологов, он может полюбить кого-то не по внутреннему выбору, а по внешнему указанию, если только это указание подкрепляется применением соответствующих средств. Змей их как раз и применил.

Какие же это были средства? О, их было много! Скажем лишь о трёх главных.

Первое и самое простое средство – страх. Жить-то хочется всякому, и когда ты знаешь, что, если не проникнешься горячей симпатией к змею, тебя могут среди ночи выволочь из квартиры, пытать в застенках ЧК, а потом застрелить как собаку или послать на ртутные рудники, где все твои зубы раскрошатся в пыль, ты поневоле начнёшь этой симпатией проникаться. Механизмы самозащиты нашего организма располагают каким-то компьютером, который неощутимо для нас просчитывает все варианты поведения, сравнивает их последствия и отыс-

кивает оптимальный в смысле безопасности вариант, после чего начинает подводить под него мировоззренческую базу. Неожиданно для нас самих нам вдруг перестаёт нравиться то, что нравилось прежде, и начинает нравиться ранее отвергавшееся. В тридцатые годы суд мог вынести приговор по таким обвинениям, как „не любит советскую власть“ или „не верит в победу коммунизма“, иными словами, наказать не за неправильные **действия**, а за неправильные **чувства**, и все это прекрасно знали. Поэтому в душах людей происходили глубинные самоохранительные процессы, вырабатывающие „правильные“ чувства, т. е. такие, которые давали шанс остаться живым.

Второе средство – ложь. Лживость есть даже не свойство змея, а его атрибут – черта, характеризующая саму его природу. Некий диссидент Михеев ещё в шестидесятые годы нашёл для СССР гениальное название: „Империя лжи“, лучше которого с тех пор никто не придумал. Даже рейгановское „Средоточие зла“ много слабее, ибо не очень конкретно. Беспардонно лгать большевики начали ещё до революции, поскольку именно с помощью лжи и готовили революцию, но по сравнению с тем, как стали лгать они потом, это был детский лепет. Захватив власть, коммунисты стали вовлекать в дело производства лжи весь народ. Каждый взрослый гражданин под страхом смерти был обязан постоянно лгать: на собраниях, на митингах, на работе, в печати (если печатался), в докладах (если делал доклады), в трамвае, на улице, в бане, в парикмахерской, в магазине, на пляже и вообще всюду. В словах „под страхом смерти“ нет никакого преувеличения: если кто-то в те годы осмелился сказать вслух **всю правду**, он моментально получил бы высшую меру. И когда в результате такой длительной массированной атаки на правду реальность перемешалась в головах с выдумкой, резко деформировалась и естественная шкала ценностей, так что люди перестали понимать, кого надо любить, а кого ненавидеть. И вместо абсолютных критериев тут пошли в ход относительные – например, безопасность.

Третье средство уже упоминалось – это создание образа любимого Вождя. Хотя лежащий в мавзолее муляж был объявлен вечно живым, всё же не мог служить возбудителем народных чувств в такой же степени, как в годы, когда он ходил по земле. И у него появился дублёр – немногословный кавказец в скромной гимнастёрке и с трубкой в зубах. Вскоре его образ слился с системой так же прочно, как и образ ВИЛа, и одним из первых это почувствовал Анри Барбюс, сказавший знаменитую фразу: „Сталин – это Ленин сегодня“. Конечно, второй вождь тоже не был змеем, а, как и первый, являлся лишь идолом, но, как мы уже знаем, существование идола чрезвычайно полезно для змея. Народу легче поклоняться чему-то персонифицированному, и он стал поклоняться системе не отвлечённо, а в **лице** товарища Сталина.

Так Змей-Горыныч добился с самого начала провозглашённой им цели: **создал нового человека**. Новизна этого человека заключалась в том, что он мог возлюбить то, что для прежнего человека было бы любить естественно, и поверил в то, что прежний человек счёл бы совершенным безумием. В нашей стране появились не единицы или сотни, а миллионы и десятки миллионов людей, полюбивших ограбившую их советскую власть и поверивших в то, что через какое-то время все будут заходить в магазин и брать бесплатно всё, что им понравится. А годы шли, и второй идол тоже однажды скончался. Сперва и его сгоряча провозгласили вечно живым и положили в тот самый мавзолей, но потом поняли, что, если пара: „муляж – человек“, ещё имеет смысл, ибо второй восполняет то, чего лишён первый, то пара: „муляж – муляж“ – абсурдна. Не могут же сразу оба покойника быть „живее всех живых“. Сообразив это, змей второго усопшего из мавзолея выкинул, после чего начал длительную деятельность по его развенчанию. Выяснилось, что одного из идолов выгодно превратить в антиидола, так как при этом он сможет взять на себя полезную функцию козла отпущения. Пинать этого козла стало сейчас чрезвычайно модным занятием. Его привлекательность

связана вот с чем: дракон ныне одряхлел и стал не таким грозным, как прежде, поэтому многие у нас осмелели и почувствовали подсознательное желание выйти из-под его власти. Но поскольку понятия в головах всё ещё спутаны, большинство ошибочно отождествляет дракона со Сталиным, вследствие чего предание проклятию Сталина кажется им освобождением. Но это совсем не есть освобождение. О нём можно будет говорить только тогда, когда мы вернём в свое личное пользование ту дань, которую столько времени выплачивали чудищу, а такое возвращение пока не состоялось. Мы всё ещё живём в околдованном царстве, и это видно даже по внешним признакам, удивительным образом совпадающим с признаками, описанными в сказке. Ведь, что прежде всего бросается в глаза сказочному герою, попавшему в находящуюся под игом змея страну? Во-первых, крайняя материальная нищета, во-вторых, упадок хозяйства, свидетельствующий о всеобщей апатии, в-третьих, боязливость и скованность жителей, отвечающих на расспросы чужестранца заученными фразами, а если и приоткрывающих ему правду, то только шопотом и предварительно оглядевшись. Но у нас точно то же самое! Особенно наглядно видишь это, когда после пребывания на Западе возвращаешься домой. Там тебя окружало изобилие, жизнь кипела ключом, лица людей были открытыми и благожелательными, и было такое чувство, будто находишься в наполненном красками и звуками тропическом лесу, а здесь ты сразу попадаешь в пустыню. Ещё более сильное впечатление этот контраст должен произвести на приезжающих к нам иностранцев. Суммируя рассказы побывавших в СССР православных американцев, глава Русской Церкви Заграницей, митрополит Виталий, пишет: „Русская народная масса – нервная, напряженная, часто грубая. Не видно хорошей простой улыбки на лицах, не слышно непосредственного смеха“. О скудости ассортимента магазинов, отсутствии всякого сервиса, загаженности подъездов, замусоренности телефонных будок и других подобных вещах, создающих картину

мерзости и запустения, нечего и говорить. Но эта видимая пустыня есть лишь доступное взору отражение пустыни наших душ. Отощание наших житниц и складов – следствие обмельчания наших личностей. Именно в этом величайшая трагедия нынешней России.

Человеческое „Я“ складывается из трёх составных частей: внутренней свободы, интимности мироощущения и самостоятельности мысли. Кратко они именуются волей, чувством, разумом. Отними любую из частей, и личности не будет. А наш змей как раз их-то и отнимает, если не полностью, то наполовину. Из-за этого мы превратились в людей второго сорта, стали ущербными существами.

Отдавая змею долю своей внутренней свободы, мы делаемся вялыми, неинициативными, неспособными к принятию ответственных решений и к энергичным действиям. Мы ничего не предпринимаем самостоятельно, так как надеемся на змея. Заплатив ему оброк своей волей, мы ждём, что он этой отданной ему волей должным образом распорядится, забывая о том, что он не является личностью и поэтому распорядиться этим личностным инструментом никак не может. В итоге, экономика приходит в упадок. Скажем, на подъездах к Москве стоят сейчас тысячи вагонов с предназначенными для торговой сети товарами, а магазины пустуют. В любой нормальной стране горожане давно бы с песнями двинулись к железнодорожным путям, засучив рукава освободили вагоны и всё было бы в порядке. Нам же и в голову не приходит сделать это – мы будем громко возмущаться создавшейся ситуацией, но не ударим палец о палец, чтобы изменить её к лучшему. И психологически это вполне понятно: раз мы поступились нашей личной волей в пользу змея, то пусть змей и употребит эти собранные вскладчину волевые ресурсы на решение всех наших проблем, в том числе и проблемы разгрузки составов. А поскольку всякую конкретную проблему должен решать все-таки **кто-то**, мы определяем для своего удобства и ту персону, которая от имени змея обязана ею заниматься: министр

путей сообщения Конорев. Но если бы он был и самим Шоном Коннери в роли сверхчеловека Джеймса Бонда, он всё равно не мог бы ничего сделать, поскольку змей и для него является внешней инстанцией, до которой, как и мы все, он не может достучаться. Важно понять простую истину: **змеи властвуют и над теми, из кого он состоит.** Он берёт дань со всех, начиная от последнего клерка и кончая Рыжковым и Горбачевым. Руководители страны тоже постоянно жалуются на объективные препятствия, на косность, на „определённые силы“, на саботаж, на „противников перестройки“, поскольку стремление персонифицировать зло заложено в природе человека, но они, конечно, не могут назвать ни одной конкретной фамилии. Дело в том, что пустоглазая тварь, вскормленная всеми нами сообща, фамилии не имеет.

Отказавшись от интимности своего мироощущения, мы лишаемся драгоценной способности художественного творчества. Неверно думать, будто она нужна только поэтам и живописцам: такое творчество есть один из главных способов познания вещей для любого человека. В создании специфического образа окружающего мира раскрывается неповторимость дарования каждого из нас, заявляет о себе наш особый душевный склад, проявляются глубинные особенности натуры. Это самовыявление типа личности имеет огромное значение как для индивидуума, так и для общества. Только оно может дать человеку ощущение полноты бытия и удовлетворенность делаемым, т. е. то, что принято называть счастьем. Если же оно оказывается невозможным, человек делается злым, ему всё не нравится, никто не может ему угодить, внутри накапливается горечь и пессимизм, и он становится именно таким, каким описал советского человека митрополит Виталий. А под змеем оно невозможно, потому что, жертвуя ради него приватностью своего внутреннего мира, человек лишается возможности формировать этот мир по своему усмотрению и начинает усваивать то, что навязывает ему змей. А он в этой сфере может навязать лишь тот уровень, до которого поднялся в своём раз-

витии сам, то есть уровень чуть выше амёбы. Коготок увяз – птичке пропасть, и вот уже все мы вынуждены любить то, что любит пленившее нас пресмыкающееся, и ненавидеть то, что оно ненавидит. Это вторжение чешуйчатых конечностей в сокровенную лабораторию чувств было, пожалуй, самым страшным из того страшного, что принёс нам период нашего пленения. Мы все оказались втянутыми в мышиную возню фракционных дрызг, о которых никак не могут забыть большевики, и какие-то случайные их обидчики, вроде ничтожнейшего Каутского, разрастались в наших глазах до грандиозных демонических фигур масштаба Люцифера, достойных вечного проклятия потомков. Все действующие лица мировой истории были разделены змеем на „плохих“ и „хороших“, между которыми зияла пропасть, а поскольку первых было неизмеримо больше, чем вторых, воспитывались мы в основном на чувстве ненависти. Однако и „хорошие“ не были все одинаковыми и образовывали чётко установленную иерархию. В частности те, кто жили до появления марксизма, будь они хоть семи пядей во лбу, рассматривались лишь как полезный навоз, удобивший почву для появления людей, овладевших этим великим учением. Но одна категория лиц стояла как бы вне эпох и формаций, и к ним в ледяной душе дракона теплилось что-то вроде родственного чувства. Это были знаменитые исторические разбойники: Стенька Разин, Иван Болотников, Емелька Пугачёв, Салават Юлаев, Гришка Котовский и им подобные. Восхищаться этими душегубами были обязаны и мы. И такая вывороченная наизнанку система предпочтений внедрялась в наше сознание не только по отношению к историческим персонажам, но распространялась и на моральные принципы. Евангельские заповеди были преданы осмеянию, супружеская верность объявлена буржуазным пережитком, а филантропия – лицемерием, зато зависть к чужому благополучию получила теоретическое обоснование в учении о неизбежности классовой борьбы, и лозунг „грабь награбленное“ указал путь её практической реализации. Печальным итогом всего

этого стали не только миллионы искалеченных душ, но и гибель нашей великой культуры, ибо любая подлинная культура может вырастать только из художественной обработки внешних впечатлений суверенной индивидуальной душой, строго оберегающей естественную для человека шкалу ценностей.

Наконец, уступив дракону долю самостоятельности своей мысли, мы порождаем такую страшную вещь, как **лженаука**. В области разума мы включаем в действие тот же процесс, что и в области воли и чувств. Вначале мы выращиваем одну из голов змея добровольно, а потом она отбирает у нас средства для своего прокормления силой. Лженаука представляет собой нечто вроде стихийного бедствия, но возведённого в квадрат. Ведь убыток от засухи или землетрясения связан только с их последствиями, поскольку на то, чтобы они произошли общество денег не тратит, а лженаука сначала требует затрат на своё создание, а потом наносит ущерб своим функционированием. Этот ущерб складывается из осуществлённого вредного и неосуществлённого полезного. К первому относятся постоянные „ошибки“ науки – такие, как Чернобыль, отравление воздуха, погубление рек плотинами и многое другое, что нам нет надобности перечислять, так как это всё время делают „зелёные“. Надо только заметить, что в нашем зачарованном государстве эти „ошибки“ гораздо многочисленнее и масштабнее, чем где бы то ни было. Второе зло, быть может ещё худшее, состоит в том, что выступающая под вывеской науки лженаука сумела убедить нас, будто её метод познания универсален и поэтому она всемогуща, и мы стали смотреть на неё как на палочку-выручалочку от всех бед и напастей. У нас выработался чёткий рефлекс: если в каком-то вопросе возникают трудности, значит надо создать соответствующий НИИ, или хотя бы академическую „комиссию по изучению“. Дело тут доходит просто до абсурда. Скажем, когда на Кавказе началась межплеменная резня, мы стали объяснять это тем, что наши специалисты по национальному вопросу что-то недоглядели, недоучли, недоиссле-

довали и недодумали, и призвали их поскорее выработать научные рекомендации по решению этой проблемы. Такие сетования содержались даже в правительственных заявлениях. И никто не заметил нелепости таких призывов, никто не выразил недоумения: а причём тут наука? Неужели, если доктора с кандидатами сядут, поколдуют, дунут-плюнут и выдадут рекомендации, то армяне перестанут считать Карабах своей исконной землей или азербайджанцы скажут, что он им теперь не нужен? Рассуждая таким образом, можно договориться и до того, что такие прискорбные события, как приход к власти Гитлера или возникновение культа личности Сталина тоже произошли по упущению учёных.

Но если бы мы уповали на науку только в чрезвычайных ситуациях, это ещё куда бы ни шло. А мы ведь вверили ей свою каждодневную судьбу, ибо в самую основу нашего народного хозяйства положен принцип **научного планирования**. Двигаясь по незнакомому городу со сложным пересечением улиц и быстро меняющейся обстановкой, мы программируем на пять лет вперёд, в какой момент и куда повернуть руль своего автомобиля. Понятно, что он то и дело стучается о препятствия, а сейчас, похоже, окончательно забуксовал.

Переложив все дела, требующие работы интеллекта, на внешнюю для каждого из нас инстанцию, которую мы называем „наукой“, мы совершенно разучились пользоваться собственным интеллектом. В результате произошло самое худшее: имена отделились от сущностей и начали самостоятельное существование. Это означает, что мы переселились из мира понятий в мир **звуков**. Произнося какое-то слово, мы воспринимаем его как музыкальный аккорд, вызывающий в душе определённый комплекс эмоций, но не задаёмся вопросом, что оно означает по смыслу. Иллюстрацией к тому может служить само слово „наука“. Оно вызывает у нас положительные эмоции, ассоциируясь с чем-то полезным и нужным, но мы не даём себе труда вспомнить определение этого понятия и проверить, подпадает ли под него то, что представляет

собой сегодняшняя „наука“. А если бы мы сделали это, то сразу убедились бы, что не подпадает. А вот другие примеры имеющих ныне широкое хождение бессмысленных звуков: „духовность“, „милосердие“, „демократия“, „социализм“, „потенциал социализма“, „экономическая реформа“, „новое мышление“...

В общем, как это ни печально, приходится констатировать, что мы стали ущербными во всех трёх частях нашей души и утратили своё, некогда высокое, человеческое качество. В этом заключается основное наше несчастье. И конечно, таким методом, как предание анафеме товарища Сталина, дела не поправишь. Ведь в этом занятии мы всего лишь нашли новую форму внешнего самовыражения, а внутри остались теми же самыми. Плохой патефон не станет хорошим оттого, что на нем сменят пластинку. „Сталинизм“, который мы так дружно теперь ругаем, является для нас таким же бессодержательным звуком, как и „перестройка“, только этот звук не успокаивает, а раздражает. Надо делать не это, а совсем другое. Надо **освободиться от змея.**

Но возможно ли это?

Ответить на этот вопрос отрицательно мы просто не имеем права, иначе мы впадём в уныние и обречём себя на вечное пленение. Освобождались же от наваждения другие народы – об этом свидетельствует и устный фольклор и письменные источники, в частности, Библия. Чем мы хуже их? Эти свидетельства должны нас ободрить и активизировать. Опыт этих народов для нас драгоценен, и сюжет змееборчества должен стать сегодня предметом нашего углублённого изучения и осмысления.

Обобщив имеющийся материал, можно установить, что в истории встречались два варианта высвобождения изпод змеиного ига: быстрый и затяжной. В первом варианте в зачарованное царство приходит некий чужестранец и, удивившись, что такое многочисленное племя покорно отдаёт наглой твари всё лучшее, даже человеческие жизни, выходит на поединок со змеем и побеждает его. Тут надо обратить внимание на два важных момента.

Во-первых, освободитель всегда является для освобождаемой им страны неместным. Во-вторых, он действует против змея в большинстве случаев не силой, а умом или знанием. Оба эти признака можно проиллюстрировать тремя классическими примерами. Эдип, хотя он и родился в Фивах, ещё младенцем попал на чужбину и там вырос, так что когда он освобождал город от сфинкса, ни он сам, ни горожане не знали, что он не иностранец. Взял же он верх над сфинксом благодаря тому, что разгадал его загадку. Уже упоминавшийся нами Даниил после уничтожения культа ВИЛа взял на себя миссию змееборца. Он сказал царю: „Я умерщвлю дракона без жезла и меча“ (Дан. 14, 26). Он взял смолы, жира и волос, сварил всё это и, сделав из варева ком, бросил его в пасть дракону, и дракон рассеялся. „И сказал Даниил: вот ваши святыни“ (Дан. 14, 27). И, как положено, Даниил не был вавилонянином. А вот самый знаменитый из христианских змееборцев, святой Георгий. Его победа над змеем довольно таинственна: осенив себя крестным знамением, он устремляется на чудище и делает с ним нечто такое, после чего тот становится ручным, так что предназначенная ему в жертву царица ведёт его в город на привязи как собачонку. Какова же расшифровка этих двух характерных черт змееборца?

Ключ к разгадке даёт нам именно Георгий Победоносец. Хотя он вырос в том самом Ливане, где одолел змея, для спасённого им народа он всё равно был **неместным**, так как его „чудо о змее“ совершилось много лет спустя после 303-го года, когда он принял мученическую кончину. Он был неместным в смысле **потусторонним**. Для жителей Бейрута это был **местный святой**, притом **мученик**. Вот она, первая черта героя-змееборца. Вторая вытекает из первой: он одерживает победу **силой Святого Духа**. Можно быть уверенным, что в своём тяжком обстоянии бейрутцы возносили Георгию молитвы, прося походатайствовать перед Богом о спасении их от змея. И молитва была услышана и ходатайство удовлетворено. Бог простил им грех идолопоклонства, с которого всегда

начинается захват народа змеем, и послал выручать их самого же ходатая, наделив его непобедимой силой. Ею несчастные и были спасены. Следовательно, мы имеем здесь такую схему событий: ГРЕХ – ПЛЕНЕНИЕ – ПОКАЯНИЕ – ОСВОБОЖДЕНИЕ.

Хотя так явно эта схема прослеживается лишь в житии св. Георгия. как историческую подоплёку её можно разглядеть и в других случаях. В библейском сюжете о змееборце Данииле комментаторы отмечают неувязку: преданный истинному Богу человек с таким именем жил не в то время, когда в Вавилоне поклонялись дракону, а много раньше, при пророке Аввакуме. Если это так, то Даниил, как и Георгий, уничтожил дракона уже **после своей смерти**, т. е. как посланный с неба ангел-хранитель своего народа. И уничтожил его „без жезла и меча“, т. е. опять Божьей силой. Добавим к этому, что он тоже был мучеником – его бросили в ров со львами. Что же до Эдипа, то тут надо учесть, что сказание о нём дошло до нас в обработке Софокла, сделавшего из него психологическую драму с оттенком морализаторства, и её сюжетным центром оказалась не борьба со сфинксом, а биография Эдипа, так и не сумевшего уйти от предопределения судьбы. Естественно, что он изображен в пьесе живым человеком. Но характер его победы над сфинксом остался у Софокла духовным, каким он был, видимо, в более раннем народном повествовании. И опять он мученик, да ещё какой: терзается муками совести, сам себя ослепляет и т. д.

Схема второго варианта в наиболее полном виде раскрывается в Библии. Мы знаем, что Даниил бросил в пасть дракона ком, и дракон рассеялся. Однако на этом дело вовсе не кончилось. Жрецы возмутились и заставили царя отдать Даниила на съедение львам. Прежний культ был восстановлен, и народ продолжал страдать и плакать. Его стенания переданы пророком Иеремией: „Пожрал меня и грыз меня Навуходоносор, царь Вавилонский, сделал меня пустым сосудом; поглощал меня как дракон; наполнял чрево своё сластями моими“ (Иер.

51, 34). Попытка Даниила освободить пленных не удалась, и причиной этой неудачи было то, что в стране **не было всеобщего покаяния**. К живому Богу обратилось лишь меньшинство, а остальные продолжали чтить идолов, просто заменив их новыми. И тогда Бог прогневался, и участь Вавилона была решена. Об этом Господнем решении возвестил пророк: „И посету Вила в Вавилоне и исторгну из уст его проглоченное им, и народы не будут более стекаться к нему, даже и стены Вавилонские падут“ (Иер. 51, 44). Попущением Божиим Вавилону была уготована суровая кара, физическое разрушение города. Но неужели Бог не пожалел тех, кто в Вавилоне оставался Ему верен? Нет, Он пожалел их и указал им путь к спасению: „Выходи из среды его, народ Мой, и спасайте каждый свою душу от пламенного гнева Господня“ (Иер. 51, 45). Этот наказ так важен, что повторяется в другом месте: „Бегите из среды Вавилона, и спасайте каждый душу свою, чтобы не погибнуть от беззакония его, ибо это время отмщения у Господа“ (Иер. 51, 6). Итак, схема событий здесь такова: ГРЕХ – ПЛЕНЕНИЕ – НЕДОСТАТОЧНОЕ ПОКАЯНИЕ – БОЖЬЯ КАРА – ГИБЕЛЬ БОЛЬШИНСТВА И СПАСЕНИЕ „МАЛОГО СТАДА“.

Этот вариант страшен. Тут льётся кровь, гибнут люди, разлучаются родные и близкие, расточается нажитое добро. Это наглядное напоминание о последних временах, „малый Апокалипсис“. И всё же это **освобождение**. Просто болезнь заходит здесь так далеко, что исцелить больное общество можно только хирургическим путём. Спасти весь народ на этот раз не может и сам Бог, так как народ не хочет спастись, и шанс даётся только его части. Но от этой части требуется теперь совершенно иная стратегия поведения. В первом варианте людям надо было держаться вместе, тут им надо покидать обречённое царство поодиночке, ибо устами великого пророка Бог сказал дважды: спасайте **каждый** душу свою. Разумеется, покидать не в материальном, а в духовном смысле. Речь идёт не о том, чтобы, так и не обратившись к живому Богу, эмигрировать в какую-то другую страну, а о том,

чтобы в индивидуальном порядке, не оглядываясь на других, прекратить выплачивать свою дань змею. Надо выйти не из территории – надо выйти из стада идолопоклонников,двигающегося к верной гибели.

*

Я жадно всматриваюсь в происходящее вокруг, вслушиваюсь в разговоры соотечественников, ловлю их интонации, стараюсь разгадать выражение лиц, – и всё это для того, чтобы понять: каков он сегодня, дух русской нации? Есть у нас массовое покаяние, дающее надежду на бескровное освобождение от дракона, или же надо приготовиться к худшему исходу?

Я очень хочу увидеть признаки такого покаяния, но не вижу их.

Первым его признаком должно быть всеобщее молитвенное обращение к небесному заступнику. Есть ли он у нас? Ведь его роль может играть не всякий умерший соотечественник и даже не всякий святой. Он должен удовлетворять сразу многим требованиям: прожить чистую, праведную жизнь, отличаться прямотой и благородством, быть беззаветно храбрым, быть безупречным христианином, иметь пламенную веру, глубоко понимать суть несчастья своей страны, бесконечно любить свою страну и свой народ и засвидетельствовать эту любовь мученической кончиной, и, вдобавок, обладать какой-то формой сугубой благодати. Так вот, лицо, которому присущи все эти качества, у нас есть – это наш последний государь, Божий помазанник Николай Александрович. В нём мы могли бы иметь такого идеального ходатая перед Богом, какой вряд ли есть у других народов. Однако это сокровище лежит втуне, и мы его никак не используем. Мы не только не понимаем, какой это великий святой, мы даже не испытываем к нему чисто человеческого уважения и бездумно повторяем всю ту гнусную клевету, которую изобрели и распространяли о нём разрушители Великой России, прекрасно знавшие: для того, чтобы её раз-

рушить, в первую очередь надо опорочить „Удерживающего“. До сих пор можно слышать, что „Николашка“ был глуп, а если не глуп, то слабоволен, что он находился под дурным влиянием взбалмошной жены, что не разгадал в Распутине шарлатана и т. п. И это говорится не на основании изученных фактов, а вопреки ныне всем доступному материалу. Этот материал просто не удосуживаются прочесть, чтобы, не дай Бог, не пришлось пересматривать привычные стереотипы.

Вторым признаком должно быть прекращение идолопоклонничества. Но оно продолжается. Уже почти семьдесят лет на площади, которая была для наших предков священной, и которую они называли Красной, то есть Красивой, лежит высохшая мумия паралитика, никакими талантами, кроме звериной ненависти к России, не обладавшего, и у дверей его склепа каждый час сменяется „почетный караул“, составленный из русских юношей. Во всех наших городах главные улицы названы его ненастоящей фамилией, а в бесчисленных залах, где проходят собрания, вечера и концерты, стоит его бюст или висит его портрет. Даже при нынешней „гласности“ самое большое, на что отваживаются смельчаки, – это поставить под сомнение его стопроцентную правоту во всех областях. А остальные довольствуются тем, что выискивают доказательства его единомыслия с ними по какому-нибудь вопросу, т. е. стараются задним числом привлечь его на свою сторону, чтобы этим укрепить свою позицию. Это показывает, что мы так и не вышли из-под гипноза идольского имени.

Третьим признаком должно быть нарастание ненависти к змею, т. е. к социализму. Но и этого признака не видно. Максимум, что тут имеется – осуждение „командно-бюрократических методов управления“, т. е. не самого змея, а его пособников. Особенно бросается в глаза отсутствие этого признака на фоне происходящего сейчас в Восточной Европе и некоторых наших республиках процессов. Там свергают памятники Ленину, переименовывают названные в его честь улицы и предприятия, распускают

компартии, народ выходит на площади с антисоциалистическими лозунгами, снимается запрет на частную собственность, отдаётся земля крестьянам; там всё кипит и негодует, всё жаждет отмщения за десятилетия униженного состояния; терпение народов лопнуло и они не хотят больше выплачивать дань скользкой рептилии, их больше не проведёшь на мякине „единственно верного учения“. Уже и Украина начинает клокотать, а в нашей бедной России всё по-прежнему тихо. И за этой тишиной угадывается боязнь расстаться с социализмом: а вдруг без него начнётся эксплуатация? То, что Змей-Горыныч дерёт с нас десять шкур, мы не замечаем, а вот если на нас станут наживаться частники, которые из-за взаимной конкуренции вынуждены будут держать размер своей прибыли на разумном уровне, – это нас пугает. „Социализм“ всё ещё ассоциируется в нашем околдованном сознании с чем-то хорошим и гуманным, хотя он всегда был с нами беспощаден и довёл нашу страну до полного убожества. Видно, одно из свойств выращенного змеем „нового человека“ состоит в том, что он лижет бьющую его руку.

Всё это приводит к заключению, что у нас имеется **НЕДОСТАТОЧНОЕ ПОКАЯНИЕ**. Что за этим приходит, мы уже знаем: **БОЖЬЯ КАРА**.

В этом месте многие читатели скажут: она уже была. Да, русский народ провинился, клюнул на обещание лёгкой жизни, забыл Бога и заветы предков, но он заплатил за это миллионами жертв, и теперь на пролитой им крови должна взойти Новая Россия. Нет, эти страдания не **Бог нам послал**, а причинил нам змей, чтобы сломить нас и сделать своими бессловесными рабами. Как видно из фольклора, иногда этого змеиного террора было достаточно для вразумления нации. К сожалению, это не наш случай. А значит – язык не поворачивается вымолвить это – **настоящее наказание у нас ещё впереди**.

Появились уже и предзнаменования того, что оно будет таким же, какое описано в Библии. „Так говорит Господь: вот, Я подниму на Вавилон и на живущих среди него противников Моих и пошлю на Вавилон веятелей, и развеют

его, и опустошат землю его, ибо в день бедствия нападут на него со всех сторон“ (Иер. 51, 2-3). А что сейчас происходит? Явно готовятся силы, готовые развеять Россию как злейшего своего врага, и на Кавказе, и в других местах.

Есть и ещё один многозначительный факт. В нашем обществе как-то незаметно появилась вдруг совершенно новая категория людей: молодые новообращённые христиане. Обычно они многодетны, имеют духовников, регулярно посещают церковь и всей семьей причащаются, обмениваются между собой духовной литературой и иконками. Характерно, что среди них относительно очень высок процент людей с высшим образованием (вспомним, что до революции интеллигенция состояла почти полностью из атеистов). Их можно узнать даже по лицам – светлым, добрым, красивым своей духовностью, – а на раскрывающих ротки для принятия Святых Таин детишек нельзя смотреть без умиления и радости: вот она, наша надежда! А ведь это не только радостное, но и **грозное** явление. Фактически, на наших глазах начала происходить резкая поляризация общества, в результате которой стало образовываться МАЛОЕ СТАДО. Это именно то, что должно наблюдаться перед Божьей карой. Как сказано в Откровении святого Иоанна Богослова о последних временах: „Неправедный пусть ещё делает неправду; нечистый пусть ещё сквернится; праведный да творит правду ещё, и святой да освящается ещё (Откр. 22, 11).

Они не очень многочисленны, эти наши умницы, предусмотрительно вышедшие из приближающегося к пропасти большого стада. Но теперь все наши рассуждения о будущем России должны учитывать только их – остальные приговорены к удалению с исторической сцены. И моя данная статья тоже написана только для них, так что если её прочитал кто-нибудь, к ним не принадлежащий, он только даром потерял время. А милым этим умницам я скажу так: гните и впредь свою линию, ни на что не претендуйте и ничего не бойтесь, не ходите на совет

нечестивых, не соблазняйте политическими страстями, не участвуйте в партийной борьбе, не верьте змею ни в одном слове, ибо он лжец от начала и отец лжи, не отдавайте ему ни одной частицы своей личности, оберегайте свою священную внутреннюю свободу, любите то, что и вправду достойно любви, верьте в свой здравый смысл и не поддавайтесь коварным внушениям лженауки, платите кесарю только кесарево, а все Богово сохраняйте в своих душах. А когда разразится над нами гнев Господень, крепко молитесь за многострадальную нашу землю. И тогда Господь явит чудо и сохранит вас посреди пылающей страны, как сохранил Он когда-то Ананию, Мисаила и Азарию посреди печи огненной. А когда всё кончится, вы станете ядром грядущей России, и эта благословенная дивная страна всплывёт наружу из ваших душ как град Китеж – на удивление и любованье всему миру, – пусть по своей территории она будет размером с Московское княжество Дмитрия Донского. Это и будет освобождение от змея.

Москва, январь 1990 г.

**Письма для редакции «Вече»
направлять по адресу:**

Frau V. Drewing
(für RNV e. V. und «Veche»)
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81
W. - Germany

НОВАЯ КНИГА

Вышла из печати и поступила в продажу
книга академика **И. Р. Шафаревича**,

РУСОФОБИЯ

Академик **И. Р. Шафаревич** – автор исследования
„Социализм, как явление мировой истории“,
(ИМКА-пресс, 1977), переведенного
на несколько языков.

Книга „Русофобия“ написана в Советском Союзе в конце 70-х годов. Рукопись её циркулирующая на родине в самиздате, попала в начале 80-х годов на Запад и оказалась в распоряжении инстанций, заинтересованных в том, чтобы т. н. „русский вопрос“ рассматривался и освещался лишь с антирусских позиций. Поэтому рукопись книги, хранящаяся в западных сейфах, получила гриф „Секретно!“ и не была опубликована.

В конце 1988 года Российское Национальное Объединение в ФРГ, получив из России самиздатский экземпляр книги И. Р. Шафаревича, опубликовало её без ведома автора. Книга получила широкое распространение как в России, так и на Западе; вызвала поток восторженных читательских писем в адрес автора и издателя, а также ряд злобных нападок на страницах русскоязычных русофобских органов печати, издающихся на Западе. Больше того, – некоторые из этих органов осуществили перепечатку „Русофобии“ со злоумышленными сокращениями, искажающими содержание книги.

**Только в издании РНО в ФРГ содержится
неискаженный авторский текст
книги И. Р. Шафаревича „Русофобия“.**

Книга в мягком переплете, 144 стр., цена книги:
в Европе , 25 нем. марок
в заокеанских странах 18 ам. долларов

Пересылку воздушной почтой оплачивает заказчик.

Заказы направлять:

Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
West Germany

А. Кустодиев

Заметки на полях

Переживаемое нами время – уникально по насыщенности событиями, которые поистине имеют судьбоносный характер. События почти опережают самую возможность их осмысления: они кажутся невероятными, хотя были неизбежными – слишком долго их ожидали. **Осмыслены** они были – заранее, в предсказаниях-анализах о неизбежности крушения **этой** системы и **этой** идеологии, которые и рушатся у нас на глазах, но в каком-то ирреальном, фантастическом контексте. Действительно, как заметил недавно бывший президент США Р. Никсон, все говорят об окончательном крахе коммунизма, и в то же время весь мир (то есть западный, **свободный** мир) захлёбывается от восторга, приветствуя коммунистического лидера коммунистической сверх-державы... Положение в нашей стране – особенно двусмысленно и неопределённо. Что её ожидает?

В 20-х годах, размышляя о судьбах России и Европы в своей книге „Новое средневековье“ (может быть, лучшей из им написанных), Н. Бердяев описывал положение в стране, которое порой кажется точным воспроизведением того, что происходит сейчас. Уже тогда он констатировал появление в России „нового слоя, не столько социального, сколько антропологического“; характерной особенностью этого „нового антропологического типа“ русский

мыслитель назвал „наглость и беззастенчивость“. „Таких лиц прежде не было в России. Новый молодой человек – не русский, а интернациональный по своему типу...“ – читаем в этой книге (Берлин, изд-во „Обелиск“, 1924), никогда с того времени не переиздававшейся. Заметим, что старая русская эмиграция имела возможность, так сказать, лично познакомиться с этим „новым антропологическим типом“ – в лице представителей т. н. „третьей волны“ – уже в начале 70-х годов. А теперь и вовсе прибывают, по путёвкам из Москвы и других городов с красными паспортами и предложениями о „совместных предприятиях“ наглые и беззастенчивые молодые люди, явно не русские, а „интернациональные“ по своему типу, эмигрировать, кстати, никуда не собирающиеся. Читаем у того же Бердяева: „Ловкие, беззастенчивые и энергичные дельцы мира сего выдвинулись и **заявили свои права быть господами жизни**. Им неведома... русская тоска по Небесному Иерусалиму...“

Теперь, в нынешних условиях, поражение коммунизма – означает ли **исчезновение** этого типа, или, напротив, „воскрешение“ его, господствовавшего в 20-е годы? Пожалуй последнее...

Но истинный, хотя и скрытый смысл событий – в другом. И об этом тоже писал Н. Бердяев, страстно и вдохновенно, предвидя дальнейшую эволюцию, призывая к „единственно религиозному, духовному переживанию Революции“. „Большевизм есть мой грех, моя вина. Это есть ниспосланное мне испытание. Страдания, которые мне причинил большевизм, есть искупление моей вины, моего греха, нашей общей вины и нашего общего греха. Все ответственные за всех...“ Замените устаревшее (но и тогда уже неточное) „большевизм“ на „коммунизм“ – и **такая** формула покаяния-переживания окажется весьма актуальной, если воспринять её ответственно, и если ответственно относиться к будущему нашей родины.

Неизбежным было – и не только для историков-профессионалов (которые и здесь, увы, оказались „в хвосте“ и событий, и даже художественной **литературы**, главного

и часто единственного источника наших познаний по истории отечества) – углубление в вопрос о **непосредственно виновных** за то, что довелось пережить, за общенародную трагедию, которая длилась так долго. И это у многих, слишком многих, вызвало **озлобление**. „Злоба дня“ сплошь и рядом перехлестывает рамки здравого смысла, благоразумия, необходимой для принятия правильных решений рассудительности. На ярко освещенной „гласностью“ арене происходит публичное (чаще всего безобразное, как женский бокс), истеричное „сведение счетов“, где личные амбиции сплошь и рядом заслоняют сам предмет спора, где сталкиваются животные инстинкты. Если почитать некоторые журнальные и газетные статьи – пахнет не типографской краской, а жареной человеческой...

В создавшейся обстановке нам, русским, необходимо немалое мужество, чтобы честно признать часть и нашей, **русской вины** в происшедшем, **моей** личной вины в продолжающемся безобразии. Современная криминология говорит о бессознательном участии самой жертвы в действиях насильников – но это верно разве что для массы, до времени остающейся пассивной. Есть и большая степень ответственности, „участия“, и от этого никуда не денешься. Только не снимая с самих себя **своей** ответственности, мы получаем моральное право призывать к ответственности и более нас виновных, требовать от них ответа **по полному счёту**. И мерой признания **моей, русской вины** в распространении „чумы нашего времени“ (см. прекрасную статью В. Тростникова в «Вече» № 35) является сейчас степень внутреннего **изживания** этой заразы. Но такое изживание, полное внутреннее освобождение не достигается механическим переложением вины на кого-то другого – не будем уподобляться древним иудеям с их „козлами отпущения“.

Такой русской части вины нельзя не видеть у тех русских, которые и сейчас – в грохоте и пыли от крушения идолов и стен – цепляются за **идеологию**, пытаются искать ей оправдания, занимаются её реставрацией. Это

ли не безумие? Ни беспринципная **продажность** (у самых „образованных“), ни врожденная **недалёкость** (у самых „ответственных“) **товарищей** не могут объяснить и оправдать этой будто бы „верности“ **идеологии**, не просто уставшей, изжитой, но преступной и бесчеловечной изначально. Призыв о **покаянии** обращён в первую очередь и прежде всего к ним, хотя им-то труднее всего расслышать смысл такого обращения. Поистине, „пока гром не грянет...“ А ведь **грянет**, и посильнее, чем во вчера ещё „братской“ Румынии...

И подчеркнём сразу же, во избежание недоразумений, что меньше всего каяться надлежит – нашему многострадальному русскому народу. Призывы к такому, „общенародному“ покаянию – кощунственно-оскорбительны для нашего национального достоинства, отдают нехристианским, неправославным духом; мы не можем их принять. Покаяние – акт глубоко личный, иначе оно теряет всякий смысл.

При таком настрое, возможно, понятнее будет давно сказанное Н. Бердяевым: „Всё произойдёт иначе, чем думает большая часть эмигрантов и представителей политических партий. Много неожиданностей предстоит. И освобождение придёт не оттуда, откуда его ждут люди, а откуда его пришлёт Бог... Процесс выздоровления есть медленный, но органический процесс. Это есть прежде всего искупление от духа лжи, выход из царства призраков и фантазмов к реальности. **Сейчас более всего необходимо утверждать примат духовной активности над политической.** Необходимо духовно бороться с кровавым кошмаром, охватившим мир“

*

Предлагаемые ниже заметки – впечатления **отсюда**, нас, „наблюдателей издалека“ (по выражению А. Авторханова). Наше эмигрантское положение может показаться чуть ли не безнравственным – для тех, кто находится **там**, на родине, кому каждый день приходится в буквальном

смысле слова бороться за существование, за физическое, биологическое выживание (как об этом драматически рассказывала во время пребывания в Мюнхене представительница Христианского Патриотического Союза Валентина Шиманюк). Не будем здесь говорить о наших специфических эмигрантских проблемах (при всём „качественном“ отличии, они бывают не менее тяжкими); но наши соотечественники должны знать, что мы – зарубежные русские – живём Россией, постоянно думаем о ней, и в меру наших сил и способностей стремимся внести вклад в обсуждение и решение русских проблем. Пристально наблюдая за происходящим на родине, жадно прислушиваясь к голосам **оттуда**, мы оставляем за собой право – исходя из **двойного** опыта: жизни **тами** **здесь** – делать, по крайней мере, „заметки на полях“, уповая на то, что наши наблюдения и замечания, а порой и просто информация, могут оказаться небесполезными для наших соотечественников на родине, в чьих руках непосредственно – судьба России.

Покойный В. И. Криворотов, один из достойнейших представителей первой, **белой** русской эмиграции, писал в статье сборника „Некоторые мысли к русской возрожденческой идее“ (Мадрид, 1975): „Главной задачей национально-сознательной и идейно-здоровой части эмиграции является помочь своему народу как можно больше своим практическим знанием хороших и плохих сторон нашей русской жизни в прошлом... Воспитать, научить, дать правильный совет, указать на грозящую опасность, примирить, предупредить любое кровопролитие и насилие над кем бы то ни было и обязательно привести наш многострадальный народ к тем животворящим истокам нашей русскости, из коих вышло в веках **ядро** нашей русской мысли о праве, правде и братстве... Мы, рядовые люди этой эмиграции, не ожидая склонности к этому наших гениев, должны поторопиться с написанием нашего правдивого **дневника** как можем и как можно скорее“.

Увы, уходят из этого мира даже и рядовые борцы **той** эмиграции, многие из которых создали свои правдивые

„дневники“. Но эту же задачу оставили они и нам, рядовым представителям более молодого поколения русской эмиграции – и мы, зная, что к нашему голосу прислушиваются, продолжаем этот „дневник и альбом“ (выражение В. И. Криворотова), предлагая свои размышления и соображения по поводу происходящего на родине.

*

К нам оттуда доносятся голоса разные и по разным каналам. Мы не можем не согласиться с Михаилом Лобановым, когда он заявляет на страницах «Литературной газеты» (8.1.1990): „Сейчас, как никогда, необходимо объединение всех здоровых, патриотических сил из всех слоёв общества, от политических до религиозных“. Действительно, проблема заключается в создании национально-мыслящей оппозиции в стране, прежде всего – для отражения агрессивной русофобии, стремящейся навязывать свои взгляды и оценки не только внутри Советского Союза, но и в масштабах чуть ли не всего мира.

Главной опасностью всё настойчивее и громче провозглашается уже не коммунизм, как таковой (после констатации его провала, очевидного для всех) и даже всё чаще – не „русский коммунизм“, а **русский шовинизм**, угрожающий будто бы всему миру, а в самой стране – судьбам „перестройки“. Русофобия, достигшая предельного накала в СССР в настоящий период „гласности“, на Западе имеет сильнейших и влиятельнейших союзников и единомышленников, которые не просто играют роль „резонатора“, но всё чаще и сами задают тон. К концу концов, это давняя традиция, проанализированная более столетия назад Н. Я. Данилевским в „России и Европе“, продемонстрированная убедительно Достоевским, нашедшая полное и исчерпывающее объяснение в сочинениях русских авторов, переживших „русскую“ революцию 1917 года. Новейшие эмигранты из Советского Союза, вроде

А. Янова или Д. Симеса, только подливают масла в огонь своими „свидетельствами“ о „растущем русском национализме“ – но преобладающее большинство „чисто“ западных экспертов по русским делам и без них, совершенно натурально и автоматически комментируют события в русофобском ключе.

Примеры можно черпать едва ли не каждый день из повседневной печати любой из западных стран, независимо от политической ориентации того или иного органа печати: **здесь** в такого рода русофобии=страхе перед „русским экстремизмом“ сходятся как левые, так и „правые“, красные и „зеленые“, издания „христианские“ и подчеркнуто мирские, с отчётливой масонской подкладкой...

Вот левая итальянская газета «Република» (26.1.90), традиционно уделяющая много места русским делам – целая серия материалов московского корреспондента, накануне февральского Пленума – „Великая Россия хочет мстить“. Речь в корреспонденции идёт о том, как была сделана попытка сорвать собрание литературного содружества „Апрель“ в ЦДЛ – „ультра-русскими группами“, напугавшими литераторов-прогрессистов „изображениями св. Сергия и Георгия Победоносца“ значками „Памяти“, особенно же – приглашением писателям еврейской национальности (в свете „гласности“ происходят любопытные открытия: оказывается, только в Ленинграде **русских** писателей, как сообщает «Огонёк» № 48, 1989 г., всего 20 %) перейти в малый зал, а Александру Яковлеву, покровителю „апрелевцев“ – покинуть Политбюро. „Перед тем как удалиться, они прокричали последнюю угрозу (!), почти пророчество, – пишет журналист, – „Теперь мы будем хозяевами страны“.

Из этого эпизода московской литературной жизни, с которой советского читателя в таких же точно тонах и красках знакомит еженедельник В. Коротича «Огонёк» – западный журналист делает выводы, прямо сказать, метаполитического масштаба: „Русский национализм врывается на сцену последним, – оправдываемый диалогом Горбачева с радикальным литовским сепаратизмом, пере-

говорами центральной власти с армянским автономизмом Карабаха, наконец, национально-религиозным истеризмом азербайджанцев Баку. Здесь нет национального Фронта (к сведению московского корреспондента газеты «Республика»: „Память“ именуется себя 'национально патриотическим фронтом' – А. К.), который собирает и направляет силы, ибо схема перевернута в отношении к периферии Империи: речь не идёт об отделении от СССР, но о том, чтобы вернуться командовать ею“. Итальянский журналист утверждает, что все большие и малые народы Империи переживают драму: восстав против „имперско-сталинской логики“ СССР, они вынуждены сопротивляться также и „перестройке“, которая легитимизировала появление оппозиционных движений. У русских же всё – „опрокидывается“: в движение пришёл не столько народ (как в других республиках – и это, к сожалению, верно), сколько группа людей, которая будто бы „всегда командовала“ и хочет сохранить любой ценой это положение. „Другие национализмы защищают свое будущее, русские экстремисты – во имя прошлого – мстят за себя“.

Утверждается, что здесь-то именно и находится самая большая опасность для Горбачева: грозит замкнуться „большой круг правых“. В „ультра-русских настроениях, которые внезапно превращаются в движение,(!) политическая правая обретает социальную базу, что может прямо сказаться на предстоящих весной выборах, где могут объединиться различные силы патриотического и культурного антимодернизма с политическим антиреформизмом“. В статье итальянской газеты говорится о некоей „ультра-русской ностальгии“ (ясно, что далеко не случайно столь настойчиво повторяется это звучное „ультра“...); при этом сознательно смешивается „ностальгия“ по дореволюционному имперскому прошлому – действительно, монархические настроения становятся общественным фактором, но они имеют явное антикоммунистическое, анти-марксистское содержание, – и по сталинскому „имперскому“ СССР.

Это – всё то же опасение **консолидации всех русских**

сил (к чему призывает цитированный выше М. Лобанов), независимо от политической направленности и идеологического наполнения, которое, в частности, было высказано при начале издания «Вече» русофобом Эткинсом. Насколько возможна и сколь желательна – консолидация сознательных русских коммунистов – а есть все основания предполагать их наличие на всех уровнях власти и управления в СССР – с русскими **национальными** силами, по своей анти-коммунистической направленности не могущими не быть анти-коммунистами? Хотелось бы так поставить вопрос: когда же произойдёт **отрезвление** русских коммунистов от ядовитого хмеля марксистско-интернационалистской идеологии, **пробуждение** к действительно национальному бытию на всех планах, от духовного до хозяйственного?

Наступает решающий (и не только психологически – стоит задуматься ещё раз над румынским, и не одним румынским, уроком!) момент для русских людей, обладателей партбилетов, связанных тем самым круговой (кровавой!) порукой с преступниками, прямо ответственными за 70-летний кошмарный хаос в стране. Останутся ли они и дальше верными идеологии – антинародную сущность которой невозможно больше скрывать (и **раскрытию** которой посвящена прежде всего деятельность вышедших на поверхность истинно национальных русских сил), или же найдут в себе силы, моральные и интеллектуальные – покаяться перед своим народом, перед самими собой, отречься от сатанизма, которому многие служили не за страх, а за совесть, явно не по разуму? Дилемма роковая. „Товарищи“ должны понимать, что – связывая оставшуюся жизнь с этой системой, они объективно должны перейти в стан Горбачева-Яковлева (ибо только параноики могут мечтать о реанимации сталинизма), но тем самым они исключают себя уже навсегда из участия в решении национальных судеб России.

Вернёмся к материалам газеты «Республика». 27 января всё тот же неутомимый московский корреспондент публикует здесь своё интервью с главным редактором «Нашего

Современника» Ст. Куняевым, которого представляет, как „интеллектуала, руководящего ультра-консервативными (!) движениями, противниками политики Горбачева“, лидера „последнего порождения советской политики: великорусского национализма, обращённого вспять и имперского по духу, экстремистского и патриотического – базы для маневров консервативной правой, представляющего собой открытую угрозу для Горбачева“. А журнал «Наш Современник» представлен, как „ведущий журнал ультра-русских консерваторов, являющийся сегодня местом встречи интеллигенции и депутатов, решивших дать бой во имя России-Родины, объединяющих вместе анти-модернизм Вал. Распутина с антиреформизмом Егора Лигачева, царистские искушения и коммунистическую ортодоксию, парафашистский экстремизм „Памяти“ и почитание Солженицына...“

В тексте интервью Ст. Куняев протестует против выражения „русский национализм“, утверждая (справедливо, с нашей точки зрения), что национализм свойствен малым народам и народностям, тогда как русские – великий народ; поэтому он предпочитает говорить о „чувстве Родины“, о патриотизме, который и создал великое русское государство. Согласно тексту интервью, Куняев говорит о „своего рода государственном интернационализме“ (и **нам**, признаться, трудно понять эту дань советской – **антирусской!** – терминологии; тем более, что дальше главный редактор «Нашего Современника» выражается вполне независимо): то была „политика ассимиляции и гарантии, которая позволила этому государству просуществовать тысячу лет...“ – „многие народы вошли в состав Империи, чтобы спасти себя, как нации“. Теперь – продолжает Куняев, объясняя причины националистических брожений – „нарушилась способность России завоёвывать, ассимилируя“ (здесь приходится пожалеть, что нет точного текста, буквальных слов поэта, который, несомненно, должен выражаться очень осмотрительно в беседе с корреспондентом западной газеты); „это произошло потому, что Россия заболела, её культура изв-

ращена, дух ослаблен и народ утратил свою способность к гегемонии“. Эта „болезнь“ – согласно, воспроизведенным в итальянской газете словам редактора русского ежемесячника – началась вместе с кризисом патриотического чувства в начале нашего века, при первой революции 1905 года.

Советское государство деформировало наследие Империи – таков смысл дальнейших высказываний Ст. Куняева (и здесь хотелось бы предложить редактору сохранять стенограммы подобных бесед с западными корреспондентами, во избежание сознательных или бессознательных провокаций). Истоки такой деформации – в идеологической догме, согласно которой все народы бывшей Империи должны были ассимилироваться в некий новый, „советский“ народ (такого и в голову не могло придти „царским“ „ассимиляторам“ – представлявшим максимально возможную свободу подданным Его Императорского Величества в вопросах религиозных, сохранения своих обычаев и традиций). Эта догма – прямое следствие марксистского учения о пролетариях не имеющих отечества, – между тем как Империя, напротив, была в состоянии дать отечество всем... Догма провозглашала неминуемое возникновение „гомо советикуса“, при этом методы подавления, применявшиеся для производства этого гомункулуса, представлялись, как **русские** идеологические принципы (миф „русификации“), тогда как на самом деле это было явлением принципиально анти-русским. Только один раз Сталин отбросил догму (для спасения режима!): во время войны – воззвав к чувству (русского!) патриотизма в борьбе против нацистов. Но это длилось всего пять лет, после чего снова стали ожидать появления „нового человека“, пользуясь преступными методами „селекции“ – от каждодневной пропаганды до концлагерей и физического уничтожения. И так, вплоть до эпохи Брежнева, когда – с „благословения“ или по подсказке его будущего преемника тов. Андропова – стали применять **психические тюрьмы** для выведения этой новой разновидности гуманоидов.

Ст. Куняев говорит далее об „инстинкте самосохранения“, как „новом русском эгоизме, естественном и спасительном“: подобно всякому больному, желающему выздороветь, Россия сегодня должна думать в первую очередь о себе, и лишь потом – о других...

Чего может потребовать от СССР Россия? – спрашивает итальянский журналист.

Она должна претендовать, прежде всего, на то, чтобы те 70 миллиардов рублей, которые дарятся каждый год от имени РСФСР другим республикам, расходовались на её земле. Необходимо восстановление морали – через возрождение религиозной, христианской жизни. Ст. Куняев предупреждает против „искушения Западом“, ибо это грозит превращением в латино-американский конгломерат, объединенный одним языком, но с государственными потенциями стран Третьего Мира. „Многие из нас не принимают идеи Общего Европейского Дома, выдвинутой Горбачевым, – говорит редактор «Нашего Современника». – Эта идея бессмысленна, так как две трети СССР находятся в Азии. И потом, наш общий дом – здесь; это Россия и её сердце – Москва“.

И, наконец, в этой серии материалов из Москвы газеты «Республика» 28.1.: „Правая выходит на площадь – русский национализм бросает вызов Горбачеву“, отчёт о субботней демонстрации в Останкино, против русофобских программ центрального телевидения и с повторными требованиями изгнания из Политбюро главного русофоба – Александра Яковлева...

Всё это – небольшая иллюстрация того, как западное общественное мнение информируется о происходящем в России, каким образом изображается и описывается возрождение **русского** национального самосознания. Подобные материалы могли бы легко быть напечатаны в таких откровенно русофобских органах, как «Страна и мир» или «Континент».

Кстати, литературный критик Вл. Бондаренко предложил в «Литературной газете» (№1 - 1990 г.) предоставить возможность на её страницах диалогу редакторов

«Континента» – Вл. Максимова, и «Вече» О. Красовского. Сама по себе эта идея представляется весьма плодотворной.

*

То, что происходит сейчас в стране, можно было бы назвать попыткой **переориентации культуры**: от десятилетиями навязывавшегося сверху и извне „идеологизма“ марксоидно-интернационалистского типа к традиционным национальным ценностям на религиозной основе. Лжерелигия марксизма-ленинизма активно вытесняется возродившимся религиозно-национальным инстинктом, и это происходит повсеместно, у всех народов и национальностей, вынужденно сожительствовавших в гигантском концлагере СССР. Процесс этот необратим, всё чаще принимает он экстремистские формы, за которыми трудно подчас увидеть **культурное** содержание. И, тем не менее, хотелось бы думать, что при всех неизбежных социально-психологических деформациях закладываются основы новой, здоровой национальной культуры; точнее – перебрасывается **мост** через пропасть, обрыв, длившийся несколько десятилетий, поставивший нас на четвереньки, **к прошлому**, происходит сознательное возвращение к истокам. Процесс этот осложнен бешеным сопротивлением русофобов всех мастей, которые не без основания видят в воскрешении основ национально-религиозной культуры полное крушение своих надуманных конструкций, окончательную гибель своих иллюзий и личных амбиций.

Процесс этот – подспудный; русские культурные силы только начинают мобилизовываться, они не нашли ещё адекватных путей самовыражения, едва нащупывают их. Повторим ещё раз, что обстановка – исключительно сложная, и мы отдаем себе в этом отчёт. Столь разрекламированная „гласность“, действительно оказалась „игрой в одни ворота“; на ошеломлённого читателя обрушился поток публикаций, который он не в состоянии переварить. Публикаций, в большинстве своём „направленных“

– оправдывающих палачей, оскорбительных для русского национального достоинства: „Дети Арбата“ А. Рыбакова, „Жизнь и судьба“ и „Всё течёт“ В. Гроссмана, перепечатки „из-за рубежа“ хамских „Прогулок с Пушкиным“ Абрама Терца-Синявского и не менее хамского антисоветского пасквиля Войновича.

Бенедикт Сарнов, небезызвестный демагог из «Огонька», провокационно заявляет на страницах этого желтого издания (№ 3 – январь 1990): „на свет из небытия должно быть извлечено **всё**. Читатель сам разберётся...“ Либерально и смело, не правда ли? Главное, что это „в пику“ И. Шафаревичу, весьма разумно предупредившему в статье „Феномен эмиграции“, что к литературе российского Зарубежья следует относиться разумно; за что Б. Сарнов смеет называть русского учёного и публициста – „литературным чекистом“. Но как отнёсся бы сей осмелевший зоил к встречному предложению: извлечь из запасников не только Аверченко, Теффи и Джойса, но и скажем – романы генерала П. Краснова, такие книги, как „Что нам в них не нравится“ В. Шульгина или „Интернационального еврея“ Г. Форда?

Да зачем идти так далеко, когда в том же «Огоньке» в ноябре прошлого года, в номере, украшенном (обложка) изображениями главарей „русской“ революции, два маститых „доктора наук“ подвергли поношению – во имя „научного коммунизма“ – того же И. Шафаревича, а вместе с ним В. Белова и В. Распутина! Эти два талмудиста сталинской выучки озабочены „восстановлением потерянного к марксизму доверия“, а потому и обрушиваются на автора „Русофобии“ в явно устаревшем стиле 50-х годов. Их учёное хамство заходит столь далеко, что они не постеснялись измышления зарубежного русофоба Файбусовича (псевдоним: Б. Хазанов) представить, как „шутку популярного нашего артиста эстрады Хазанова: – Я убеждаюсь, что быть русским интеллигентом сейчас неизбежно значит быть евреем“. Это верно, что у Б. Хазанова-Файбусовича есть что-то „эстрадное“ в его псевдо-исторических выкладках, как вполне понятна эта трогательная

защита „наших“. И всё же, столь мощно оглуляемый читатель «Огонька» вправе был бы ожидать от **учёных** элементарной, не будем говорить „научной“, добросовестности.

В подобных „публицистических“ выступлениях «Огонька» находит выражение, безусловно, детально разработанная стратегия борьбы с русскими национальными силами. Систематически, из номера в номер, на страницах этого неприкрыто русофобского еженедельника продолжают беспардонные нападки на всё, отмеченное печатью возрождающегося русского национально-религиозного сознания. Не случайно в названной статье после шельмования И. Шафаревича уделяется „внимание“ Ст. Куняеву, а затем следует издевательский раздел „История 'по Белову и Распутину'“.

Положение в русской литературе особенно беспокоит русофобов (не только желто-коптящего в пределах СССР „огонька“, но – как мы видели – и в европейских масштабах). В ней – в отличие от исторической „науки“, кинематографа, других видов искусств – заметнее всего симптомы духовной зрелости. Такие выдающиеся русские писатели, как В. Распутин и В. Белов, давно уже пользующиеся заслуженной мировой известностью, в последнее время смело выступают по самым актуальным и „острым“ проблемам современной жизни. Русская литература снова становится – русской, и это после нескольких десятилетий её систематического вытаптывания, **подмены** русскими псевдонимами! Есть от чего прийти в смятение.

Особое негодование „докторов“-фальсификаторов вызвала речь Вал. Распутина на I. Съезде народных депутатов – подлинное **событие** в нашей общественной жизни, бедной такими выступлениями, которые замечаются, увы, прежде нашими врагами... Вал. Распутин повторил, в сущности, знаменитые слова-лозунг Столыпина, обращённые к разрушителям России: „Вам, господа, нужны великие потрясения – нам нужна великая страна“. Скажем прямо, это „цитирование“ было и замечательной литературной находкой, достойной великого писателя, и исклю-

чительно удачным провозглашением принципа, весьма своевременно напоминающего о том историческом периоде, когда Россия была на взлёте. Легко себе вообразить, сколько затхлой пыли взбили по поводу Столыпина (и – Распутина) два „товарища“ от науки, воинствующие против „фантомов прошлого“, и не замечающие, что **сами** они являют собой такие чудовищно-карикатурные **фантомы прошлого!** Поразительно всё же, как в прогрессивно-„перестроечном“ «Огоньке» Коротича главный редактор сплошь и рядом предоставляет место своим **вчерашним** единомышленникам (времён „застоя“, согласно официальной терминологии). Говорит это лишь о том, что противостояние происходит – всё по той же линии, и вчерашние русофобы подают руку сегодняшним.

О степени озабоченности положением в русской литературе красноречиво свидетельствует и „литературный монтаж“ в № 48 «Огонька», посвященный Пленуму российских писателей. Пленум представлен, как „беспрецедентный по злобности и шовинистической направленности“ (письмо читателя с русской фамилией в № 3 еженедельника за 1990 год). Но даже и в такой карикатурно-издательской форме (вызвавшей протест выступавших на Пленуме писателей), этот отчёт даёт богатую пищу для размышлений. Вот, например, Ст. Куняев утверждает, что российский журнал «Октябрь» „в 1989 году не опубликовал ни одной строчки из писателей и поэтов нашей Российской Федерации“. Он же говорил о „надругательстве над памятником Пушкину в Кишинёве“. Если бы эти факты не соответствовали действительности – какими громами разразился бы «Огонёк»?!

„Хватит! Ваше время ушло“ – это восклицание одного из участников Пленума даёт представление об изменившейся атмосфере в писательских кругах. И закономерна реплика В. Распутина (согласно огоньковскому тексту): „Нельзя же оставлять на закланье то (русское) национальное меньшинство, которое осталось в Ленинграде. Хватит нам уже отступать, хватит!..“

Действительно, говорить ли в терминах „защиты

меньшинств“ или „экологии культуры“ – две актуальнейшие темы нашего времени – русское культурное меньшинство, состояние русской культуры в России вызывает серьёзную и обоснованную тревогу. Еженедельник «Аргументы и факты» (№2, 1990) „по данным Госкомстата СССР“ познакомил читателей с „национальным составом руководителей“ в разных областях **хозяйственной** жизни – на 1 января 1989 года. В РСФСР русских (по паспорту, разумеется) – 77,3 % (примерно такой же процент коренного населения среди „руководителей“ в Белоруссии и на Украине), тогда как в самых „бурных“ республиках, где так много говорят о „принудительной русификации“, положение такое: в Армении – армян: 99,4 %; в Азербайджане – азербайджанцев: 93,8 %; в Литве – литовцев: 91,5 %; в Эстонии – эстонцев: 82,2 %... Хотелось бы знать национальный состав и в культурной жизни, в средствах массовой информации, в учреждениях, ведающих образованием... Выступивший на Пленуме В. Белов, после горькой констатации положения ленинградских писателей (русских – не более 80 человек из 430) заметил: „Откуда вы знаете, что обстановка в Верховном Совете лучше, чем в ленинградской писательской организации?..“

Целую бурю вызвали слова В. Белова в том же выступлении, где он утверждал, что „на протяжении многих лет“ секретариат Союза писателей РСФСР „идёт на поводу у московских писателей, еврейской национальности в основном, и ленинградских...“

„Резонатор“ «Огонька» – «Литературная газета», в диалоге двух литературных критиков (№№ 49, 50 - 1989) – откликнулась на это заявление В. Белова (встреченное дружными аплодисментами всего зала: факт весьма показательный, своеобразное выражение „гражданского неповиновения“). „До такого позора русские литераторы, пожалуй, не доходили никогда“ – спешит заявить о **своей** позиции критик Е. Сидоров (?), не считающий нужным пояснить по существу: соответствует ли действительности сам **факт**, приведенный Беловым; он бурно переживает „падение“ русского писателя.

Е. Сидорову вяло возражает А. Марченко, которая „никого не хочет ни защищать, ни осуждать“; она задаётся вопросом – почему бы это Василию Белову, действительно, **гордости русской литературы**, „на такую высь вознесённому, так важно, кто управляет ведомственной возней, должностной суетой“? Вопрос остаётся без ответа, – быть может, и потому, что поставлен он слишком мелко для проблемы такого масштаба.

Нет, не о „ведомственной возне и суете“ идёт здесь речь: скорее о планируемом **руководстве** российской, русской культурой. И вот, **кто** осуществляет „руководство“ культурой в общенациональном масштабе, это, действительно, чрезвычайно важно, не может не волновать каждого русского писателя, кто ответственно относится к своей миссии, которому, вдобавок, со школьной скамьи внушали: „поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан“. Отчего же это удивление и возмущение, да ещё у литературного критика, каковой – опять же, согласно канонизированной традиции, от Белинского – должен быть рупором общественного мнения? Почему бы это „общественное мнение“, скажем, в Литве или Армении, живёт и волнуется своими – литовскими и армянскими **национальными** проблемами, в том числе и в области литературы, культуры (протестуя и негодуя против „русификации“ – которая ведь у **них** никогда не достигала таких соотношений, как 20:100...) – тогда как в России („Российская Федерация“) самая робкая попытка обсуждения **своих** национальных проблем немедленно получает ярлык „Памяти“, шовинизма и т. п.?

Редакция «Огонька» – издания, известного своими широкими **интернационалистическими** симпатиями – выносит обсуждение проблем русской литературы, так сказать, на „международную“ арену (понимаемую, правда, весьма своеобразно...). В № 1 за 1990 г. Герман Андреев, „доцент университета Майнц, ФРГ“ (именно в такой форме, на ломаном русском языке представляет себя сей „иностранец“), сообщает читателям полезную информацию: что БЫ сделали в Западной Германии, согласно законам Фе-

деративной Республики Германии, с такими отпетыми расистами и антисемитами, как тот же В. Белов. После такой справки, право, не знаешь – радоваться или огорчаться „недостаточной развитости правосознания“ в нашей стране...

И вот ведь что удивительно (и столь показательно) для переживаемой нами сейчас ситуации. **Одной фразы** В. И. Белова оказалось достаточно, чтобы поднялся такой чад в печатных изданиях, будто бы пекущихся о судьбах страны. Между тем замечательное его выступление на Втором Съезде народных депутатов (опубликовано в «Известиях» 18.12.1989) осталось, практически, „незамеченным“ – то есть **замолчанным** – как и упоминавшееся выше аналогичное выступление В. Распутина на предыдущем Съезде. Выступление В. Белова имело программный характер, оно исключительно важно, так как поднимает самые злободневные вопросы в правильной, национальной перспективе; и оно практически не имело никакого резонанса ни в зале заседаний, ни в широкой печати. Что это? Свидетельство равнодушия? Непонимание? Или намеренное замалчивание со стороны тех, кто продолжает руководить в стране и культурой, и средствами массовой информации?

„Дайте справедливый государственный статус униженной и оскорблённой России!“ – взывал с трибуны Съезда народный депутат и народный писатель В. И. Белов. „Реабилитируйте раскулаченных крестьян!“ „Новые экономисты готовы отдать неизвестно кому целые регионы родной земли, а своему крестьянину мы боимся дать то, что принадлежало ему по праву ещё в XVI веке. Мы физически уничтожили миллионы русских и украинских крестьян, разорили их семейные гнёзда, а теперь боимся честно сказать об этом. Зато всюю оправдываем репрессированных палачей. Боимся пока признать и тот факт, что Россию грабили в течение многих десятилетий... Грабёж продолжается и сейчас...“ И как же реагировали на это пламенное выступление другие делегаты? Отозвались как-то на конкретные предложения? Создали соот-

ветствующие комиссии и комитеты? Ничего подобного. Кто-то робко „поддержал“ на словах депутата Белова, да депутат М. Бронштейн из Эстонии высказал готовность „поспорить с писателем Беловым“...

Положение, действительно, исключительно серьезное. Правы авторы „Обращения к читателю“, напечатанного в декабрьском (1989 г.) выпуске «Литературного Иркутска»: „Средства массовой информации, обладая огромным потенциалом используют его в разрушительных целях... Высочайшее для русского, да и для всякого человека понятие **патриотизм** становится нарицательным и приобретает в речах „прогрессистов“ презрительный оттенок; любовь к Отечеству становится чуть ли не анахронизмом. На прицел берется каждый писатель, критик, публицист, отстаивающий право русской государственности, русской культуры на существование, право русской литературы быть тем, чем она была на протяжении столетий – совестью, нравственным крестом нации. Русских литераторов обвиняют в антисемитизме, черносотенстве, шовинизме... И как бы это ни казалось парадоксальным, но именно в России в изданиях, выходящих на русском языке миллионными тиражами, распространяется ненависть ко всему русскому“.

*

Доходят к нам и вовсе экзотические издания; точнее, материалы несколько неожиданные. Скажем, от выходящей в Литве газеты на русском языке, даже если она и называется «Комсомольская правда», ожидаешь подробной информации о литовских же событиях – столь многообразно-вдохновляющих и нас, русских. Но в номере от 5. 10. 89, посланном нам в качестве „образца“, останавливает внимание другое: статья „народного депутата СССР“ Г. Кановича, озаглавленная... „Еврейская ромашка“.

В лучшие времена своего исторического существования Литва отличалась предельной широтой гостеприимства: равными правами пользовались в ней представители самых разных национальностей. Мы, русские, не можем

забыть о том, что в Каунасе имел возможность спокойно жить и плодотворно работать выдающийся наш историк и мыслитель Л. П. Карсавин, после изгнания из „советской России“. В наши дни, не добившаяся ещё полной независимости Литва предоставляет страницы своих изданий, увы, для выступлений неприкрытых русофобов, выступающих под флагом собственной **угнетаемой** национальности.

Статья „народного депутата“ обращена исключительно и только к читателям-евреям, но ведь дело это обычное: сплошь и рядом, и в центральной, и в местной советской печати, едва ли не каждый день – „трепет забот иудейских“, **навязываемых** всей читательской аудитории. Об этой утомительной бесцеремонности хорошо писала недавно в «Вече» В. Вулич; все это знают, и все вынуждены это терпеть...

В газете „ЦК Коммунистического Союза молодёжи Литвы“ (но странно было бы „предъявлять счёт“ за это литовской молодёжи или вообще литовцам!) обсуждается насущно жизненная проблема, волнующая „тысячи и тысячи евреев в Москве и Ленинграде, в Киеве и Минске, в Одессе и Кишиневе, в Вильнюсе и Риге“ и даже – „в богом (!) забытом Калининграде“ (легко представить, о каких **народных** заботах думает депутат Г. Канович, присутствуя на заседаниях в Кремлёвском дворце): **надо ли уезжать**, или, в другом ракурсе – **можно ли оставаться?** Оказывается – и это в Вильнюсе, где бушует „Саюдис“, где, казалось нам, народ только и живёт мечтой о национальной самостоятельности! – „вокруг только и слышишь: подал... подаю... в конце месяца отношу документы... жду вызова... всё ещё 'в отказе'“.

И вот, новоявленный Моисей, к которому, почему-то все обращаются за советом о целесообразности нового **исхода** (не потому ли, что „народный депутат“?) полыхает негодованием на манер древнеиудейского пророка, но пользуясь при этом почему-то лексиконом... сталинских времён, подобно цитированным выше „учёным“ в «Огоньке»: оказывается, „над нашими головами нависают свин-

цовые тучи погрома“ – ибо на страницах „влиятельных газет и журналов“ „тон задают не гитлеровские недобитки (!), а люди с партийными билетами в кармане, наши (?) доморощенные черносотенцы“. Этими „влиятельными“ изданиями (если бы!) оказываются... «Наш Современник» и «Молодая гвардия». По примеру своих соотечественников „в стране“ и „мире“, и сей автор считает своим долгом „лягнуть“ „учёного мужа“ (а попробуйте подвергнуть сомнению научные заслуги сотен и тысяч действительных проходимцев из этого племени!) – И. Р. Шафаревича, книга которого тут именуется не более не менее, как „злобным антисемитским манифестом“. Будто дана команда из неведомого центра – автор „Русофобии“ стал объектом поношений во всех мыслимых и немыслимых органах печати, и при этом его размышления и выводы истерически обозначаются как „этот бред, этот вздор, эта зараза“.

Энергии и адвокатским способностям „народного депутата“ можно позавидовать: для него существует только и единственно один **народ**, и он не щадит живота для защиты его и выгораживания из всех возможных ситуаций. „Союз сионистов“, образовавшийся недавно открыто в СССР? Помилуйте, да разве можно „ставить на одну доску“ этот „только проклянувшийся, скорее символический, чем реально действующий „Союз сионистов“ – с обществом „Память“?!

Поразительна эта „двойная бухгалтерия“. При оценке **своего** и „чужого“, она становится уже невыносимой в вызывающих, провокационных высказываниях некоторых деятелей. Вот, скажем, поэт и бард Булат Окуджава – которого так любило наше поколение, в интервью еженедельнику «Аргументы и факты» (29.12.1989) заявляет: „Патриотизм – чувство несложное. Это чувство – биологическое, оно есть и у кошки“. И здесь же – следуя какой-то извращённой логике, но совершенно „в духе времени“: „Мне всё время хочется сказать, что для русской культуры еврей Пастернак или еврей Мандельштам, например, сделали неизмеримо больше, чем многие хвастливые рус-

ские патриоты“

Такова ситуация в стране, и в такой перспективе должен поневоле осмысливаться „национальный вопрос“
– в любом национальном анклав на территории СССР...

НАШИ ВЕСТИ

Издание Союза Чинов Русского Корпуса
Журнал основан полковником А. И. Рогожиным

Редактор Н. Н. Протопопов

Журнал выходит ежеквартально
Подписка на 1 год 12 ам. долларов

Подписку направлять по адресу:

NASHI VESTI,
P. O. Box 485,
West Milfort, N.J. 07480, USA

К СВЕДЕНИЮ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Содержание публикуемого нами **Открытого письма** говорит само за себя, и в то же время бросает дополнительный яркий свет на некоторые аспекты культурной политики периода „гласности“ и „перестройки“ в СССР...

Его автор – Федор Федорович ШАЛЯПИН, сын великого русского певца. Родился в 1905 году в Москве, в 1923 году вместе с матерью, итальянской балериной Иоллой Игнатьевной, братом и сестрой выехал к отцу, ещё ранее того покинувшему Россию. Начал киноактёром в Америке и до сих пор снимается в кино, у многих известных режиссеров. Будучи американским гражданином, многие годы живя в Европе, в душе он остался русским человеком – как и большинство русских изгнанников, с любовью вспоминает о старой России, с интересом присматривается к происходящему на родине в настоящее время, верит в наступление лучших времён.

Для увековечения памяти отца – которую он свято чтит, будучи уникальным **свидетелем** той культурной эпохи – Федор Федорович в последние годы безвозмездно передал для готовившегося в Москве Музея Ф. И. Шаляпина ценнейшие семейные реликвии, обладающие громадной художественной ценностью. Единственным его пожеланием, вполне оправданным и законным, было то, чтобы устройством экспозиции занялись квалифицированные сотрудники, знатоки театрального дела. Увы, эти пожелания не были приняты во внимание, несмотря на обращение Ф. Ф. Шаляпина в самые высокие инстанции в Москве.

Более того, воспользовавшись временным отсутствием хозяина, в его римскую квартиру явилась некая советская журналистка (фамилия известна) и обманом выманила – фактически **выкрала** – единственный в своём роде документальный фильм, где запечатлены Ф. И. Шаляпин, С. В. Рахманинов, художник К. Коровин, М. Горький. Об этом фильме сообщила небезызвестная газета «Голос Родины», лживо утверждая, будто он был прислан в

Москву самим Федором Федоровичем – что тот категорически отрицает.

И вот ещё одна, очередная **подлость** – как справедливо квалифицирует это Ф. Ф. Шаляпин: наглая отсебятина какого-то советского писаки – взамен краткого Предисловия к книге отца, написанного по просьбе издательства – снабженная авторитетным именем сына. **Открытое письмо** Федор Федорович направил в некоторые советские периодические издания, но выразил пожелание опубликовать его и в «Вече»: так с ним познакомятся и в России.

Редакция «Вече»

Открытое письмо в издательство „Московский рабочий“ от Ф. Ф. Шаляпина.

На днях мне передала советская журналистка от Вашего издательства экземпляр книги моего отца „Маска и душа“, для которой Вы настойчиво просили меня написать **Предисловие**, что я неохотно и сделал, о чём сегодня очень сожалею.

Вероятно, цель Ваша была – узнать мое мнение об этом издании. Вот оно. Во-первых, я хотел бы знать, кто этот **подлец**, который осмелился свою отсебятину, полную раболепства и благодарностей, нацарапать, подписав **моим именем?**

Хочу обратить Ваше внимание, что мне в Москве благодарить абсолютно некого и не за что; а наоборот благодарить мой родной город должен меня – за всё то, что я сделал Москве, и что всем хорошо известно. Уж тем более мне нечего благодарить Ваше издательство за Вашу **перепечатку** книги, которую я уже прочёл в её первом парижском издании шестьдесят лет тому назад.

Если моё Предисловие Вам не понравилось, могли бы его не печатать, а не заниматься мошенничеством, что недостойно ни одной издательской организации в культурной стране.

Федор Шаляпин

14. 2. 1990 г., Рим, Италия.

ВНИМАНИЕ !!!

Подписка на альманах «Вече» на 1990 год в СССР !

**Стоимость подписки на «Вече» на 1 год
в СССР вместе с „Литературным приложением“
60 рублей.**

**Подписчикам в СССР
«Вече» посылается заказной бандеролью**

Заявки на подписку посылать:

**Тростников В. Н., 119501 г. Москва,
Веерная ул. д. 40, корп. 1, кв. 174**

В. Вулич

В плену фикций

1. Тема перестройки в широком мире

Что нужно знать, чтобы говорить вообще о перестройке?

Перестройка, это, прежде всего, **пробуждение** ото сна. Но сон, достигший статуса мировой проблемы – не благодатный сон. И царствует он не только в России. Но и на Западе.

В мире, теоретически-условно, есть центр **общего** равновесия, и от нарушения этого равновесия – всё „богатство“ событий.

Немецкий философ Карл Ясперс говорил, что свобода – причина и основа бытия человека. Но вот, современный человек и мир обходятся не только без понятия свободы и её гарантий, но и без того, на чём была построена вся история западной культуры, – без индивидуализма и личности. Однако, обходясь без наполеонов, этот мир подвержен влиянию **скрытых сил, не менее жёстко формирующих его судьбу**. Активность бывшей личности, в сов-

ременном свободном мире, переняли активные **программы**. А общий стандарт мышления мешает понять механику этих сил и превращений, ими вызываемых.

*

В России люди были вынуждаемы системой тирании к безграничному и специфическому лицемерию. Они слишком долго жили под гнётом разрушительных сил и ложных реальностей.

Но самое странное, что и так называемый „свободный“ западный мир живёт под уродующим и разрушительным гнётом тех же реальностей.

Историками и социологами, как будто по какому-то тайному сговору, дружно фальсифицируется вся картина сегодняшнего мира. Ведь это – только видимость, что на Западе действуют **иные** силы, и что там – „царство свободы“. Силы и рычаги, приходящие в контакт с человеком, – те же самые. Только приводные ремни не так явно видимы... И эта смесь незащитности от судьбы с организованной работой в судьбу втягивания – есть истинная картина мира.

Шпенглер демонстрировал гибель культур; сегодня – можно говорить об очень возможной гибели всего мира.

*

Чему учат текущие события? Познанию факта: причастность общей великой лжи – как основной капитал. Потому что этот „капитал“ оборачивается реально, совсем как деньги у Маркса, и приносит великие „дивиденды“. Они – отрицательны, но в то же время великая сила в плане подчинения мира. Перед глазами длинная череда „коммунистических“ и „социалистических“ стран, которые все без исключения дошли до предельной глубины нищеты, разгрома и духовной деградации. **Нигде** нет иных результатов. И всё-таки за проклятые формулы всё ещё

цепляются, все красные, красноватые, розовые „интеллектуалы“ Запада. Не так-то просто покинуть „передовые“ убеждения. И запас сартров и гюнтеров грассов не иссякает.

На Западе семьдесят лет делали вид, что не знают о творящемся в коммунистической России. Какое страшное явление – жить рядом с пыточной камерой, затыкая уши, чтобы не слышать криков... И этот „неслышимый фашизм“, здравствовавший на глазах у всех, который никто никогда не назвал по имени – страшная печать на лбу всех западных демократий! Ведь недостатком информации Запад никогда не страдал...

Оттого Запад, хочет он того, или не хочет, должен принять участие в общем процессе перестройки! Борьба с армией бесов – не борьба Дон-Кихота с ветряными мельницами, или с волшебниками провинциального масштаба, но с воплощением почти абсолютного мирового зла. И бесы завоевывают не своей силой, а слабостью противника. И если Запад не включится в перестройку, с активной устремлённостью разума и духа и с признанием вин и ошибок, то никакого общего будущего, на деле, быть не может. Как иллюстрацию, достаточно вспомнить всю постыдную эпоху „посиделок“ ООН.

*

Из „памятников“ последнего века (веков?) хочется упомянуть любопытные, многообсуждаемые и загадочные „Протоколы“. Не для поисков авторства или цитирования „интересных“ мест. Но для констатации непреложного факта, что они написаны **гением**, кто бы он ни был. Что касается авторства, то гораздо важнее, и единственно важно, что „Протоколы“ – самое умное, из всего написанного когда-либо на тему порабощения. Бесконечно умнее всех марксов и лениных, вместе взятых. Потому что оно глубже, и основывается на реальной психологии, а не на придуманных „теориях“. Кроме того, „Протоколы“ показывают колоссальную волю и последовательность

цели, специальную эрудицию и глубокое знание психологии. Ведь и вся трагедия современного мира, с опутанностью утопией (плюс всё привходящее) произрастает тоже на почве **плодородной психологии!** Автор „Протоколов“ был человеком гениальным. И, как таковому, зачем было бы ему тратить столько энергии ума и души (если и злой) на фальсификацию, действие столь банальное, столь ничтожное, с гениальностью совершенно не вяжущееся. Вывод отсюда таков: став на точку зрения большой значимости „Протоколов“ как психологического документа, нужно со всей серьёзностью представить себе варианты возможного будущего...

*

Перестройка – процесс общий. Сегодня в мире нет больше локальных проблем. И сегодняшняя перестройка – процесс как чисто-русский, так и обще-мировой. И не потому, что она явилась импульсом и своего рода началом цепной реакции событий; но оттого, что эти события – **часть одной, общей болезни, и общей судьбы!**

В этом, глубоком смысле, то, что происходит сегодня, можно считать явлением **эпохальным**, поворотным. И даже независимо от ближайших результатов, которые могут быть даже трагическими.

Общий процесс сегодняшнего мира – крушение коммунистической идеологии.

Все предыдущие годы поражаало равнодушие самих немцев к Берлинской стене. Сегодня – что-то вошло в свою нормальную колею, и люди просыпаются от заколдовавшего их сна.

Тридцать лет назад восстала Венгрия, и восстание было потоплено в крови, на глазах и с ведома наблюдавшего „свободного мира“. Советские танки раздавили страну. Сегодня – такое же восстание в Румынии вызывает иные реакции. И сам Горбачев поставил на повестку дня вооруженную помощь, но не коммунистам, а **восставшим!**

Не нужно быть профессионалом, чтобы видеть „поли-

тическую карту“ свершающегося. Венгрия. Прибалтика. Чехословакия. Восточная Германия. Румыния... Всё это – следствие политики Горбачева, как ни старался он сохранить „панцирь правоверности“. Если по хроническому затмению ума Европа и на этот раз не поймёт, как тесно, неразрывно судьбы её связаны с судьбой России, то всё равно: она мощно втянута в эту судьбу.

*

Сегодня коммунистическая система колеблется до самых своих глубочайших оснований, в которых незыблемо и бессменно царствовал Ленин. Недавние публикации В. Солоухина как бы вытащили Ленина из его „хеопсовой пирамиды“, из мавзолея, на дневной свет, и поставили на всенародное обозрение. Происходят сегодня „операции“ неслыханные... И видится так, что во всём присутствует, невидимо, тайное действующее лицо (лица), поддерживающее Горбачева. Абсурдно предполагать, что он действует на свой личный страх и риск. Кажется, что Горбачев должен быть ставленником одной из великих сил, управляющих жизнью в Советском Союзе. К таковым относятся: партия, армия, КГБ. Не надо падать в обморок! Это – реальность! От того, что на неё закрыть глаза – она не изменится. Как ни смотреть на роль Горбачева и его союзников (и здесь слово „союзники“ надо понимать очень широко, со всеми привходящими неизвестными). Было ли запланировано именно такое развитие? Едва ли. Ни одной из властвующих сил Советского Союза нельзя приписывать подобных планов. Только четвертая великая сила в стране заинтересована в подобном „сценарии“, при условии, что он честно пойдёт по взятому пути. Эта сила – народ. Сама страна! И хочется верить, что именно эта сила, проникшая невидимой инфильтрацией в сами массивы коммунистического государства, служит делу спасения жизни России.

*

Зачем обманывать себя, сегодня России **нет**. А то, что будет (если будет!) – будет что-то другое. Но назад история идти не может.

Россия, во времена её нормального существования, служила фактором мирового равновесия. Такова была её историческая **роль в мире**. И сейчас она так же включена в общую структуру мира, и внезапное изменение её статуса и качества повлияет, по сотням связевых каналов (явных и скрытых), на состояние „мирового здоровья“. Запад всё время оказывал величайшие услуги коммунистическому государству; и выработавшийся запас прочности этого строя – в великой мере за счёт „западных идиотов“ и соглашателей. Вот эти программы должны быть, в первую очередь, перестроены! Общей целью было: **не дать России подняться!** Этой же цели служило и создание плотного „охранительного“ пояса восточно-европейских „сателлитов“, служивших полной изоляции России от внешнего мира. Сегодня все эти охранительные коммунизмы – рушатся.

Кажется, что История иногда, очень редко, на короткие мгновения, становится сама у штурвала. Необходимо все события этого рода осмысливать и воспринимать как дидактический материал.

Другого такого судьбоносного часа не будет!

*

Во что вылилась революция для русского народа?

Вопрос отношения западного мира к России предстал после революции в страшной оголённости. Это было манифестацией давней войны (преступной и недалёковидной) „Запад – Восток“. Ведущейся уже столетия. Сегодня, с абсолютной чёткостью можно определить виды интервенций и оружия в этой войне. Замаскированы они всегда были лишь относительно. Начиная с закулисной политики, провокаций, военной и денежной сил, брошенных

против России, сложнейших интриг и т. д. Главным врагом интернационализма всюду выступает **нация**, оттого главная борьба ведётся именно с нею.

Максим Горький в „Несвоевременных мыслях“ (1917) называет большевизм – национальным несчастьем. А ЦК большевиков – „орудием в руках бесстыднейших авантюристов, или обезумевших фанатиков“. „Ленин – не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник“, „...ленинцы – рвут и мечут, довершая разрушение России – народ заплатит за это озёрами крови“. Ещё Горький написал о „бешеной пляске г. Троцкого над развалинами России“. Эта пляска стала долгой модой и дожила до наших дней.

Исходя из всего этого, – **на какой высоте важности** сегодняшний процесс начала изживания именно революции!

*

Крайне интересны высказывания П. Б. Струве о революции в России. „Контрреволюционная работа, необходимая объективно-социологически и морально-оценочно, теперь должна производиться целыми поколениями в порядке – эволюции. В этой эволюции будет залечена революция, и похоронен социализм в смысле доктрины“.

„Надежды, что в России начнутся 'сдвиги'. Я их считаю очень трудными /.../. Реакция, начавшаяся в России в 1917 году с разрыва правовой непрерывности, с насильничества масс, отбросила Россию так далеко назад, что излечение ран и восстановление организма есть **объективно-титаническая** задача. Как её осуществит народ, разум и совесть которого, если не задушены, то приглушены в невиданной в мировой истории мере?“ „Залог победы – вера в своё дело, в свою победу. /.../ Для душевного здоровья русского народа ничто не было так нужно, **как именно реакция**, моральная и политическая реакция на неправду или неправды революции, – от этого зависит су-

дба и революции, и всего мира. **Ибо корень и Гитлера, и гитлеризма в торжестве большевизма. Гитлер есть отпрыск не Бисмарка /.../, а именно Ленина“.**

Кажется, что всё это – написано сегодня!

Надежда, в сегодняшнем непрерывающемся падении, связана с тем глубоким понятием нравственной свободы, которое пронизывает всю нашу историю, даже и в самые её тяжелые времена. Кажется, что именно оно может принять поединок с разнузданной свистопляской, и с трагическими и активными разрушениями.

2. Реальности перестройки в России

Слово „перестройка“ стало интернациональным, облетело на крыльях ветра весь мир. Что означала перестройка, в её дебюте? Восстановление, регенерацию, улучшения. Но и другие смыслы всплывали, как в новогоднем гадании: обвал, хаос, крушение. Ясного определения перестройки – что и во что перестраивать – не поступало. Взамен – фрагментарная критика, отдельные проекты и полупроекты, которые тут же, на ходу, застывали в мёртвые конструкции. И ни разу, со стороны властей, не было указано на истинные причины катастрофического положения. Но если в первоначальном плане были задуманы только косметические поправки, то этот план немедленно провалился, так как внутренний напор давления был, как в перегретом котле. При том, что весь план „улучшений“ был уже с самого начала стадией агонии. Содержание, заряд и возможности такой перестройки по прошествии пяти лет показали истощение, перерасход „наличности“ (при её явном недостатке). И, к тому же, мрачную тенденцию какого-то „обратного“ движения (как в движении маятника). Вся „машина“ заехала на мёртвый путь.

Всё это и не могло быть иначе! Доведенная до абсолютного хозяйственного кризиса страна, катастрофическое положение природы (экологические катастрофы); народ, дошедший до предгибельного состояния; общество,

в котором нарушены все его социальные структуры. Предельная концентрация власти, необъятный бюрократический аппарат. Коммунистическая утопия достигла стадии **бреда**. Смесь ортодоксии и пустоты. В стране назрела революционная ситуация (уже давно!), без революционной разрядки (пока).

Но на поверхность всплыла абсолютная ясность: всё будет „квadrатурой круга“ или толчением воды в ступе, пока за рулём будет сидеть Идеология.

Неразрешимые проблемы всегда трагичны. И здесь всё было трагично вдвойне, так как Горбачев явно ставил акцент на спасение коммунистической идеи. Он связал себя с призраком, вампиром и тянул за собой ещё оставшихся в живых людей.

Перестройка не явилась „преодолением застойных процессов“, но **сама** стала застойным процессом, увеличивая их число.

Ясность, как результат: никакая **симуляция** реформ – помочь не может!

Однако, один процесс, не прекращаясь, всё время набирал силу: это процесс общего расшатывания всей системы. Был ли это сценарий медленного и недейственного пробуждения страны, раскачивания и активирования? Если да – то блестяще-умный. От свободы говорить – до избавления от страха. Кто этот гений, скрывающийся в тени? Потому что весь этот план, в совокупности тайных согласованностей (вплоть до хорошо организованной, с чёткими политическими требованиями, забастовки!) – как-то трудно связать с отдельной человеческой головой. И, конечно, весь план должен был быть санкционирован! Всегда мнилось, что за Горбачевым стоят какие-то силы, которые поддерживают его „стояние“. Некие закулисные силы, понимающие опасность положения и поддерживающие реформы.

Подвергнутая „экзамену“ система показала, что она не в состоянии решить ни одной из стоящих перед ней задач! **Но всего дальше** стояли руководители правительства от единственно-верного: признания злокачественности и не-

состоятельности марксизма и его мертвящей идеологии, порочности системы, заложенной в „социалистическом“ устройстве общества и экономики.

Позиция аппарата власти в отношении перестройки, всегда была двойственной. И не могла быть иной – слишком уж неоглядны проблемы: власти, собственности, многопартийности, децентрализации в политике и экономике, рынка... Голова может закружиться у любого правительства, не только у социалистического!

Оттого вся перестройка, с самого начала, была и многоступенчатая фальшь! И вполне возможно, что успех гласности, как рабочей шестерёнки перестройки, был попросту не предусмотрен. Уж слишком заряжённым действием он оказался! Если бы перестройка могла обойтись без гласности, то никакой гласности вообще бы и не было. Но пришли в движение **приводные ремни**, даже в убогой механике „социалистического общества“. И так, реальным и абсолютно позитивным плодом перестройки явилась только гласность, которая сыграла роль динамита в разваливании системы.

Относительно же высшего форума правительства – аналогия: с самого начала Рим принял христианство в качестве государственной религии, из политических соображений. Но это не мешало устраивать гонений на христиан. Даже – Марку Аврелию.

Что же касается всех „зубров“, то возникает странное впечатление: будто воспитание в „духе“ марксизма-ленинизма навсегда лишает людей способности нормально мыслить.

*

Вопросами жизни и смерти нужно было бы назвать вопросы восстановления экономики. После войны, такие работы были проведены в Японии, Германии. С превосходящим всякое воображение успехом.

Любопытно читать о Муссолини и работах, которые он организовал и провёл в Италии. В 1929 - 35 гг. фашистское

государство успешно провело Италию между рифами мирового экономического кризиса. Ленин только обещал элетрификацию; Муссолини – электрифицировал Италию без лагерей и разрухи.

Система вертикальных профсоюзов (корпораций) объединила рабочих и капиталистов в общем деле улучшений условий жизни. Фашизм был сгустком энергии, объединявшим нацию. Муссолини укрепил индустрию и, опираясь на неё, провёл колоссальную работу по осушению болот. Проложил дороги. Сельскую Италию Муссолини считал **фундаментом** нации (а советский „коммунизм“ уничтожил в первую очередь крестьян).

Частность, из экономики фашизма Муссолини: государство не брало займов у банков-ростовщиков. Во внешней торговле было уничтожено значение денег. Был прямой товарообмен. Истинным богатством страны были объявлены люди и ресурсы. А источником богатства – человеческий труд.

Между прочим, видными фашистами начала 20-х годов были также и евреи! Ариас (теоретик), Рокка (основатель римской парторганизации), Финци, одно время, (министр внутренних дел).

*

Никогда, ни одному правителю, не выпадало править страной в таком состоянии, как сегодняшняя Россия, и с такими необъятными проблемами! Горбачевский статус-кво – из воска, который может только растечься лужей от жара событий. Но, что ни говори, а именно Горбачев устроил „перетряс“ всей советской системы. Сначала он пытался направлять события. Теперь он вынужден за ними следовать – или покинуть сцену. Изменения, происходящие в обществе – необратимы. Необратимо и пробуждение в народе политической самости. Совершенно ясно, что ожидаемым переменам должна была предшествовать перестройка в сознании общества. Как ясно и то, что перестройка означает очень сложный **период** в жизни страны, путь трудный и далеко не мгновенный. И что

всех издержек такого пути нельзя предвидеть никакой сметой. Это процесс независимый от воли или планов Горбачева, или кого-либо другого.

То, что происходит, – это бескровная (пока!) революция. Ставка в „игре“ – жизнь, для всех участников. Ситуация не только критическая, но остро-трагическая. Вышедшая на баррикады гласность – пока только словесная и несовершенная форма спора старого с новым. Она ещё скована внутренней неподвижностью изветшавшей системы. А бастующие рабочие – это уже активный авангард народа. Таким образом, кризис всё углубляется. Процесс обращённости к будущему вступил в фазу необходимости рвать с прошлым. Иначе, вместо будущего будет только залечиваемая застарелая и **смертельная** болезнь.

Положение – критическое, приближающееся к катастрофе.

Цель – выбраться из катастрофы без новой, катастрофической гражданской войны, к которой подталкивают некие действия и провокации.

У русского народа нет больше крови для оплаты предательств, вершимой на его голове интернациональной политики.

*

Господи! Помоги и России!

*

Грустно-трагические парадоксы: начато – с гласности. Но если бы перестройка могла **обойтись** без гласности, то никакой гласности вообще бы и не было.

Второе: перестройка не дала **никаких** ощутимых экономических успехов или улучшения жизни людей. Наоборот. Но если бы она в этом отменно **преуспела**, то события застряли бы где-то на полдороге изменений, и никогда бы не пришли к той стадии, в которой они сейчас!

Третье: вся эта нехитрая и ясная логика, не могла, разумеется, не быть очевидной для авторов перестройки. И это говорит не об их **гибкости**, но об их поставленности перед **безысходностью** положения. И если бы не было безысходности – не было бы и самой перестройки!

Но всё равно, с какой бы стороны ни оценивать само событие перестройки в целом, событие это исключительной важности, грандиозное оттого, что в первый раз в истории коммунизм вступил в **открытый** кризис. При всём том что оползней и регрессов было много, исключительное значение сегодняшнего кризиса в том, что это специфический и функциональный кризис самой коммунистической идеи! Перестройка – борьба тупика, насилия и хаоса – с Жизнью. И оттого, кто победит – зависит будущее.

*

Уникальность ситуации уничтожает любые претензии на монополию предсказаний будущего. При всяких попытках предсказаний, останавливаясь на тех или иных составных частях политической структуры. К примеру, предельной концентрации власти, которая всегда виделась ахиллесовой пятой системы. Эта предельная концентрация власти, в части её незыблемого авторитета, несколько подорвана событиями... Но не уничтожена. Кроме того, **на таких скоростях** событий, замены частей механизма не только рискованны, но и невозможны.

Поэтапный дворцовый переворот? Это было бы идеальным вариантом.

Как промежуточная стадия, по рациональной логике, могла бы вступить в действие власть авторитарная. В помощь общему восстановлению угрожаемого разрушением порядка. Авторитарная власть в вооружении нравственного служения нации и человеколюбия была бы, для переходного периода, разумным решением.

Демократия... Какая демократия? Не только соображения, что форма её должна соответствовать условиям, спе-

цифичности и потребностям русской жизни, но и кризисное состояние демократии во всем мире, должно побуждать с особой серьезностью рассматривать именно этот вариант. Кроме того, внезапная демократизация, в условиях сегодняшнего дня была бы подобна лавине, или прорвавшейся плотине, где все опасности, угрожающие человеческому существованию распылились бы в миллионы отдельных проблем и совершенно нарушили бы рождающуюся общность народа.

Назревшая „революционная ситуация“ чревата взрывом и опасностями в разных вариантах. Крайне опасен и груз ненависти, аккумулировавшейся в течение столетия. Любая гражданская война – это новая братская могила!

В России сегодня – непредсказуемое движение самой почвы! Несомненно, будет много срывов и ошибок. Это неизбежно в теперешней стадии развития событий. Опасны, однако, не разногласия, естественные при формировании тех разных партий, которые рождаются. Опасность – в возможности снова набросить невидимую сеть на страну, по принципу: „разделяй и властвуй!“ Возможность сдвинуть всё в иррациональность и хаос всегда существует.

Происходящее сегодня в России – не только кризис власти, но и кризис смертельной болезни. И катализаторы этого процесса не действуют в **одном** направлении. Кризис такой власти, как тоталитаризм в России, обостряя все противоречия коммунистической системы, таит в себе неограниченные возможности предсмертного бреда и безумия. И оттого он особенно опасен. Кроме того, система имеет верных сторонников в широком мире...

Что же касается факта, что пока перестройка вызвала только величайший кризис, то, может быть, он-то, именно он! и является главным действующим „лицом“ в сегодняшних событиях. **Стадией** перемены.

*

Чувствуется пристальное и затаённое внимание к собы-

тиям в России извне, из интернациональных кругов. Та поистине мировая империя, которая невидимо построена при использовании коммунистической идеологии, со скрытым и таинственным центром, привыкла регулировать дела своих подданных. Её общность, сплочённость и сила – в неизменности её действий. И она выступает под разными флагами. Сейчас, по большей части, под названием „прогрессивных сил“. И метастазы этих сил – во всём мире.

Главным врагом интернационализма сегодня выступает нация. Оттого, борьба ведётся сегодня именно с представителями национальных течений. Протivoестественная власть калечила и сдвигала самые глубокие пласты разрушаемого ею общества. В первую очередь национальные. Национальная коррозия – болезнь занесённая и привитая. Всем теневым фигурам Идеологии до смерти нежелательно именно национальное воскрешение России. Какими путями желательно вести процесс объединения народа? Самыми простыми и естественными, как дыхание! Вот, В. Распутин говорит: „Все спрашивают: Что делать? Полного ответа нет. Но если собирается вот такая аудитория, то это и есть лучший ответ на вопрос. Когда на родине Шукшина собирается до 10 тысяч человек, со всей России, то это и есть ответ на вопрос: что делать. /.../ Объединяться, объединяться по-разному. Везде и повсюду, где это только возможно. Я вижу, что народ всё больше понимает, что происходит, и не даёт себя сбить с панталыку. В 20-х годах иным казалось, что не осталось ни одного человека, который бы сохранил в себе духовность, остатки нашей истории прошлого. Но оказалось, выжили. И мы представляем собою, если не главную силу, то всё же нас организуется всё больше и больше“.

*

Ещё один сорт опасностей был показан выступлениями на съезде депутатов, возглавленными неким ветераном афганской войны. Это связано с крайне болезненной, но и

жуткой проблемой форм современного национализма. Недавнее прошлое и совсем свежее настоящее показали нам сорта национализма, которые, по праву, должны быть приравнены к преступлениям. Это – взрывы тёмных архаических сил. И они живут в непосредственной близости от идеологий. (Китай, Югославия, Израиль, Иран и, сегодня, Азербайджан...) Национализмы этого сорта – зловещие черты в характеристиках истории. Нужно осуждать их открыто, где бы они ни проявлялись и бороться с ними **практикой иных взаимоотношений** между народами! Практике национализмов **пещерных** надо противопоставить единственно допустимый национализм духовный, национализм выздоровления. Нужно разделить национализм как духовное чувство, и национализм – как политику! Путает само общее **слово**! Понятия которого давно нужно было бы определить и обособить...

Есть ещё опасность – закабаляющие иностранные займы. Опасность – в той распродаже страны с аукциона, которую ведет сегодня правящая партия. Все чудовищные займы и концессии – это новая форма закабаления страны! Кому принадлежат эти, столь любезно предоставляемые капиталы? Чтобы теневыми фигурами не были те же самые силы мирового сообщества, которые сыграли роль повивальной бабки в „русской“ революции...

Нужно не забывать, что у России не было и нет государственных друзей! Даже те, кого историческая Россия спасала от смерти, платили ей чёрной неблагодарностью. А уж, что касается врагов!.. В сообществе врагов – и Ленин, и Сталин были только марионетками! Главные действовали из тени. И сегодня звучат вкрадчиво старые мелодии: „свет Октября“, „блестящий, талантливый Троцкий“, „добрый Бухарин“ и т. д. И, ведь все эти сорта находят потребителей на Западе...

*

В заключение, хочется привести выдержки из одного замечательного письма. Открытого письма С. Бурина –

Ю. Карякину, в связи со съездом депутатов в июне 1989 г.

С. Бурин без обиняков называет правительство СССР „кремлёвской шайкой“, виновной во всех бедах страны. „Вот, почему, Юрий Федорович, /.../ будь я на Вашем месте, я повернулся бы к Горбачеву, и отдал бы ему, на добрую память, партийный билет. Нельзя быть в партии, воюющей против своего народа, против всего мира, запятнавшей себя океанами крови... А то, что из-за Ленина и его приятелей полмира вот уже восьмой десяток лет дрожит – это не бесовщина разве? Имя своё Вы бы одним этим коротким движением, из внутреннего кармана пиджака, на стол, – обессмертили. Потому что надо ведь кому-то начать...“

„Мы живём в плену у мифов, и спасение наше – только в скорейшем от них освобождении“. „Сейчас распространяется примерно такая позиция: были у нас Сталин с Берией, были Брежнев с Сусловым, были даже у Ленина лёгкие ошибки, были преступления и океаны невинной крови, но где-то там, в таинственной дооктябрьской дали всё было задумано прекрасно и замечательно, и вот теперь мы, к этим милым замыслам, наконец-то, возвращаемся, и скоро всё станет ещё прекраснее“. „Съезд показал не только то, что наш партийно-государственный аппарат и не думает менять своих повадок и своей основной центральной задачи – сохранения за собой власти любой ценой, включая самые недостойные методы. Он показал и то, что уже не одна лишь мыслящая, демократическая часть интеллигенции, но и представители „простых“ слоёв населения, начинают понемногу докапываться до истины. Процесс пошёл и он неостановим! Я верю, что бесовская власть товарищей не вечна, что в обозримые сроки ей придёт конец“.

„...Вершит беззакония в нашей стране – партия, партайный аппарат, и уж потом, как говорили когда-то, его цепные псы: КГБ, армия, ну и разные там спецвойска...“

„Горбачев – прежде всего пленник, раб системы, и вся его „демократия“ обусловлена тем, что нас затащили уже в такую пропасть, из которой только два пути: либо сов-

сем уж в тартарары, либо, всё-таки, наверх. Вот он потихоньку и тянет наверх – в тартарары-то никому не хочется“. „Не люди это, а механизмы, сейчас работающие в слегка демократическом режиме, но стоит кому-то в неведомых нам высях щёлкнуть переключателем – и они снова заработают в привычном режиме мясорубки“.

*

У России нет больше крови, для оплаты утопий! И – в России решается судьба мира.

В анализе глубоко, „по вертикали“, „героиня дня“ сегодня – это сама заблудившаяся История, отведённая на мёртвый путь, кончающийся обрывом в бездну! У огромной страны отнято не только будущее и настоящее, но и прошлое! Сама преемственность национальной и исторической жизни. Как могла развиваться история в стране, где убивались миллионы лучших и собирали в привилегированное сообщество миллионы смердяковых, выведенных в идеологических инкубаторах... А один Зиновьев или Троцкий – стоили миллионы таких смердяковых. Пользуясь изощрёнными методами „коммунистической“ идеологии, можно совершенно изменить и облик народа, и облик целых поколений.

И всё же! – в людях, а не в системах, может быть заложено начало поворота. Живое сопротивление!

Хоть и объявили, что русского народа больше не существует – он есть, хоть и страшно искалечен и изранен. Жива и Россия! И всё приложится, как бы медленно ни происходило окончательное выздоровление. Если России **суждено** вырваться из затягивающего её омута, не задохнуться, и добраться, из последних сил, до почвы под ногами, – это было бы в полной мере началом новой жизни. Воскресением из мёртвых. Поистине, – **„смертию смерть поправ...“**

Конечно, это было бы тяжелое выживание! На руинах и на последнем дыхании. Трудности будут неохватны. И десятилетия будет длиться восстановление страны, при-

роды, человека. Его одухотворение. Воспитание чувства свободы, – но и ответственности. Чувства права, – но и обязанностей. Возрождение Нации – нужно будет сделать смыслом жизни целых поколений.

Свободной России надлежит выполнить великие задачи – спасения религии, восстановления этики человеческих взаимоотношений. Кроме задач отмены всех тайных соглашений, типа ялтинских, освобождения всей Восточной Европы, раскрытия тайных архивов и документов организации мирового рабства.

Нам нужен новый путеводитель, открывающий перспективу будущего. Наша история! В которой далеко не всё хорошо, но именно это нужно нам увидеть очищенными глазами.

У Родена спросили, как делает он свои шедевры. Он ответил: „Я беру кусок мрамора и отсекаю от него всё, что не нужно“.

Так надо и нам, строя новую жизнь.

**Письма в Московскую редакцию «Вече»
направлять по адресу:
119504 Москва, Веерная ул., д. 40, корп. 1, кв. 174
Тростникову Виктору Николаевичу
(Тел. 442 07 16)
Подписку на «Вече» в СССР
следует оформлять по этому адресу.**

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

**«V E C H E»
P. O. Box 68
Flushing Sta. Midd. Vill.
N. Y. 11379, USA
Tel. 718 - 651 5662**

**Просьба оформлять, а также продлевать подписку
на „Вече” для США и Канады через Генеральное
Представительство, по указанному выше адресу.**

**В Генеральном Представительстве можно
заказывать отдельные номера „Вече”**

**На складе Генерального Представительства
имеется книга**

„Художник и Россия”

**По вопросам розничной продажи „Вече” в США и
Канаде просим обращаться в Генеральное
Представительство**

М. Назаров

О радиоголосах, эмиграции и России

В «Литературной России» (20. 10. 89 г.) было опубликовано моё открытое письмо директору Радио Свобода. Пришедшие из Москвы отклики отметили: „Впервые в советской прессе появилась критика русофобского радио с антикоммунистических позиций“.

Но, разумеется, для эмиграции ничего нового в содержании моего письма не было. Эта тема в русском зарубежье затрагивалась не раз. Вероятно, поэтому пришлось услышать не только ожидавшуюся реакцию противников, но и неожиданную критику некоторых друзей: первым не понравилось содержание, вторым – форма, т. е. допустимость самой публикации в советской газете. По предложению журнала «Вече», попробую проанализировать обе темы, тем более, что связь между ними – между политикой русскоязычного радиовещания и проблемой сотрудничества эмиграции с единомышленниками в стране – и в самом деле существует.

1. Нужно ли России Радио Свобода?

В своём письме директору РС (в дальнейшем не путать с директором русскоязычной службы РС) я обратил его внимание на усиление опасной тенденции в передачах: поощрение враждебности к русским, которое „начинается уже с трактовки понятия 'русификация': ...она рассматривается лишь в национальном, но не в идеологическом аспекте“, „...безответственно сеется межнациональная рознь, которая сегодня... мешает осознанию идеологичес-

ких причин трагедии и масштабов её преодоления, мешает политическому объединению усилий всех народов, ибо контрпродуктивно создаёт образ русских как народа-угнетателя: этим вызывает ответное озлобление русского народа, без политического и духовного возрождения которого мирное решение национальных проблем в СССР невозможно“.

Русскоязычная служба РС всё больше поддерживает националистические движения в окраинных республиках и космополитическое крыло у русских – при отождествлении русского патриотизма с шовинизмом. Например (в скобках даты передач), писателям-почвенникам указывается на то, что их страна – „вовсе не Россия. Эта страна называется Союз Советских Социалистических Республик... половина населения этой страны нерусские, и говорить о патриотизме русском в такой стране просто бессовестно, безнравственно“ (12/13. 1. 88). Директор русскоязычной службы В. Матусевич практикует личные оскорбления: Василий Белов „лжёт постоянно, настойчиво, расчётливо“ (12. 3. 89); Валентин Распутин назван „аморальным, безнравственным и бесчестным“ (26. 8. 87) и „просто взбесившимся“ (21. 2. 89). В программе „Русская идея“ говорится об опасности, грозящей миру от „православного фашизма“ (17/18. 12. 88), множатся призывы к „мутации русского духа“ от православия к „новому типу морали... на твёрдой почве просвещенного эгоистического интереса“ (7/8. 3. 89).

Приведя эти и другие примеры, я задал вопросы:

1. Не нарушается ли этим Профессиональный кодекс РС? Например, такие его положения:

„Нельзя приписывать русским то, за что нужно винить коммунистические режимы, и нельзя смешивать понятия 'советы' и 'коммунисты' с историческими названиями народов“.

„РСЕ/РС не поддерживает и не поощряет сепаратистских движений, ...избегает всего, что может быть расценено как поощрение культурной или национальной враждебности против других национальных или культурных

групп“. РСЕ/РС „не принимает сторону какого-либо определённого политического, экономического или религиозного направления... не отождествляет себя ни с какими оппозиционными группами...“

2. Чем объяснить усиление антирусской тенденции: политикой США или инициативой сотрудников РС, выражающих своё личное отношение к России?

С одной стороны, „радиовещание – важный инструмент американской политики“, – признал Джимми Картер. Политика РСЕ/РС „не противоречит общей внешнеполитической концепции США“, – говорится в Профессиональном кодексе. Радиостанция „финансируется конгрессом США“, – объявляется каждый день в эфире.

С другой стороны, всем ли американцам нравится отождествление своей демократии со „свободой секса“, с „отказом от старого культурного багажа, чтобы не сказать хлама“; „будущее принадлежит людям, забывшим о своём происхождении, ...кто не отяготил себя старыми европейскими ценностями и идеалами“ (22.2.89)? Или же такую демократию сотрудники РС предлагают только русским? Повторю фразу из своего письма: „Если именно в этом направлении они намерены вести ‘мутацию русского духа’, то отличие от ‘прогрессивных’ представлений XIX века (а в какой-то мере и от неосуществлённых идеалов «Коммунистического манифеста»)) здесь не слишком велико...“

3. В любом случае: не вредит ли это отношениям между русским и американским народами, а также подлинным национальным интересам США, поскольку большая часть американцев – христиане?

„От этого зависит не только отношение центрального народа России к Америке... Нельзя не видеть, что Россия в своей катастрофе осуществила один из вариантов судьбы всего мира – продемонстрировав ‘малый апокалипсис’ (Бердяев) в истории духовной болезни человечества, длящейся несколько веков. Непонимание общечеловеческого смысла этого опыта может привести к завершению той же болезни в ином виде – в апокалипсисе

большом“... Хочется надеяться, что совесть американских христиан не останется спокойна при виде разительного несоответствия подобного отношения к попавшему в беду русскому народу – моральным принципам христианской цивилизации“.

Эти вопросы волнуют многих. Вот примеры за последний год. Было обращение в конгресс США шести независимых деятелей из Москвы (свящ. А. Аверьянов, свящ. Д. Дудко, В. Аксютин, Г. Анищенко, В. Сендеров, В. Тростников) – см. «Посев» № 9 и «Русскую мысль» от 28. 7. 89 (там стоит и подпись Ф. Светова). Был протест из Оптиной пустыни. Отказался от сотрудничества с радиостанцией А. И. Солженицын. Попросил не использовать его прежние радиозаписи священник Русской зарубежной Церкви о. Николай Артемов. Православные 1270 приходов Львовско-Дрогобычской епархии в «Московском церковном вестнике» (№ 16, 1989) пишут, что „пропагандисты унии с помощью радиостанции „Свобода“ публично хулят нашу Русскую Православную Церковь“. Негативных оценок РС много и в непочвеннических изданиях, напр., «Молодёжь Эстонии» (25. 1. 90) резко упрекает РС в „разжигании националистических страстей“ в Закавказье, в стремлении „обратить прицельный огонь против Москвы“. Даже в «Новом русском слове» (17 - 24. 11. 89) Д. Штурман поддержала обращение шестерых москвичей. На самом РС в 1989 г. был случай, что диктор отказался читать в эфир текст, оскорбляющий Русскую Церковь, а один из ответственных сотрудников, Н. Петров, подтвердил в отчётном докладе, что антирусские тенденции на РС наносят вред престижу Америки.

Но вашингтонская администрация молчит и бездействует. Мне ничего не остаётся, как искать ответы на свои вопросы самому. Начну с аргументов, которыми объекты критики пытаются аннулировать проблему.

– „Письмо Назарова антисемитское и опубликовано в нацистской газете: такую критику следует игнорировать“ (Л. Ройтман и др. на совещаниях РС).

На этот „аргумент“ можно было бы не обращать внимания: он не имеет отношения к содержанию письма. В моём письме речь шла о взаимоотношениях русского и американского народов, а не о еврейском. Это не моя проблема, что цитированные мною высказывания звучат из уст сотрудников еврейского происхождения. Это проблема радиостанции, что у неё такие сотрудники. Но поскольку этот аргумент выдвинут главным, видимо, без рассмотрения этой проблемы не обойтись.

Прежде всего это даёт ещё одну иллюстрацию зачисления почвенников в экстремисты от **бессилия возражать по существу**. Обвинения в „антисемитизме“ – давний приём на РС для дискредитации оппонентов как в эфире, так и в Вашингтоне. Так, в программе „Поверх барьеров“ Б. Хазанов и Б. Сарнов полчаса доказывали „антисемитизм“ у Солженицына (20. 8. 89). А в вашингтонском русле борьбы против солженицынских идей Л. Ройтман обнаружил „антисемитизм“ даже у автора-еврея и „Докладной запиской“ призвал конгрессменов принять „соответствующие меры“ против „расистского, биологического отношения к евреям, которое в этой стране, Западной Германии, запрещено законом“ («Литературный курьер» № 11, 1985, США).

В цивилизованных странах законы призваны оберегать достоинство людей любой национальности. Но для обвинения требуются доказательства. Бездоказательное использование порочащих обвинений – тоже нарушение закона. Помнится, сотрудница РС Р. Федосеева возбудила дело против своих коллег, обвинив их в антисемитизме, но суд отклонил иск как необоснованный, возложив на неё судебные издержки («Голос Зарубежья» № 9, 1978). А

штраф, наложенный на газету «Франкфуртер рундшау» за подобное обвинение против издателя журнала «Вече» (РНО в ФРГ) – показывает, что уважения закона могут требовать и „обвиняемые“.

Что же касается использования такого критерия в радиовещании, то вот что об этом пишут умные евреи: „...надо помнить, что еврейский вопрос – не единственный и не главный в жизни других народов, особенно в жизни современной России, ...нельзя по всякому поводу и без повода во всю бухать в колокола 'борьбы с антисемитизмом'“ («Литературный курьер» № 11, 1985).

В том же журнале на эту тему высказался Н. Коржавин: „...меня возмущает и оскорбляет поведение этих людей“, поскольку их цель – „мешать проникновению в эфир взглядов, противоположных своим, ...под видом борьбы с антисемитизмом“; „...особенно меня не устраивает, когда такие попытки предпринимаются как бы от имени и во имя еврейского народа, из которого как-никак я тоже происхожу. Всё равно, почему это делается – из близорукости, тёмных расчётов или маниакальности“.

Думаю, что независимо от причин, это делает большинство сотрудников „русской службы“ РС профессионально непригодными для столь ответственной работы. Их „анти-антисемитизм“ приводит к противоположному результату, поскольку по их поведению кто-то судит обо всех евреях. Поэтому, используя ещё одну цитату из „Докладной записки“ Л. Ройтмана, я бы советовал конгрессу и еврейской общественности в США подумать, „предназначены ли ассигнования, получаемые РСЕ/РС, для передач такого рода“.

Основной порок анти-антисемитов – бездуховность. А еврейская проблема именно духовная, в ней религиозная „ось мировой истории“ (Соловьев, Бердяев). Евреи действительно богоизбранный народ – избранный для воплощения Сына Божия, и в малой своей части он осуществил это призвание для всех людей. Однако в большинстве своём не понял его смысла, отверг Христа – отсюда все беды еврейства, его неприкаянность в истории (см.

Втор. XXVIII, 64-65; Рим. XI), „'нерастворимость' еврейского народа в диаспоре и драматизм его внешней ассимиляции для окружающей его среды“ (отклик Р. Гальцевой на доклад Н. Струве, «Новый мир» № 11, 1989).

Эта несовместимость с христианским миром проявляется у разных частей еврейства в разных формах. В частности, оно активнее других втянуто в общечеловеческий секулярно-космополитический процесс: в этом суть несчастного, беспокойного, не понимающего свою беду „малого народа“, описанного И. Шафаревичем в „Русофобии“ (жаль только, что это сделано без религиозного фона проблемы и без подразделения еврейства на различные типы). Учитывая, что это лишь один из типов, не будет обидным для всех евреев сформулировать обсуждаемую проблему так: „Радио Свобода – малого народа“.

Конечно, убеждения таких сотрудников – их личное дело. Но когда они выдвигают их в виде критерия судеб России – вряд ли с этим можно примириться. Именно это вызывало протесты иерархов Русской зарубежной Церкви, в частности, в связи с оскорбительными для христиан радиопередачами. Именно об этих людях архиепископ Женевский и Западноевропейский Антоний писал в 1981 г. президенту США Рейгану: „Во всех национальных редакциях РСЕ/РС работают представители того народа, которому предназначаются радиопередачи: в польской – поляки, в болгарской – болгары, в эстонской – эстонцы... Почему только в единственной русской на 23 пишущих приходится всего 4 или 5 русских? Почему русское радиовещание перестало быть диалогом русских и превратилось в монолог 'третьей волны'?“ В том же году епископ (тогда Мюнхенский и Южногерманский) Марк обращал внимание руководства РС на то, что допускаемые по радио кощунства и бестактности провоцируют антисемитизм. Но „малый народ“ считает антисемитами всех, кто не разделяет его понимания как русскости, так и еврейства.

Показательно, что в 1985 г. именно эти сотрудники встретили в штывы проект создания в рамках РСЕ/РС еврейской радиостанции „Маккоби“, которая занималась

бы проблемами евреев в СССР. Это „позволило бы решить проблему к удовлетворению обеих сторон и снять тему антисемитизма с повестки дня“, – поддержала решение еврейская газета («Allgemeine Jüdische Wochenzeitung», 29. 3. 1985): „Русские обращались бы к своим единомышленникам в России, евреи – к своим“. Однако сотрудники РС, видимо, и этот проект сочли „антисемитским“ и, за незнанием еврейской культуры, отстаивали своё право подгонять „русскую службу“ под свой уровень русскости... Думается, если бы на РС работали Мартин Бубер и Семен Франк – подобных проблем не возникало бы.

Для осознания своего облика сегодняшним сотрудникам РС следует прочесть хотя бы работы основоположников сионизма (Герцль, Жаботинский, Нордау, Ахад-ха-Ам, Гордон). Они ощущали неизбежность еврейского вопроса в диаспоре – почему и видели выход в собирании евреев в отдельном государстве (как это осуществляется – другой разговор). В историософском плане о еврейском вопросе написано много серьёзных работ как русскими (Бердяев, о. Сергей Булгаков), так и еврейскими мыслителями (Мартин Бубер, Кук). Но „анти-антисемиты“ не способны говорить о своём народе в категориях, достойных его величия. Вряд ли они и в богоизбранность евреев верят, поскольку не верят в Бога, поэтому их взору недоступно ни призвание еврейского народа, ни его историческая драма. Поэтому и „отпор антисемитизму“ в программах РС идёт на примитивно-навязчивом, никого не убеждающем, уровне*.

То же касается их борьбы против экстремизма в целом. Преувеличивая влияние незначительных группировок экстремистов и озлобляя их – РС лишь поощряет экстремизм. Главная причина та же: неверующему трудно понять природу зла в человеческой душе. Надо отделять

* В нескольких абзацах трудно изложить свою точку зрения на еврейский вопрос. Отсылаю заинтересованных к книге „Русские и евреи в драме истории“ (готовится к публикации), в которой я стараюсь понять историософский масштаб этой духовно-религиозной проблемы.

зло, то есть грех – от грешника. Человек создан по образу и подобию Божию – поэтому надо стараться его переубедить, а не осыпать ругательствами. Для христианина водораздел проходит не между людьми, а между злом и добром в душе каждого. И эта линия может меняться в течение жизни.

Поэтому неважно, в частности, что тот или иной человек писал в прошлом – например, тот же глава русскоязычной службы РС, будучи советским журналистом. Но и он должен понимать, что неэтично бороться против почвеннических взглядов писателя, напокая на грех его молодости (участие в осуждении Пастернака), если он сам, В. Матусевич, в те годы утверждал такой критерий искусства: “хранить в чистоте бессмертные идеи коммунизма и бороться за них” («Комсомольская правда», 7. 3. 1957)... Тот писатель в своей книге счёл необходимым покаяться в „коллорабационизме“ с „антинародной властью“. Можно узнать, где выразил что-либо подобное В. Матусевич?

– „Однако, РС передаёт и русские, православные материалы“.

В своём письме я отметил, что эта критика не касается „коротких религиозных программ“ и „многих правдивых материалов – плодов труда многих порядочных людей“. Работу их можно приветствовать, но они не имеют возможности вступать в полемику с описанной главной тенденцией и противодействовать ей. Тем более нет этой возможности у внештатных авторов, как, скажем у о. Николая Артемова, чьи передачи, записанные 6-7 лет назад, идут в эфир до сих пор. Русским программам в „русской службе“ РС даётся лишь возможность пассивного присутствия, символической демонстрации плюрализма, в стороне от активной политической линии РС.

– „Причины для критики РС существуют, но мы постараемся исправить положение“, – обещал директор РС Иян

Эллиот во время встречи с Глебом Анищенко и мной в ноябре 1989 г. То же самое он обещал в Москве другим авторам упомянутого письма шести.

Ещё в июле г-н Эллиот не был согласен с моими „необоснованными утверждениями“ („allegations“), что я узнал из полученной при встрече копии его ответа (который до меня почему-то не дошёл). С ростом критики он отнёсся к делу серьезнее: пообещал наказывать нарушителей Профессионального кодекса и начать новую почвенническую программу с возможностью полемики. Нет оснований не верить в искренность его намерений. Но тогда приходится сделать вывод, что реальных инструментов власти у г-на Эллиота тоже нет, ибо с тех пор ничего не изменилось. Ниже примеры из эфира уже после написания моего письма.

Матусевич по-прежнему подверстывает: „российские патриоты, то есть почвенники и сталинисты, национал-радикалы и национал-большевики“ (14. 10 89). Сохраняет всё тот же уровень полемики, давая отпор „смердным чёрносотенным изданиям; воинствующему шовинизму, народоненавистническому подстрекательству... российских патриотических, в кавычках, изданий“ (17. 10. 89) – не утруждая себя ни малейшими доказательствами этих характеристик, как и „мракобесия распутиных и куняевых“ (12. 10. 89).

В. Малинкович пускает в эфир статью, в которой утверждается наличие „стремительной консолидации на единой платформе“ „консервативного национализма (Шафаревич, Распутин, Белов и пр.) и сталинистско-охранительного национал-коммунизма“ (3. 11. 89).

Передаётся интервью корреспондента «Вашингтон пост»: „Русские писатели открыто поддерживают идеи шовинизма и русского превосходства, и конечно, антисемитизма“ (19. 1. 90).

О том, как РС „не принимает сторону той или иной группировки“, свидетельствует взятое В. Матусевичем интервью у В. Коротича: „...за мной стоят два миллиона

моих избирателей. За Распутиным стоит двести с чем-то членов пленума Союза писателей, выбиравших его“ (30. 10. 89).

Наглядное разоблачение своих целей Матусевич даёт, цитируя Горбачева: „В последнее время порой приходится слышать суждения, будто прошлые деформации и нынешние трудности страны исходят прежде всего от России, которая при этом отождествляется с центром. Скажем прямо, подобные суждения противоречат и правде истории и простой человеческой объективности“ (12. 12. 89). Эта цитата приводится лишь затем, чтобы её оспорить и „партаппаратчиков консервативно-охранительного толка“ снова представить в виде „воинствующих русских националистов“. Матусевич сознательно обрывает цитату в том месте, где даже Горбачев признаёт **вину системы**: „Не русские, как и представители какой-либо другой национальности, виноваты в наших бедах, ... а сталинщина, командно-административная система, тяжесть которой испытали на себе все народы“.

Такая борьба РС за „национальное возрождение“ малых народов, при отрицании того же права у народа большого – лишний раз доказывает, что её ведущие не чувствуют духовную ценность нации как таковой. Национальные проблемы интересуют их как точка приложения сил для своих политических целей: расчленения и космополитизации России. Неудивительно, что русскоязычная служба РС охотно поддерживала Нагорный Карабах, пока это был первый прецедент для изменения границ в СССР; с появлением же антирусского Народного фронта Азербайджана симпатии – несмотря на зверские погромы армян – переместились на азербайджанскую сторону.

Заходит речь о расчленении не только СССР, но и РСФСР. В предвыборной платформе российских общественно-патриотических движений Ф. Салказанову (26. 1. 90) возмущает сама возможность сохранения многонациональной России, которая будет распространять свой суверенитет „на все исконно принадлежащие её многочисленным народам земли“. Может быть, лучше оставить

этот вопрос на усмотрение самих народов?

Программа „Судьбы Сибири“ нацеливается уже на разделение русской земли, поощряя „сибирскую автономию“ как вид „деколонизации“ (!). Играя на неблагополучии в стране и наивности неформалов, РС провоцирует отталкивание от „центра“, который „эксплуатирует Сибирь“. Сепаратизм в годы Гражданской войны приводится как пример, достойный подражания, причём замалчиваются его подлинные причины: отталкивание от террора большевиков, а не от России (2. 12. 89). Даже в тексте, поданном как „Доводы против“, лишь отмечалась неподготовленность для этого Сибири – в отличие от Прибалтики.

В области „мутации русского духа“ (программа „Русская идея“) Парамонов выдвигает упрёк религиозным философам (о. Павлу Флоренскому, о. Сергию Булгакову, Бердяеву), что ими „не была понята“ „толстовская антицерковность“, „толстовская протестантская революция“, создающая „новый тип русского человека“. Призывая Россию вернуться на эту стезю, Парамонов прямо формулирует задачу: нужно **„русского человека выбить из традиции“** (3. 12. 89).

На религиозных мыслителей возлагается и ответственность за революцию: Парамонов выводит её „из русской и только русской традиции... но с одной непременно корректировкой. Традицию нужно вести не столько от тёмного русского мужика, сколько от высокопросвещённых философов и поэтов...“; „Минводхоз, успешно губящий родную землю, тоже вышел оттуда же: из высокоумных построений Соловьева и Бердяева“; „...в конечном счёте, в бедах революции оказывается виновной не культура, а всё-таки почва, таких, а не других гениев вырастившая. Их голосом говорила какая-же надчеловеческая стихия, и стихия в данном случае русская“ (10/11. 12. 89).

Позволительно спросить: а где же в это время были марксизм и революционеры? Лишь вынося за скобки основной водораздел эпохи – отношение к абсолютным духовным ценностям – Парамонову удаётся заключить, что в революции сказался именно „русский соблазн“,

„родовой соблазн“. Религиозная координата православных мыслителей Парамонова не интересует: поэтому у него „русская идея – миф, иллюзия“ (2/3, 3, 90), а славянофилы создали лишь „утопию“. Зато когда говорится о фанатизме левой интеллигенции, он называет это „религиозным пылом“ (4/5. 7. 89), – об этом я уже писал в «Литературной России», отмечая: „Нравственный максимализм русской интеллигенции, переродившись в фанатизм, конечно, стал катализатором разрушительных марксистских идей, но ведь именно в силу его безрелигиозности (см. „Вехи“)...”

Истинный критерий русскости узнаём от А. Пятигорского: „Настоящие русские интеллигенты в 20-е называли себя интернационалистами, а в 40-е их называли космополитами“ (20. 1. 89). По этой логике, в 80-е и 90-е годы „настоящими русскими интеллигентами“ следует, видимо, считать парамоновских „мутантов“. Вот их автопортреты (из восходящих в СССР радиозвёзд цитирую двух, заслуживших наибольшую похвалу в программе „Аспекты“ И. Каневской):

Д. Волчек: „мне ненавистны“ нравственные функции литературы (24. 1. 90). А что касается „сексуальной эмансипации“: „стремление сорвать с себя ненавистную казарменную униформу и попрыгать в чём мать родила – вполне оправданно и заслуживает всяческого сочувствия“ (27. 10. 89).

Т. Щербина: „однопартийная система, она же партия, она же монархия, а в условиях XX века – тоталитаризм, имеют одно вот это общее – имперское устройство. Вероятно, в России иное устройство и невозможно: здесь всегда на костях да на крови, а добром российский народ не умеет“. Поэтому „демократы-антисталинисты-западники ведут традиционный психологический спор с партийными-монархистами-славяно-центристами“ (27. 10. 89).

*

...Такова сегодня „русская служба“ Радио Свобода, финансируемая американскими налогоплательщиками. Конеч-

чно, это дело американцев, как тратить свои деньги. Никто не протестовал бы, если бы США финансировали только беседы Щербины и Каневской о лучшем качестве западного собачьего дерьма, и размышления Матусевича о презервативах (3/4. 2. 90), пошлую саморекламу Савицкого, псевдоинтеллектуальную тягомотину Померанцева и восторженную пустоту „Инны Светловой“... Но ведь, помимо этого, они пытаются диктовать и судьбы России, ведя её к повторению хаоса 1917 года. Не символично ли, что позывные РС – гимн, написанный в период бездарного Временного правительства, шедшего на любые жертвы ради услужения Западу?

На этом фоне вопросы о возможности перемен политики РС звучат, конечно, риторически. Может ли „русская служба“ быть иной, если национальным вопросом в СССР там руководит редактор украинского сепаратистского журнала? Если её нынешний глава в конце 1970-х годов уже удалялся с аналогичного поста, после обвинений * в **богохульстве** и в фальсификации документа, – но в 1987 г. возвращён с ещё большими полномочиями? Если его кредо: передачи РС „ведутся не для русского народа, а для советского – на русском языке“ (совещание на РС от 29. 8. 1975), против чего протестовал даже Собор Русской зарубежной Церкви в письме президенту США Картеру. В начале 1980-х годов не раз на эту тему высказывался и А. Солженицын. Но с тех пор положение ещё более ухудшилось.

„Подобного рода передачи являются логическим плодом того, что... на ключевых постах стоят люди не русского происхождения, не православные, советского воспитания: без должного знания русской истории, культуры, атеисты и зачастую русофобы“, – заключал в 1979 г. епископ (тогда Штуттгартский и Южногерманский) Павел в письме президенту РСЕ/РС.

* Протест епископа Венского и Австрийского Нафанаила; заявление В. Г. Семенов-Мондич.

Но почему же американская администрация, выслушивая столько лет критику, ничего не меняет? Одни объясняют это „крайним недомыслием“ американцев и надеются раскрыть им глаза. Другие видят причину в мафиозном влиянии на самых верхах, приводя пример (1989 г.), как важный чин радиостанции может по звонку некоего деятеля срочно лететь к нему, в третью страну, с извинениями за промашку в освещении политики то ли израильтян, то ли палестинцев... Третьи усматривают здесь сознательно антирусскую политику самих США – основания для этого даёт, например, З.Бжезинский, упорно твердящий о „русском господстве“ и прямо признающий, что нарастающий хаос в СССР в интересах Запада («Русская мысль», 16. 2. 90)..

Думаю, объяснение следует искать на двух уровнях: исходя из места РСЕ/РС в американской политике и из нравственного уровня самой политики.

Уже факт финансирования сразу двух радиорупоров – „Голоса Америки“ и РСЕ/РС – свидетельствует о том, что второму придаются иные функции, выполнимые лишь под эгидой „независимой радиостанции“, не отождествляемой с открытой политикой правительства США, даже если эту станцию снабдить благозвучным Профессиональным кодексом. Правда, РС было создано в 1953 г. как антикоммунистическая станция, там работало много русских патриотов, сделавших немало полезного для отечества. Лишь по мере укоренения в ней „третьей эмиграции“ – радиостанция из „подрывной“ антикоммунистической вырождалась в антирусскую. Но так же, как стратегическим целям США раньше не противоречил русский патриотизм, направленный против идеологии монолитного режима, так и сегодня этим целям не противоречит русофобия, разъедающая трещины бывшего монолита.

То есть, фраза Профессионального кодекса, что деятельность РСЕ/РС **„не противоречит общей внешнеполитической концепции США“** – допускает наполнение передач РС разным содержанием. Но цель их одна: ослабление политического соперника, ибо Радио Свобода изначально

мыслилось как деструктивный инструмент, а не как конструктивный (какие у каждого государства тоже есть). Этот первородный грех РС и обнажился особенно наглядно сегодня, когда Россия начала поворот к традиционным ценностям и нуждается в помощи, а радиоинструментом овладели антирусские силы, использующие его в своих целях разрушения.

В допущении такого использования РС (что настраивает русских враждебно к Америке) – можно видеть „крайнее недомыслие“ американцев. Но беда в том, что это „недомыслие“ тоже не противоречит внешнеполитической концепции США. И дело не только в примитивной советологии. Это „недомыслие“ неисправимо, оно коренится в эгоизме человека. Скажем, против отождествления русского народа и режима можно протестовать и кого-то даже выслушают, – однако, не надо питать иллюзий: для правительства США это удобный прагматический облик потенциального врага. Объяснять своим солдатам, что во вражеском стане, помимо коммунистов, есть измученный христианский народ – создаёт для них излишнюю психологическую нагрузку.

Раньше этот цельный облик врага был нужен для мобилизации общественного мнения против коммунистической угрозы; сейчас, в эпоху краха коммунизма, это скорее нужно для оправдания инстинктивного соблазна покончить заодно и с „последней империей“. Опять-таки, можно уверять, что мы выздоровеем и сами решим национальные проблемы референдумом, без риска всеобщего обвала и крови... Но наша страна уже своими огромными размерами вызывает неприязненное отношение сильных мира сего (даже объединение Германии вызывает у них такие опасения). Сейчас в международной политике тем более существует некое враждебное поле (созданное совместно коммунистической агрессией, советологией, третьей эмиграцией и описанным инстинктом), которое заставляет западных политиков вести себя так, а не иначе, даже если они, как г-н Эллиот, вполне добропорядочные люди и не испытывают личной неприязни к русс-

ким. Ситуация изменится, когда человечество поднимется на новую нравственную ступень в своих взаимоотношениях, к чему призвал А. Солженицын в Темплтоновской речи и к чему первую попытку сделал император Николай II (Гаагская конференция по разоружению 1899 г.). Думаю, это будет возможно, лишь если изменится сама Россия и сможет нравственным примером влиять на общественное мнение Запада.

*

Кто-то скажет, стоит ли уделять РС столько внимания? Думаю, да. Снятие глушения превратило РС в мощное **внутреннее** радио в стране с духовным вакуумом. А неопытным общественным сознанием можно манипулировать. Чёрно-белое мышление („если у нас всё лживо, значит в свободном мире всё правдиво“) может плодить опасные иллюзии. Учитывая такое влияние РС в России и за неимением других возможностей, я решил противодействовать этому тоже изнутри страны хотя бы публикацией.

Раньше у меня с РС была некоторая общая платформа (против тоталитаризма). Но сегодняшняя необходимость положительных целей требует более чёткой позиции. Информации отрицательного характера достаточно и в официальных средствах информации; нужна оздоровительная мысль, а её от РС ждать не приходится. Необходимы иные мощности влияния, и становление конструктивных сил в самой стране даёт шанс на отстройку таких мощностей там.

II. „Нам нужна великая Россия...“

– *“Действительно, ...оскорбительные выпады против России, русского народа, русской истории и культуры стали в русской редакции этой станции хорошим тоном. Но если бороться с этим, то не в советской же прессе!” „Назаров... недостаточно чётко отличает „гласность“ от*

свободной прессы“ (Ю. Б. Брюно, председатель ИБ Совета НТС, «Посев» № 12, 1989).

– „Этична ли жалоба органу комвласти на другой, антикоммунистический?“ (Из письма гл. редактора одного из журналов).

Это уже отклики друзей, которые, среди прочего, советуют, как нужно было поступить правильно (как, кстати, я и поступил, но письмом не заинтересовались ни американские инстанции; ни зарубежные, ни самиздатские издания, в которые я его предлагал). Лишь после этого, по совету известного учёного из Москвы, я предложил своё письмо одному из наиболее смелых почвеннических органов печати – «Литературной России», и благодарен её сотрудникам, опубликовавшим текст с сохранением моей политической позиции. (Именно это и привлекло внимание на РС, ибо критика „эмигрантских листков“, как заявил Л. Ройтман, сотрудников РС „не волнует“: малотиражные истины не угрожают их окладам; истину они привыкли оценивать в цифрах...).

Поэтому ответу друзьям встречным упрёком: мне кажется, что они сами „недостаточно чётко отличают“ здоровые силы в стране, расширяющие границы гласности – от их противников, стремящихся заключить слово „гласность“ в кавычки.

Когда-то резолюция Совета НТС отметила наличие „конструктивных сил в правящем слое“ («Посев» № 3, 1978). В эмиграции был скепсис относительно существования таких сил вообще, с чем НТС полемизировал. Сегодня, когда конструктивные силы в России открыто действуют на всех уровнях, странно дискутировать с руководителем НТС о допустимости сотрудничества с ними на уровне литературного еженедельника (кстати, органа правления Союза писателей РСФСР, а не органа комвласти)...

Мне кажется, пора различать в советской прессе разные составляющие. Думаю, именно поэтому Солженицын счёл возможным напечатать в СССР свои произве-

дения – что я считаю общей победой здоровых сил российского общества, важной для процесса перемен. Помимо Солженицына, использовать советскую прессу для участия в этом процессе стали Н. Струве, Ю. Кублановский, Т. Горичева, Н. Коржавин, С. Солдатов... О леволиберальном фланге эмиграции я уж не говорю – здесь братание через границу произошло полное, причём Радио Свобода стало их совместным рупором. Почему же нельзя почвенническому флангу оказывать сопротивление их натиску, тоже объединяясь независимо от границ? А если „не в советской же прессе!“ – то мог бы Юрий Борисович сказать, какие другие средства **массовой** информации есть сейчас для этого?

Ведь речь идёт не просто о защите от оскорблений. Сегодня, когда тоталитарная идеология обанкротилась и находится в безнадежном отступлении, всё большее значение имеет борьба не только „против чего“, но и „за что“. И я не понимаю, почему позиция богохульника и русофоба из „антикоммунистического органа“ должна быть мне ближе, чем позиция верующего русского патриота, автора работы „Читая Ленина“, „члена КПСС“ В. Солоухина? *

Вот что пишет в этой связи В. Бондаренко в той же «Литературной России» (29.9.1989), напоминая знаменитые слова П. А. Столыпина: „Те, кому нужны великие потрясения, уже объединились, настала пора объединяться тем, кому нужна великая страна. Думаю, это надежная платформа для объединения людей разных политических взглядов. Можно быть ярким противником социализма...“, и в то же время желать блага России.

Мне кажется, это вполне соответствует духу упомянутой резолюции НТС: во взаимной поддержке „конструктивных сил в правящем слое“, независимой общест-

* В возглавленный В. Солоухиным Фонд восстановления Храма Христа Спасителя передан гонорар за публикацию М. Назарова в «Литературной России». **Ред.**

венности и политической оппозиции – „ключ к освобождению и сохранению России“. Освобождение без сохранения – стремится ли кто-то к этому сознательно или по глупости – вряд ли приемлемо для здравомыслящего гражданина.

С этой точки зрения сегодня правильнее говорить не о „советской прессе“ вообще, а дифференцированно – о тех или иных изданиях, публикациях, их целях и результатах. Или, может быть, руководитель НТС настаивает на принципе, что „конструктивные силы“ должны сотрудничать с нами, публикуясь нашими тысячными тиражами, но мы обращаться к своему народу, пользуясь их миллионными тиражами, не должны?

Конечно, главное не в том, где опубликовано, а в том, что опубликовано. Из «Посева» (№ 5, 1988) известно, что и руководство НТС посылало материал **в орган ЦК КПСС** – газету «Советская Россия». Не стану сравнивать её название, принадлежность и уровень конструктивности с «Литературной Россией», потому что в любом случае считаю такие попытки правильными. Спрошу только: значит, допустимо публиковать в советской прессе лишь материалы в защиту НТС от комвласти, а в защиту русского народа от его отождествления с комвластью нельзя? Ведь именно в этом я упрекаю редакторов РС. Без этого критика „антикоммунистического учреждения“ выглядела бы в советской прессе и в самом деле двусмысленной.

Конечно, возможности откровенного анализа по разные стороны границы разные. Но порою наш максимализм отсюда в отношении тех, кто пытается раздвинуть границы гласности там, может выглядеть как высокомерие. Целесообразнее понимать важность специфики друг друга в общем деле и сознавать общую цель для будущего. Речь идёт о достижении того самого общенационального согласия, через которое будущая Россия может создаваться уже в сегодняшней.

В сущности, здесь представлены две позиции, партийная и непартийная, каждая из которых правомерна и нужна. Об этом я уже писал в самиздатском журнале

«Выбор» № 8:

1) первая позиция, предельно принципиальная, необходима оппозиционной партии – для сохранения истинной точки отсчёта в бескомпромиссном отрицании зла;

2) вторая позиция направлена на поиск и объединение добра; она свойственна „людям, по своему духовному складу не претендующим на политическое водительство и не склонным резко делить общество на партии, на своих и чужих, а готовым различать „чёрное“ и „белое“ в любом человеке, в самом ходе событий, и стараться объединять это „белое“.

„Утрирование первой позиции грозит политическим материализмом, партийной узостью при утрате общенациональной цели служения. Утрирование второй – чревато безответственной сентиментальностью и утопизмом. Истина же, наверное, в правильном сочетании того и другого: бескомпромиссности убеждений – и христианской любви в действиях по их претворению в жизнь. В этом две стороны того мудрого патриотизма, который необходим стране“.

Привожу эту цитату, чтобы подчеркнуть: моя публикация в „советской газете“ – сознательный шаг, а не политическое недомыслие, как кажется моим друзьям.

– Сотрудничать с РС Назарову „стало стыдно“, но не стыдно ли печататься в почвеннических изданиях, где процветает национал-большевизм, т. е. восхваление Ленина, „социалистического“ Отечества и т. п.? (Вопрос московского литератора, сотрудничающего с РС).

Контрвопрос: а напечатали бы мой материал «Огонёк» или «Аргументы и факты»? (Последние в № 45/1987 писали обо мне как о „беспринципной и бесчестной“ личности, полагая, что патриотом своей страны можно быть только по указке либо КПСС, либо ЦРУ). И нет ли на западническом фланге сходного **„интернационал-большевизма“** – в статьях М. Шатрова, Р. Медведева, Т. Ивановой? Такова вся советская печать. Вообще, когда не

имеешь своего органа печати, остаётся лишь везде писать то, что думаешь. Но если уж быть принципиальным, то более строгие требования следует предъявлять тем редакциям, которые существуют в условиях свободы, а не тем, которые вынуждены соблюдать „правила игры“ в ещё несвободной стране. И лучше судить о них по стратегическому замыслу, а не по тактике.

Где-то национал-большевизм процветает, где-то нет. Но в любом случае это – **противоестественный** союз почвенничества с коммунистической идеологией. Он нежизнеспособен и может существовать лишь по вынужденной необходимости с обеих сторон. Автор РС А. Стреляный назвал „русский национализм... последним тайным оружием русского коммунизма“ (3. 1. 90) – но так было при Сталине. Думаю, в сегодняшнее смутное время для кого-то возможна обратная зависимость: структура существующей власти – как стабилизирующее тактическое оружие в руках русского национализма. Об этом писал в «Вече» № 35 В. Карпец, которого в национал-большевизме упрекнуть нельзя. Для почвенников этот „союз“ оправдан тем, что они в наступлении, а не марксизм, который себя исчерпал, почему и партия сегодня уже несколько другая.

Правда, это оружие в конечном счёте негодное, ибо стабилизирует оно „подмораживанием“, не решая проблем. Это даёт западникам повод отождествлять почвенников с противниками реформ. Это способствует отождествлению коммунистического режима с русскими, поощряя русофобию и центробежные тенденции в национальном вопросе. На этом почвенники теряют союзников, поэтому им надо как можно скорее обходиться без компартии – иначе нарастающее нетерпение общества, на волне которого идут к власти западники, перечеркнёт все стабилизирующие расчёты.

Гипотеза Карпеца работала бы, если бы в обществе не было других сил и если бы партия действительно отказалась от идеологии: но он сам сознаёт, что это было бы для неё и отказом от легитимации власти, на что она пойти не может. Для партии эта задача была бы выпол-

нима через наполнение социалистической терминологии иным содержанием, перенесение легитимации на линию Советов и через личное покаяние лидеров (см. мою статью „Задача для сталкера: перестройка“, «Выбор» № 8 и «Вестник РХД» №157), но шансы на это падают вместе с падением авторитета партии. Более национальным стабилизатором теоретически могла бы быть армия, но ей лучше перенимать власть заблаговременно и предлагать конструктивный союз благодарному обществу, чем запоздало вступать в борьбу с общественным разложением и хаосом.

Сейчас почвенники заняты прорастанием через „полумертвую идеологию“ (как её назвал В. Распутин) и через старые структуры власти. Ради этого некоторые компромиссы оправданы. Другое дело – какие, и везде ли они необходимы, ведь уже за язык никто не тянет, а о „**социалистическом** Отечестве“ всё ещё приходится читать... Лишь отмежевание от коммунистической терминологии способно придать почвенникам собственный стабилизирующий авторитет.

Однако нас беспокоят в этом противоестественном сочетании разные стороны: мне не нравится „полумертвая“ составляющая, а моим оппонентам на РС больше не нравится национальная, жизненная. Сравнивая недостатки почвеннической печати и РС, это следует учесть прежде всего. В объединении всего живого ради освобождения и сохранения России в наши труднейшие времена я и вижу смысл консолидации русских сил.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на Австралию и Новую Зеландию

ALMANAC «VECHE»

**P. O. Box 312, Moonee-Ponds, 3039.
Vic, Australia.**

Tel. (03) 337-6880

**Просьба оформлять подписку на «Вече»
для Австралии и Новой Зеландии
через Генеральное Представительство.**

**Стоимость подписки на 1 год
(«Вече» и «Литературное приложение»)
40 американских долларов**

**Доплата за пересылку
воздушной почтой 14 ам. долларов.**

**Цена одного номера «Вече» с
«Литературным приложением» 12 ам. долл.**

**Желающие могут получить по почте
от Генерального Представительства
бесплатно пробный номер «Вече»**

Д. Балашов

Россия на перепутье

Мысленно озирая наше, почти уже прошедшее столетие, со всеми переполнившими его ужасами и потрясениями, изумляешься прежде всего видимой бессмыслице совершаемого. Ни экономика, ни политика, ни, даже, амбиции правителей (ибо правители отнюдь не подвластны в деяниях своих!) не могут объяснить нам смысла и цели происходящих трагедий.

Германии, например, совсем не требовалось воевать с Россией уже в первую мировую войну. Экономические интересы склоняли её к мирным и торговым отношениям с восточным соседом, а война на два фронта по точному предсказанию Бисмарка, оказалась для кайзеровской Германии роковой.

Еще меньше смысла (я говорю об экономических поводах) имела вторая мировая война. При современном характере экономических отношений развитых стран иметь колонии, держать колониальную администрацию, оккупационную армию, ничего не получая взамен, – слишком разорительно. Массовое освобождение стран третьего мира от колониальной зависимости, произошедшее на наших глазах в середине XX века, имеет под собой, кроме идеологических оснований, здоровую экономическую причину: только с самостоятельным госу-

дарством возможна торговля, т. е. сбыт производимых товаров! Поэтому нацистская идея завоевания России Германией с самого начала была экономической нелепостью. Была и нелепостью политической: вместо поставщика стратегического сырья и продовольствия Германия получила на восточном фронте мощного противника и проиграла вторую мировую войну по-существу уже 22 июня 1941 года.

Нельзя сказать также, что политические позиции сталинского руководства и гитлеровского рейха так уж были непримиримы. Увы! Сталин с Молотовым, как выясняется сейчас, искали не войны, а прочного союза с гитлеровской Германией, с последующим разделом сфер влияния. Наконец, даже становясь на фантастическое (и глубоко ненаучное) учение нацистов об арийских и неарийских народах, нельзя не заметить, что „ариец“ Гитлер, напав на народ той же арийской группы, даже по своей собственной „теории“ подписал себе смертный приговор.

Заметим, кстати, что именно разгром в войне, с последующим запрещением держать армию, то-есть даром и попусту переводить деньги на оружие, привёл к экономическому чуду: стремительному подъёму Японии и ФРГ (пусть это не единственная причина, но одна из самых серьёзных). Но тогда – в чём же дело? Горы трупов, Освенцим, Майданек, Дахау, массовые убийства женщин и детей, убийства, после которых никакое примирение, никакой „средний“ мир, естественно, оказался невозможен... Зачем?!

Ещё страшнее (много страшнее!) и непонятнее то, что происходит в России.

Кровавая революция (начавшаяся как бескровная), массовая эмиграция культурных сил. После короткого периода нэпа кошмарные по жестокости 1930-е годы, коллективизация, а проще – уничтожение русских крестьян (да и не только русских! Пало на всех, и теперь аукается то, что было сотворено ещё полвека назад). Цифры: сорок миллионов расстрелянных и замученных, от пятнадцати до тридцати миллионов выморенных голодом, не уклады-

ваются ни в какое воображение, превращаются в какой-то дробный стук по барабанным перепонкам. Так же, как двадцатипятилетние лагерные сроки, так же как последующее, при Брежневе, уничтожение „неперспективных“ деревень и прочее. Легко объяснять всё это злой волей партии или тов. Сталина (последнее особенно модно), или, ещё, еврейским заговором, и для каждого из этих предположений мы найдем убедительные доводы, ну, например, в том несомненном факте, что практически всё руководство страны в 1930-е годы было еврейским. Но... Объясняет ли это бесчеловечное поведение русской лагерной охраны? Приказы какого-нибудь Фрадкина никак не объясняют поведение крестьян, с упоением раскулачивающих друг друга, а на совести нашего служилого сословия, нашей интеллигенции безоглядное воспевание сталинского режима и те семнадцать миллионов доносов друг на друга, та упорная ненависть к соплеменникам, к своим братьям во Христе... Да ведь и храмы ломали, пусть и по приказу, те же русичи! Какое уж тут братство во Христе! Да и нелепо думать, что люди будут исполнять подобные приказы, ежели сами того не захотят! Нет, и так мы ничего не объясним, как не объясним, не поймём ни наших кровавых пятилеток, ни неистового созидания тяжелой промышленности, кончившегося тем, что страна превратилась в полуколонию, вывозящую необработанный сырьё (сырую нефть, газ, круглый лес, хлопок, руду) в нищую, воистину лапотную страну!

Можно ли экономически объяснить работу Минводхоза? В планах которого изначально заложены расходы, превышающие доходы? А по фактическому состоянию: – залита водою территория Франции, гибнет Поволжье, уничтожена рыба, гибнут леса, пашни, открыта дорога северным ветрам, с поворотом северных рек тундра приблизится к широте Москвы и северной Украины, и т. д., – вся работа этой организации чистое экономическое преступление, превратившееся в национальную трагедию! Можно ли объяснить хоть какими экономическими обстоятельствами, что мы упорно роём и роём новые каналы,

перегораживаем всё новые и новые реки, тратя ежегодно, при нашей-то нищете, на всё это двенадцать-четырнадцать миллиардов рублей (а фактически много больше)?

Можно ли хоть какой, самой бредовой экономикой объяснить работу мелиораторов, упорно осушающих болота – резерв питьевой воды, абсолютно необходимые для равновесия климата восточной Европы, гарантию против засух, – сводящих леса и превращающих землю в пустыню?

Можно ли объяснить хотя бы какими-то, пусть иллюзорно здоровыми причинами яростное строительство заводов химических удобрений? Страна уже вся отравлена нитратами, болеют и дети, и взрослые, никакого толку для урожая нет. Что это?

Как, наконец, экономически изъяснить столь же неистовое возведение атомных станций в местах наибольшего скопления русского населения? (Плановый доход от них пока не превышает четырех-шести миллиардов, а расход, не считая человеческих жизней, по одному Чернобылю перешагнул за семнадцать миллиардов рублей).

А свино- и ското-комплексы, которых не строит ни одна страна мира? А фреон в наших холодильниках, который упорно, в приказном порядке запрещают заменять пропаном, ибо пропан дешевле и, главное, не разрушает озонового слоя! То есть главная задача соответствующего министерства видится в уничтожении озонового слоя с последующей гибелью страны!

А все эти лишние миллионы тонн стали, ненужные станки, скверные механизмы, созданные по отсталой технологии, упорная гонка строительства предприятий тяжелой промышленности? И что это за тяжелая промышленность, ежели страна вывозит сырьё, а ввозить должна всё на свете, начиная от продовольствия и кончая станками и медицинским оборудованием? У нас комбайнов в двенадцать раз больше, чем в Америке. На что они нам, ежели хлеб мы всё равно покупаем в тех же Штатах?

Реальный смысл всего этого только один: настойчивое стремление к самоуничтожению. Всё делается для-ради

самоубийства: нации, земли, иных народов, в пределе – всей планеты. Ради этого трудимся, голодаем, несём неисчислимые жертвы, ибо иного смысла во всех наших действиях просто нет. И ежели этот смысл, так сказать, несознательный, подсознательный, ежели всё это итог роевого, беспорядочного, диффузного кишения многих волей, тем хуже, и тем страшнее. Ибо осознанное можно критически рассмотреть, передумать и переделать, а вот инстинктивное, импульсивное, бессознательное стремление к гибели логикой не остановить. Да и не действует на нас в этом случае логика! Ведь рабочие, два-три миллиона человек, что роют каналы для Минводхоза, не бастуют, не отказываются их рыть! Ведь мелиораторы (я – о рядовых) и думать не думают, и голова у них не болит: – „Мне бы платили поболее!“ – Ведь отравляясь, болея, зная чем они занимаются, рабочие всё-таки, не уходят с химических заводов! И это в стране, где принципиально отсутствует безработица! И на начальство тут не стоит валить! Начальство, ежели рабочий не захочет чего, сразу и думать начнёт, и вообще поумнеет. Примеры тому неисчислимы.

А потому спросим себя: в чём же всё-таки, главная причина всего этого? И не удивимся древнему, как мир, ответу: в ненависти. Без дьявола, без силы зла, объявшей современный мир, здесь ничего нельзя объяснить.

Но что такое сила зла? Хрестоматийный черт с хвостом и рогами, которого, во всех сказках, обманывает бывалый солдат? Гордый падший ангел, коего создал, а потом отринул Господь? Конечно, нет! Сила зла – это активная пустота, активное „ничто“, несозданная, а потому неподвластная Богу, которая стремится к уничтожению материи, т. е. божественного тварного мира.

Но поскольку мир до сих пор не погиб (пусть и с помощью Спасителя, пришедшего в мир), зло принципиально побеждаемо, но его нельзя победить единожды и навсегда, как нельзя уничтожить пустоту. Зло надо побеждать всегда, непрестанно. Жизнь и добро требуют непрестанных усилий для своего утверждения. Непрес-

танной работы духа, непрерывного творческого напряжения, постоянной энергии действия.

Атеистическая система рассматривает человека как высшее, единственно мыслящее существо во вселенной, которому уже по одному этому всё позволено, и всё в природе существует для него. Но тогда и начинается уничтожение окружающей среды, („не нужно ждать милости от природы, надо взять!“ и: „на наш век хватит!“), а с тем и лукавые идеи о том, что человек бессилен, мол: „экономика диктует“, хотя, как уже сказано выше, никакая экономика не может диктовать самоуничтожения!

Это было и раньше. Человек, приходящий к атеистическому самоутверждению, разрушал природную среду и погибал. Все пустыни, имеющиеся на земле, рукотворны. Но тогда это были местами, пятнами. Теперь же ситуация такова, что погибнуть должен весь земной шар.

Религию нельзя рассматривать как автоматический путь спасения. Человек может и религиозную идею переделать по своему подобию, что бывало весьма часто. Но, во всяком случае, утверждение того, что человек не создатель, а создание, сразу ставит нас в рамки морально-этической ответственности. Человек **не должен** уничтожать, созданный Создателем мир. Он должен думать о **воздаянии**. Он должен **возлюбить ближнего своего**.

Сказать, однако, надо следующее, чего не понимают даже многие, прибегающие к религии, в чаянии, что Господь их спасёт. Господь наделил человека свободной волей. Что это значит?

Что Господь добровольно ограничил Себя: Он уже не может исправить сам то зло, которое творят люди, ибо иначе Он нарушил бы данную Им человечеству свободу волеизъявления.

Это значит также, что зло и добро, гибель и спасение, мы создаём сами, своими руками. Мы построили Чернобыль (совершенно ненужный нам, кстати) он и взорвался. Мы строим какой-нибудь завод „Азот“, и травимся. И не надо лукаво заявлять: „Что же я могу сде-

лать-то?“ Построить мог!? А разрушить должен Господь Бог? Так мы будем делать гадости, служить дьяволу, уничтожать видимый мир, а Бог – исправлять? Сама мысль о подобном „разделении труда“ недостойна и должна быть отринута. Нет, увы! Погибель мы творим себе сами, и наказание за грехи воспоследует в виде нашей гибели от той же химии, мелиорации, „мирного атома“ и прочего.

(Пишу и думаю: опять логика! Но иногда можно и от логики придти к чувству. От осознания, скажем, гибельности действий Минводхоза к ощущению беды и от него к действию: – не буду работать на этой работе! Хотя бы и так!)

Объяснял я одной женщине про разрушение озонового слоя фрионами, а она: „Как же я без холодильника?“ То есть погибну, но с холодильником в обнимку. А оказывается, фреон можно заменить пропаном, что и безвредно и втрое дешевле. То есть безвыходности гибели нет, вопрос лишь в том, в какую сторону работает голова! Проблема мусора, к примеру. Куда его девать? А ведь в старой деревне свалки не было вовсе, всё шло в дело и на перегной. И, может быть, все-то проблемы – это полная утилизация отходов и свалок не будет вовсе, а следовательно и проблема отпадает, а те же стекольные заводы начнут работать в основном на переплавленном стекле. (Всё не так просто? Да, разумеется! Но я не инженер, и я знаю одно: свалок промышленных отходов на земле не должно быть!).

А энергия, которую мы добываем, истребляя в считанные годы запасы того, что вселенная готовила сотни миллионов лет? Законом должно стать правило: человек не имеет права брать у природы больше того, что она способна воспроизвести за тот же период времени. В нашем прошлом, прошлом всего человечества когда люди жили гораздо более экономно, перепроизводства товаров не было вовсе, а избыток богатств тратился на созидание красоты и духовных ценностей, которые сейчас стали объектом преклонения сотен миллионов туристов,

осознающих духовный вакуум своего „устроенного“ и сытого общества, ибо от переизбытка можно погибнуть столь же легко, как и от недостатка.

И пусть не подумает читатель, что призыв к экономии есть призыв к бедности. В те же Средние века люди ели более калорийную и более свежую пищу. Удивительно даже, как при ручном производстве, хватало у них одежды и утвари. Но хватало всегда в обрез: одежду чинили, передавали друг другу, донашивали до предела. Наряды, в самом деле богатые, отделанные золотом, серебром и жемчугом, тщательно береглись, хранились и передавались по целым столетиям. Любое изделие прежде всего оценивалось по прочности изготовления и долготе срока годности, что тоже способствовало экономии. Жизнь была гораздо более регламентирована, но зато на праздники не скупилась никогда. Не скупилась, возводя соборы, создавая замечательную храмовую утварь и живопись. Не скупилась, отделывая узором каждую бытовую вещь.

Вряд ли многое из производимого в современном мире действительно так уж необходимо! Но, во всяком случае, надобно как можно скорее отказаться от источников энергии, подрывающих равновесие природной среды (уголь, нефть, атомная энергия) и перейти к поискам и использованию источников практически неиссякаемых и безвредных (ветер, солнце, может быть термальное тепло и т. д.). Полезно также в бóльшей мере использовать мускульную энергию своих рук. Но, главное, человечество должно обратить внимание на свое духовное здоровье.

Естественно, скажем, за работою мелиораторов в СССР или „поворотом северных рек“ лежит пренебрежение, даже ненависть к природе России. Нет любви! Естественно, за доносами, коллективизацией, сселением деревень и проч., за завистью к труженнику обнаруживается ненависть друг к другу. А любить – не прикажешь!

Даже, ежели бы при Сталине был издан приказ, запрещающий доноительство и обязывающий граждан любить друг друга, в ответ хлынула бы волна доносов на

тех, кто не любит ближнего своего и кто пишет доносы... То есть тут, в самых важных основах человеческой жизни власть абсолютно бессильна. В Древнем Риме, когда шли гонения на христиан, императорской власти, кажется при Адриане, пришлось издать указ, запрещающий принимать доносы на христиан, ежели христианин сам не подтвердит доноса на себя, то есть добровольно не признается. Диковинный этот указ был вызван тем, что римские граждане-язычники, (поскольку доносчик получал часть имущества жертвы) готовы были все друг друга овиноватить, и их уже надо было спасать от взаимного истребления.

Да, разумеется, никакие реформы в СССР не пройдут и не получатся, и страна погибнет, ежели, во-первых, не будет возвращена земля крестьянам. Подчеркиваю, **не дана, а возвращена**, ибо была отобрана в 1930 году. Это не значит, что надо разгонять колхозы, как утверждают сейчас противники земельной реформы. Надо сделать земельный кадастр, установить единый налог на землю и уравнивать в правах все виды владений и владельцев земли, отменив командно-административную систему управления колхозами, а поставки оформлять в виде контрактов, как с колхозами, так и с частными владельцами, и контракт должен быть выгоден владельцу земли.

При этом, я думаю, цены на сельхозпродукты надо установить те, которые сейчас сложились на рынке, а чтобы не пострадал потребитель, одновременно повысить на ту же сумму все виды зарплат, как это было сделано когда-то после войны („хлебная надбавка“). В дальнейшем утвердятся нормальные рыночные отношения, причем рентабельные колхозы, получив свободу рыночных отношений, расцветут, а нерентабельные, лишенные государственных дотаций, исчезнут, уступив место фермерским хозяйствам. А фермеры, в свою очередь, создадут сеть разнообразных кооперативов (о чём писал Ленин в статье о кооперации!). Можно даже сказать, какие колхозы будут безусловно сохранены. Колхозы, где управление передано в руки труженников, а вся управленческая система находится на жаловании у крестьян (подобный

опыт предложен в Дагестане). Колхозы, где, по-сути, – как у знаменитого председателя из Чувашии Айдака, земля роздана в индивидуальное владение, канцелярии нет вовсе, а всё хозяйство является тесно сращённым землячеством. Наконец, и те колхозы, где крупное хозяйство капиталистического типа, а оплата колхозников – это, по-существу, зарплата наёмных рабочих, уровень которой, однако, зависит от успешной работы колхоза в целом. Все подобные хозяйства требуют, как минимум, грамотного и знающего руководителя, который в свою очередь, являясь выборным лицом, подотчётен своим колхозникам. Во всех этих типах хозяйства число управленцев сведено к жёсткому и в самом деле необходимому минимуму.

Но на огромных пространствах русского Севера, Сибири, да, и в значительной степени, и центра страны и географически, и исторически, и экологически требуется маленькое, защищённое и огороженное лесом и болотами хозяйство, т. е. хозяйство фермерское. Так было, и так должно быть. (Добавим, что в России исторически была принята форма наследственного „держания“ земли, а не полного владения, т. е. нельзя было спекулировать землёю. Повидимому, это оптимальный вариант формы землепользования, во всяком случае для нас).

Появившийся владелец земли, избавленный от принудительных поставок и принуд-снабжения потребует себе и технику ту, которая ему нужна. И заводы сельхозмашиностроения обязаны будут тоже перестроить свою работу или разориться. Потянется целая цепочка реальных хозяйственных зависимостей. Заработает рынок, и это при том, что ни на производстве, ни в деревне не будет, по сути, капиталистической формы отношений! Ибо, выборный председатель не капиталист, как и директор завода, посаженный на хозрасчётную систему отношений и получающую зарплату. (Директорская зарплата, как и зарплата инженеров и рабочих должна зависеть от прибыли и – без верхнего потолка!) и надо отменить налог на высокие зарплаты, ибо зарплата – это плата за труд, и наказывать

человека за то, что он хорошо работает, неразумно.

Продолжать можно бы долго, но вот вопрос: что мешает этому? Что мешает отдать землю крестьянам? Что, по-сути, мешает хозрасчёту? Почему душат частных арендаторов?

Ответ прост – зависть. Никто не спрашивает о чужой работе, всех интересуют чужие заработки. Нет гордости тем, что, вот де, наш такой-то Петр Иванович обогнал всех, и при отличном качестве зарабатывает в десять раз больше. Вот, человек! Знай наших! Не погибла Россия! и т. д. Нет! Сразу будут говорить: – Вот буржуй, капиталист, всё ему мало! Ишь, хапуга! В десять раз больше получает! Почему не запретят? Надо ограничить! Как будто Петр Иванович, виноватый лишь в том, что увеличивает общее богатство страны, кого-то ограбил!

Очень легко доказать, однако, что иметь Петра Ивановича нам выгоднее, чем десять бездельников; их кормить-одевать всё равно надо! И Петр Иванович не износит десять пар обуви, и не съест вдесятеро! Более того, он станет примером остальным, за ним потянутся. Расходы на одного Петра Ивановича всё равно меньше, а деньги свои он употребит уже не на прямое воспроизводство себя (еда, питьё, одежда) а, скажем, на культурные блага: купит картину хорошего художника, выстроит дом, заведёт машину, поедет в отпуск с семьей куда-нибудь в горы. Во всех этих случаях его труд, его деньги будут обмениваться на труд других людей. Купив картину, он оплатит работу художника, выстроив дом даст работу строительным рабочим и т. д. И всё это будет не за счёт воровства, не за государственный счёт и не из распределителя, а в обмен на то, **что** Петр Иванович создал, произвёл в десять раз больше продукции, нужной народу...

Но всё это нехитрое, в общем, рассуждение повисает в воздухе, разбиваясь о взаимное нелюбие, о требование уравниловки в доходах, невзирая на трудовые усилия. А уравнилельный принцип является в мозгах ленивого и злобного человека, для которого само наличие успешного

человека уже досадно, оправданием собственной никчемности.

Конечно, человека можно поставить в такие условия, что он поневоле возненавидит ближнего своего, и набор этих условий нехитр. Коммунальная квартира, например, это первая школа взаимной ненависти. И не надо говорить о трудностях с жильём! В России до революции каждая семья имела отдельный дом. Сколько надо было поломать, сжечь, разрушить жилья, согнать с мест, переселить миллионов людей, чтобы добиться современной жилищной тесноты! А ликвидировать её, эту тесноту, можно в короткий срок, причём не по нашим нормам – 7-9 кв. м. на человека, а по человеческим, т. е. ок. 25 кв. м. на человека как минимум. В любом случае семье требуется отдельная квартира, (лучше дом) и ежели это можно в плотно заселённой Германии, то уж в России и подавно! Надо лишь признать частную собственность на жильё и перестать ломать, уничтожать частный жилой фонд. А на первых порах, все те строительные материалы (кирпичи, цемент и проч.) что идут на долгострои по группе А, бросить на строительство жилья, и государственного и частного. Но для этого, опять же надо, чтобы руководители страны не могли, – нравственно не могли! – ни есть, ни пить, зная, что кто-то живёт в коммуналках.

Опять же, дать землю крестьянину, это значит стимулировать отток населения из городов в сельскую местность, что поможет решению жилищной проблемы в городах.

Опять в основе главное требование: земля крестьянам! Опять по дороге: ненависть и зависть. Вместо дружной работы по ликвидации жилищного кризиса стремление урвать, получить вне очереди и т. д. Нет соборности мышления, нет единой воли, нет понятия „брат твой во Христе“, нет ощущения нетерпимости существующего положения для всех. Есть „моё“ и „для меня“. Как ни странно сказать, в современных капиталистических странах этой соборности, ощущения единства общенародных интересов больше, чем у нас, в нашей социалистической стране!

Не говорю уже о том, что ежели в капиталистических странах зарплата составляет 60 - 70 % валового дохода, то у нас - 30 %, и, значит, уровень эксплуатации труженика в СССР по крайней мере вдвое выше, чем на западе. Как это увязывается с тезисом „государства трудящихся“, я думаю, и наши марксисты правдоподобно объяснить не смогут...

Даже без минводхозовских и атомных затей наши прямые потери товаров народного потребления и продуктов продовольствия на складах переплеснули за 600 миллиардов рублей в год. (Гибнет до 60 % собранных овощей, до 80 % фруктов, до 25 % мяса и т.д.). Так можем ли мы сейчас, на имеющемся у нас, увы, невысоком техническом уровне существенно и быстро поднять прожиточный уровень? Оказывается можем! И мешает тому опять же не экономика, а упорное нежелание правящего аппарата обратиться к нуждам народа, упорное создание инфляции, перекачка средств во вредные, ненадобные народу производства, упорное и намеренное техническое отставание. Подчеркиваю, **намеренное**. Способ разлива стали, экономящий от 20 до 40 % чугуна и угля, изобретён у нас, а введён - на Западе. Озонатор Емельянова, способный очистить нашу атмосферу, уже двадцать лет не вводится в дело, страна потеряла на этом 100 - 200 млрд. рублей, и не видеть в этом намеренного, злого умысла просто нельзя!

Все споры о „чистоте марксистских идей“, о надобности противостоять кому-то, по сути своей беспредметны. „Плановая“ система марксистской экономики провалилась, и не провалиться не могла, ибо вне стихии рыночных отношений невозможен учёт той самой прибавочной стоимости, на которой Маркс строит всю свою экономическую теорию. Что мешает нам, ради блага народа, от неё отказаться? Наш партийно-бюрократический аппарат? Но что мешает нам, ради того же блага, избавиться и от этого аппарата, и от этих идей, переменивши их на единственно разумные - национальные? Ничто,

кроме взаимной зависти, да боязни, что кто-то там тогда станет работать лучше и заработает больше, чем я. Не призываю сейчас к новой классовой ненависти! Это был бы марксизм наоборот. Но опомниться надо нам всем. А зло деющим – покаяться, передумать свои поступки, и ту систему идей, которую они создали, и которая губит страну, автоматически приводя к застою и разрухе.

Предприятиям у нас невыгодно вводить новую технику. Почему? Потому, что за ввод нового предприятие не получит никакой выгоды, а изобретателю надо платить невесту из каких фондов. Но ведь эту нелепость, длящуюся десятилетиями, можно исправить в три минуты единым росчерком пера, позволив предприятиям со всякой экономии, со всякого нововведения получать гарантированную прибыль, и из этой же прибыли организовать фонд оплаты изобретателей (опять же по уровню фактической прибыльности изобретения), и мы сразу обгоним Японию, ибо японцы и сейчас охотятся за нашими изобретениями. Почему же столь ясная и простая, чисто экономическая идея не воплощена в жизнь? Опять же в основе – зависть: Тогда, мол, на одних предприятиях будут больше получать, чем на других! А тогда, мол, какие-то там изобретатели обогатятся!

И лучше не дать ходу, лучше отставать, переплачивать, покупать за рубежом, но лишь бы отличный работник Петр Иванович получал не больше Ваньки, пьяницы и разгильдяя, которому „по среднему“ выводят то же, что получает Петр Иванович за каторжный труд, и при этом в цехе Петров Ивановичей трое, а Ванек – семнадцать, и план тянут трое, а семнадцать живут за их счёт!

– Куда их девать? – вопрошает сердобольный чиновник-марксист (сам будучи тунеядцем, он и прочих тунеядцев любит нежною любовью). Девать есть куда! Надо разгородить реки, слить моря, заново возделать землю, засадить лесами весь русский Север, Дальний Восток и Сибирь, очистить от топляков русла рек, провести нормальные дороги и т. д. Нам нужны школы хорошо оснащённые, где будет пятнадцать человек в классе, а не

сорок пять, нужны микро-ясли и микро-сады на пять-шесть детей. На всё это можно занять нашу частично безработную интеллигенцию и томящихся без работы пенсионеров. Нам нужны действительное благоустройство и „сервис“ (русских слов для внимательного и доброго обслуживания уже не осталось!).

На всё это нужны миллионы рабочих рук, так что и Ванька, выкинутый с работы за безделье, протрезвевший и поумневший с голоду, без работы не останется. Опять всё просто, но... Надобно полюбить труд и полюбить труженика, научиться гордиться Петром Ивановичем, а не Ванькой с его лихими запоями. И мы опять неотвратно, приходим к тому, что в основе современного кризиса лежат не трудности материального порядка – искусственно созданные и легко устранимые – а кризис духовный. Что не денег, не хлеба не хватает нам, – не хватает любви!

И за грозными вспышками межнациональных конфликтов стоит то же самое – ненависть. Почему, например, работающие и патриотически настроенные немцы Поволжья, во время войны с Германией отстаивавшие свою русскую родину, давшие нашей науке и культуре целый ряд выдающихся людей, оказались самыми гонимыми у нас в стране, ибо когда и другие, выселенные Сталиным народы, возвратились на свою землю, республика немцев Поволжья всё ещё не была восстановлена? Что, кроме ненависти, – глупой, трусливой, не в ту сторону направленной, – ибо обвинять немцев Поволжья в том, что творили нацисты невозможно никак, – что, кроме ненависти, повторю, иррациональной, неоправданной, тому причиною?

Всякое совершенное зло требует исправления. Немцам Поволжья надо безусловно вернуть их земли и их правовой статус. Это надо для России, для её морального оздоровления.

Почему, по какой причине азербайджанцы, с одной стороны, не хотят давать армянам Карабаха соединиться с Арменией, а, с другой стороны, тех же армян хотят унич-

тожить? Никаких разумных оснований кроме ненависти тут нет. Ибо угнетение другого народа никогда не дает никакой выгоды труженнику народа-угнетателя, прямо наоборот. Зачем же азербайджанский Народный фронт поддерживает амбиции немногочисленной верхушки? Надеются, истребив армян, захватить эту землю? Но тогда вопрос: а, значит, те, кто, в свою очередь, захотят истребить азербайджанцев и захватить их землю, тоже будут правы? И где предел? И кто выиграет от этой вакханалии истребления?

Разумеется, за взрывом ненависти среди мусульманских народов СССР стоят свои причины экономического и политического, да и религиозного, характера. Но кто и когда доказал, что эти проблемы разрешимы взаимной резней? Мы в гораздо большей степени нужны друг другу. Стоит вспомнить, что Россия никогда не была до революции „тюрьмой народов“, это ложь. Были у нас единые для всех законы, равная оплата за равный труд, уважение к любой религии, в Петербурге имелись храмы всех вероисповеданий, и никаких религиозных, т. е. национальных преследований Россия в сущности не знала. Сверх того, процентная норма обеспечивала всем народам право на занятие соответствующего числа мест в высшем образовании, а, следовательно, и в высшем эшелоне власти. И началось это не вчера. Уже после взятия Казани татары были уравнены в правах с русскими, ханы стали князьями, беки – дворянами. Татаро-монгольского происхождения треть наших дворянских фамилий. И, скажем, современным татарским националистам стоило бы вспомнить вельможу Юсупова, создателя Эрмитажа, которому Пушкин посвятил одно из лучших своих стихотворений („К вельможе“), или Анну Ахматову, а украинским националистам стоило бы задуматься над творческой личностью Гоголя, прежде чем резать на куски, по живому, единый суперэтнический организм, единое целое, состоящее из ряда национальных культур, которое называлось Великой Россией.

Повторю: единство народов нашей страны создано не

вчера, и меньше всего может быть объяснено чистым завоеванием. **Во всех случаях чистого завоевания создающийся конгломерат нежизнеспособен** и разваливается почти всегда со смертью завоевателя, как империя Александра Македонского.

Но что стало поперёк дружбы народов нашей страны? Плохо всем. И самое удивительное, что в этом „плохо“ никто не выигрывает. Ибо русским хуже всего и экономически, и политически. Но и Узбекистан стонет от монокультуры хлопка, но и во всех других республиках хозяйство падает год от году. Каким таким чудовищным образом сумела наша власть ограбить всех, никого решительно, не наградив? Ответ: развалом хозяйства, прямым уничтожением земли, её богатств, прямым запрещением трудиться, искусственным созданием жилищной тесноты и безземелья (тоже искусственного, особенно для России!). Где и когда наступит этому конец?

Ненависть. Зло. Активная пустота, засасывающая и уничтожающая материальную субстанцию мира. Обращение в ничто природы, плодов труда, духовных традиций и самой жизни человеческой – вот что происходит в нашей стране, вот чем больны мы, вот почему, поддавшись теории всевластия каких-то там „экономических законов“ мы перестали активно противостоять злу. Вот от чего мы гибнем и погибаем, ежели не найдём в себе силы для нового духовного возрождения.

Нельзя сказать, что масса граждан не чувствует этого духовного вакуума. Судорожные метания то в йогу, то в буддизм, то к оккультным наукам, то к теософии показывают, что общество ошупью ищет потерянный духовный стержень. Но и то явлено, что есть начала зла, изо всех сил старающиеся не допустить просветления, подсовывающие обществу обман за обманом (вспомним: „Отец ваш дьявол, он отец лжи и в правде не состоит, ежели глаголет, то лжу глаголет“). Более двадцати лет тормозится издание трудов Л. Н. Гумилева, который, наконец, показал, что человечество состоит закономерно, в силу

экологических различий, из ряда этносов, что только в этом многообразии и заключена возможность жизни человечества в целом, что, следовательно, все попытки интеграции (с космополитических или с расистских позиций, всё равно, ибо оба эти направления, по-сути, две стороны одной и той же исходной идеи). Все попытки подобного сорта нелепы, несостоятельны экономически и смертельны для человечества в целом. Дружба наций проистекает не из единообразия, а, наоборот, из неповторимости, национальной исключительности и, следовательно, абсолютной ценности каждой культуры, каждого этноса. Кому мешала теория, призывающая к дружбе наций и к сохранению их национальных культур? У кого и ныне вызывает упорный гнев всякое указание на гуманистический характер русской культуры, на доброту, как основу национального характера русского человека? (Доброту, послужившую основой лёгкой сживаемости с другими народами). Кто изо всех сил насаждает в СССР рок-ансамбли и прочую западную „массовую культуру“? Кому, наконец, так мешает современное русское религиозное возрождение?

Но, несмотря на все препоны, возрождение идёт. В пять-десять раз увеличилось число крещений, крестятся и взрослые, не получившие святого крещения при рождении своём. Значительно увеличилось число венчаний. Радоваться пока особенно нечему. При Хрущеве, из имеющихся тогда 60 тыс. храмов было закрыто 40 тысяч, а сейчас открыто чуть более пяти тысяч, т. е. даже тот уровень насыщения церквями, который был до Хрущева, еще далеко не достигнут. Сравниваю немецкий город Фрайбург, где на 170 тыс. жителей около сорока храмов, при этом сами немцы говорят, что верующих всего 18 %, что сытая жизнь вызывает безразличие к вере и т. д. В Новгороде, одном из центров создания Руси, где Церковь должна была иметь очень сильные и древние позиции, на 220 тыс. жителей одна церковь, а ныне, с трудами великими, открыта вторая, и восстановлен один монастырь из множества, имевшихся когда-то.

Пропорция, увы, не в нашу пользу. Но надеяться можно, ибо количество крещений в том же Новгороде выросло за последние три года в четыре раза. Поворот в сторону духовной культуры налицо. Однако, мало ведь просто креститься или просто венчаться! Христианская жизнь требует ежедневных, ежечасных усилий, требует „жить во Христе“, требует христианского поведения: с молитвою встать, сесть за стол, взяться за труд, не грешить, соблюдать ритм религиозных отправлений (посты, посещения церкви, исповедь и причастие) требует, наконец, непрестанной деятельной любви. Мы от всего этого ещё бесконечно далеки! И всё-таки, ежели в 1920-е – 1930-е годы шло уничтожение, сейчас, пусть медленное, наблюдается возрождение духа, а это вселяет надежду, ибо не надеясь уже нельзя жить.

Усилия требуются ото всех! Усилия требуются от деятелей Церкви – дабы готовили достойных пастырей, православно-грамотных, способных противостоять враждебному идеологическому напору.

Мы должны дружить и с католиками, и с представителями иных христианских направлений, и с мусульманами, и с буддистами. Будучи в Монголии, я оказался в юрте среди представителей ламаистского буддизма, где меня попросили рассказать о сущности христианства, после чего я был очень дружелюбно принят и понят. То духовное, гуманистическое содержание, которое коренится в каждой из великих прозелитических религий, позволяет людям стать друзьями, уважая взгляды друг друга и отнюдь не покушаясь на их изменение. Мы должны дружить, но не отдаваться в рабство. Мы не должны поступаться принципами православия, ибо это наш национальный, выстраданный путь к Богу. И для нас (подчёркиваю, для нас!) самый правильный, самый душевно-понятный и близкий. Людям и в религии не надобен космополитизм, так же, как и в строительстве культуры. Да, впрочем, разделение это чисто условно, ибо всякая истинная культура религиозна и, прибавим, национально-религиозна.

Нам надо совершить многое. Надо вернуть Церкви отобранные у нее имущества, так же как надобно вернуть землю крестьянам. Надобно избавить Церковь от дискриминационных поборов. Надобно восстановить все ведущие монастыри, которые, уверен, и ныне могут стать центрами культуры, и не обязательно только богословской. Известно, сколь много совершили представители Церкви в филологии (назовем одного нашего китаиста Иакинфа Бичурина!) и в языкознании, и в истории, и в медицине, и в той же генетике (Мендель!). Монастырь может быть и великим помощником в деле призрения старости, в деле заботы о болящих. Он может могущественно помочь советским медицинским учреждениям, задыхающимся от нашей общей болезни, от недостатка любви к больному, недостатка человеческой душевной заботы и утешения. Не говорю уже о том, что сохранение национальных традиций, исторической памяти всегда было основной заботой монастырей. Наконец, даже в хозяйственном отношении монастыри могли бы стать примером и подспорьем хозяйству страны. Во всяком случае, они способны содержать и кормить себя, и приезжающих богомольцев.

Необходимо, разумеется, чтобы главные чтимые храмы страны вновь были возвращены верующим. Очень показательно нынешнее движение за восстановление храма Христа Спасителя, которое охватило уже очень широкие круги граждан нашей страны. Люди хотят, и хотят упорно и действительно, собирая средства на восстановление храма, возродить эту, пусть недревнюю, но значительную святыню, храм-памятник, бывший в своё время, украшением Москвы. Кстати, я лично решительно протестую против всех проектов воссоздания храма где-то в ином месте, превращения его в музей и т. д. Храм должен быть воссоздан именно на том месте, где был, именно в своих старых формах; и наши художественные силы должны найти в себе таланты, дабы воссоздать росписи, сотворенные, в своё время, великими русскими художниками XIX века.

Вообще мы столь многое уничтожили и поломали, что нашей главной задачей становится не сохранение (что само собой разумеется), но воссоздание разрушенного. Разумеется, в подлинных материалах, в того же типа кирпиче, с той же скрепляющей известью, ежели надо на яйцо, так на яйцо, дабы восстановленное было не декорацией, но подлинностью. Это огромная работа! И эту работу мы должны совершить.

Я верю, жду, что Россия вновь начнёт отливать колокола наместо уничтоженных, что мы услышим возрождённые звоны, что мы будем вновь приветствовать друг друга в Прощеное воскресенье. Мне отраднo ныне видеть, как в Радуницу переполнены наши кладбища, у ограды стоят вереницы машин, на всех могилах – родственники, идёт радостная тризна. Уже не отдельные старики и старухи – целые семьи собираются тут. Люди вспомнили, что у них есть предки, люди поняли, что усопших надобно вспоминать и поминать. Всё это радостно до слёз. И очень обнадеживает возникший и растущий интерес к своему прошлому. Это я чувствую, как исторический писатель, можно сказать ежедневно.

В обществе вновь возникают вопросы, казалось бы, давно решенные. О судьбе царского семейства, преступности этого убийства, когда-то легко объясняемого военной необходимостью. О том, что возведение Павлика Морозова, донесшего на своего отца, в ранг героя, это есть величайшее нравственное зло. В середине 1960-х, как-то в один год и разом, кончилась шпиономания и политические доносы перестали восприниматься, так что и партийным органам пришлось их прекратить. Сейчас люди разыскивают могилы жертв сталинского террора, ставят памятники, служат панихиды по убиенным. Общество вновь начинает вспоминать деятелей русской Церкви, когда-то отвергнутых и проклятых, вновь поднять на щит наш национальный святой Сергей Радонежский. Медленно, сквозь все преграды, пробивается, воскресает убитое бывшее, национальное сознание, память о национальных духовных и культурных ценностях. По письмам,

которые я получаю, создаётся удивительная картина: представители направлений, когда-то принципиально враждебных, вдруг сходятся на согласном принятии патриотических начал, на едином и согласном восприятии своего прошлого, то есть нация вновь начинает обретать единство, пусть с отставанием от других народов Союза – слишком велик груз трагических ошибок нашего прошлого! Но возрождение идёт. И я верю, хочется верить, нельзя не верить – в духовное возрождение России!

Это как в пасмурный день ранней весны: ещё гнутся под ветром голые ветки деревьев, ещё брызжет дождём, ещё бегут по небу тянутой чередой лохмы сизых туч, но в пробелах хмурого неба уже ослепительно проглядывает ещё не небесная голубизна, нет, а предвестие голубизны, чистый льющий свет, и в хмурых лужах раскисших, разъезженных дорог вспыхивает отражением чуда, вестью близких радостных дней близкой весны. И ветер, сырой и холодный, уже не безнадежностью осени веет, а сумасшедством новых надежд и исканий, близящейся юностью и обещанием далёкого счастья.

От редакции.

Имя известного исторического романиста Дмитрия Михайловича Балашова знакомо читателям «Вече». В 1988 году (№ 29) здесь была помещена рецензия М. Назарова на журнальный вариант (в петрозаводском «Севере») его замечательного романа „Ветер времени“ – с пожеланием, чтобы он вышел полным изданием и достойным тиражом. В 1989-м (№ 34), под рубрикой „Проблемы России“ было опубликовано яркое и взволнованное выступление писателя на встрече русских деятелей науки и искусства в Новгороде – имевшей широкий резонанс.

Ныне, когда Д. М. Балашов находился по приглашению в Западной Германии – где он с успехом выступал перед

самой разной аудиторией, рассказывая об актуальных российских проблемах – он согласился написать статью специально для нашего альманаха, с которым уже был знаком „заочно“.

Краткие биографические данные о писателе, который в настоящее время является едва ли не ведущим мастером в жанре исторической прозы, в современной русской литературе:

Родился в Петербурге в 1927 году, в артистической семье и – после детских лет, проведенных в эвакуации в Сибири – учился в Ленинградском Театральном институте. Работал в Вологодских краях, снова в Питере, пока не поступил в аспирантуру Пушкинского дома (Институт Русской литературы), где изучал отечественный фольклор, особенно древние русские баллады, и откуда вышел первоклассным специалистом, кандидатом филологических наук. Научной работой продолжал заниматься в Карельском филиале Академии наук, опубликовав ряд статей-исследований, и в то же время начал активное участие в борьбе за спасение памятников старины, став одним из организаторов Общества охраны памятников истории и культуры.

Первая историческая повесть – „Господин Великий Новгород“ появилась в 1966 - 68 гг., сразу же обратив на себя внимание критики. За ней последовал роман „Марфа посадница“. С 1978 года Д. М. Балашов начал работать над большой серией исторических романов под общим названием „Государи Московские“. В вышедших до 1989 года книгах охвачен период от 1262 по 1375 годы. Это – продолжающие друг друга романы: „Младший сын“, „Великий стол“, „Время власти“, „Симеон Гордый“, „Ветер времени“ и „Отречение“.

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

**Независимый русский православный
национальный журнал**

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год:

1. С пересылкой простой почтой — 24 ам. долл.
2. С пересылкой воздушной почтой — 39 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам. долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на: "1000 Anniversary Committee"

Подписную плату следует посылать:

"1000 Anniversary Committee"
322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025

Нет прощения талантам

(Свидетельство очевидца)

Запад имеет много достоинств. Однако у него есть не только достоинства, но и недостатки, даже – серьёзные болезни. Одна из них – симпатии к социализму. Социализма на Западе нет, тут всё основано на священном и неприкосновенном праве частной собственности, но платонической любовью к нему заражены очень многие западноевропейцы, и излечение от этой опасной инфекции осложняется тем, что заболевшие считают себя совершенно здоровыми. Их излюбленная нескончаемая песня: это не сам социализм виноват, а русские, которые со времён татарского ига привыкли к рабству, полюбили рабство и поэтому осуществляют замечательную социалистическую идею в рабском варианте. А у нас, мол, такого не будет – мы построим „социализм с человеческим лицом“.

Конечно, окончательно вылечить таких лунатиков могли бы только пятилетки. Но пожелать их мы не можем даже самому заклятому врагу. Поэтому у нас остаётся только один путь: продолжать терпеливо вести с ними разъяснительную работу, используя для этого как логику, так и факты.

В очерке, который мы предлагаем вниманию читателей «Вече», содержатся только факты, теоретических обобщений в нём нет. Но эти факты таковы, что выводы напрашиваются сами собой.

То обстоятельство, что русская эмиграция показала себя весьма эффективной в работе и способной в обучении, известно всем. Но тех, кто приписывает русскому народу рабскую психологию, это не смущало: сбежали, дескать, самые свободолюбивые, так сказать, сливки общества. Хочется надеяться, что некоторые из западных поклонников социализма, следящие за происходящим в СССР по первоисточникам, а следовательно, читающие «Вече», ознакомятся, прочтя очерк Л. Мончинского, с тем как проявили себя у себя же на родине далеко не лучшие русские люди, стоило им только глотнуть чуть-чуть свободы, отнятой у них социализмом. Глотнув её, они сразу сделались теми гордыми и умелыми россиянами, какими всегда и были – от Крещения Руси до рокового 1917-го года.

Но реабилитация национального характера русских – лишь один аспект очерка-свидетельства очевидца. Есть и другой. Артель „Печора“, которая делала именно то, что провозгласила идеалом „Экономическая реформа“ была уничтожена в самый разгар рекламирования на весь мир этой реформы. Отсюда должно стать понятным всем, включая западных почитателей М. С. Горбачева, что „перестройка“ есть полный блеф, очередная демагогическая авантюра, каким не было числа за семьдесят лет российского пленения.

Ред.

10 декабря 1986 года. От этого никуда не денешься: они входят без спроса, без стука, слегка взволнованные, но волнение только подчёркивает их решительное настроение. Раздаётся лающая команда:

- Всем оставаться на местах!

Обыск ещё не начался, однако кто-то успел позвонить в Магадан Туманову, где он готовился выступить на совещании старателей.

Вадим Иванович вздохнул, сказал, словно извиняясь:

- Если меня не арестуют сегодня, послезавтра прилечу.

... Искали золото, наркотики, порнографию, валюту, антисоветскую литературу, оружие. Одним словом, всё, что могло стать поводом для возбуждения уголовного дела. Опытные профессионалы выворачивали наизнанку жизнь артели старателей „Печора“ на производственной базе в городе Ухта Коми АССР.

Это был хорошо спланированный, санкционированный всеми инстанциями, исполненный в лучших традициях 1937 года, налёт. Пресса и общественное мнение ждали команды, готовые обрушить святую ненависть борцов за перестройку на головы нераскаявшихся бандитов застоя. Ох, как им было необходимо чьё-то раскаяние! Потому спешили, не чувствуя разницы, рвали чемоданы и души.

Раскаянья не будет...

20 декабря 1986 года старателей соберут в столовой. Войдёт вальяжный, копирующий известного киноактёра Никиту Михалкова, следователь прокуратуры Олег Кремизной и, легко повернувшись на модных каблуках, радостно скажет:

- Обещаю вам, дорогие товарищи: большинство из тех, кто находится в первых двух рядах, будут сидеть в тюрьме. Остальных прошу высказаться по поводу их морального облика.

В первых двух рядах сидело руководство артели. Всю свою дальнейшую деятельность следственная группа Нагорнюка-Кремизного направит на раскол между руководством и рабочими артели. Однако, речь Кремизного никого не вдохновит на донос. Более того, встанет Марк

Масарский и без признаков робости возразит:

- Преступление совершаете вы. Мы – жертвы преступления. Поверьте, вам придется горько раскаиваться в содеянном.

В ответ Кремизной улыбается, тогда ему говорит Валерий Гизе:

- Вам хочется поставить нас в один ряд с такими преступниками, как министр внутренних дел Щелоков, секретарь Брежнева Бровин. Но в своё время они тоже боролись против нас. На нас вы хотите сделать себе имя? А как же совесть?!

Выступающие спокойны: знают – единственная „вина“ собравшихся состоит в том, что долгие годы они честно и хорошо работали. Чем и выделились, чем и провинились...

Особые люди – старатели, клеймённые тавром удачи в Колымских шахтах, на сумасшедших трассах хребта Джуг-Джур, Якутии, Бодайбинской тайге и тундре Коми. Всё, что есть хорошего в их мыслях и чувствах, так или иначе связано с артелью. Она была их домом, больше, чем дом – страной, где они чувствовали себя свободными людьми. Со свободными следователю Кремизному иметь дело просто не приходилось, и он оторопел. Те, кто пришёл вместе с ним громить артель, тоже растерялись. Им бы остыть, да подумать. Куда ж там! Следом – обыск на базе в Березовском. Потом ещё и ещё. Общественность с прессой подоспели точно по графику. Такое началось – вспомнить стыдно. Помню, 3 июня 1987 года мы поймали в Ухте провокатора. С участков как раз возвращались усталые люди. Они шли в сторону административного корпуса. Тут этот самый гражданин и объявился.

- За деньгами, мужики? Опоздали! Деньги начальство забрало. Все разъехались по домам.

Толпа кинулась к базе, желая выразиться. По чистой случайности на их пути оказался авторитетный старатель Сергей Барашков.

- Да вы что?! – крикнул он, узнав, в чём дело. – Кто поверил в такое, пусть пойдёт со мной в бухгалтерию!

Через минуту выяснилось – банк задержал выплату

денег. Вот и всё. Их просто хотели толкнуть на недоброе дело. Тогда послали гонцов за тем мерзавцем. Самое удивительное – поймали. Он перепугался, кричал, что является лицом официальным и требует представителей компетентных органов. Его никто не тронул. Подняли с земли и попросили:

– Уходи, козёл!

Провокатор шёл сквозь строй усталых, озабоченных чужой подлостью старателей. Он был продуктом и орудием аппарата духовного принуждения, и мог существовать только при нём. Худой посланец странного мира, где им вскорости предстояло жить, потому что артель „Печора“ была расформирована.

На заседании Ухтинского горисполкома первый секретарь горкома партии Жестарев разведёт руками:

– Раз артель не нужна Министерству цветной металлургии, мы должны её разогнать.

Вначале я ничего не понял, а потом мне стало искренне жаль первого секретаря – чуть раньше Юрий Львович с восхищением говорил:

– Вы замечательно работаете, если бы все так!

Не хочется обижать человека, хочется понять истинный образ партийного руководства, неуловимо безликий, охотно разящий того, кто уже сражен.

Партия никогда не нуждалась в личностях, ибо они могли проявиться в совершенно неожиданном качестве, разрушить или повредить конституционно закреплённый авторитет „руководящей и направляющей силы“. Она всегда была крепка исполнителями, чьими действиями могла реализовать волю культа, застоя, перестройки.

Ну, да не о том речь.

Пройдёт менее полутора лет и следовательно по особо важным делам прокуратуры Коми АССР Евгений Иванович Чигир в открытом представлении на имя министра цветной металлургии т. Дурасова В. А. напишет:

„Разве стали бы возможными беззакония, творимые вокруг артели „Печора“ и последующий террор, следствием которого явилось раскулачивание стабильного рабо-

чего коллектива, специалистов в области горного дела, экономики, работающего не один десяток лет на самых прогрессивных в стране принципах модели хозяйствования, на полном хозяйственном расчёте: самоуправлении, самостоятельности, самофинансировании. Не имея той полной самостоятельности, представленной в настоящее время „Законом о кооперации“, стреноженная путами ведомственных инструкций и рвением блюстителей порядка, тем не менее старательская артель показала ошеломляющий эффект во всех видах деятельности, будь то добыча полезных ископаемых или строительство дорог в таёжных дебрях или в болотах и вечной мерзлоте тундры. Работали с наивысшей в стране производительностью труда, в отдельных случаях перекрывали мировые стандарты, причём на самой несовершенной технике, бросовых, списанных механизмах“.

Артель, действительно, оторвалась от всей системы. Опасная повадка... Ей стреляли в спину из укрытия и по команде. Из укрытия легко убивать человека, идею, показавшийся вызывающе самостоятельным коллектив: звук остаётся на воле, стрелок ощущает только лёгкий толчок в плечо и видит немые страдания жертвы. Артель не могла говорить. Не давали. Отказался печатать материал своего корреспондента Сергея Власова журнал «Огонёк», не вышла статья Геннадия Комракова в газете «Труд», телевидение не пустило на экраны фильм о „Печоре“. Все идеологические „прорабы перестройки“ держали нос по ветру, а оттуда чем только не пахло: убийством, хищением и т. д.

Что же было на самом деле? В то время, как оборот теневой экономики страны приближался к 100 миллиардам рублей, „Печора“ честно работала, а старатели честно зарабатывали. Совершенно непостижимый для чиновников факт, догадываюсь – для вас тоже... Вот на это недоверие, на то, что „дыма без огня не бывает“, и рассчитывали советские партийные бюрократы, обрушив на артель всю тяжесть перепуганного озлобления.

Было ли информировано Правительство о разгроме

уникального предприятия? Да. Но своего собственного поражения в этом разгроме оно не увидело!

Страну кормили сплетнями печатные органы ЦК КПСС. Был создан общественный идеологический фон одобрения казни. Естественно, первым следовало казнить „крестного отца“ артели Вадима Ивановича Туманова. Ведь это он тридцать лет назад создавал на серой карте безликого, принудительного труда островки свободного. Он выбрал ту самую жизнь, которую хотел прожить, а не ту, к которой его пыталась принудить система.

Чтобы помочь вам понять, из каких чувств и желаний было соткано внутреннее состояние этого человека, расскажу такой случай.

В июле 1975 года Туманов потерял сознание в гостинице „Ангара“ города Иркутска: лопнул, вбитый в печень сапогами охранников Колымских лагерей, аппендицит. Очнувшись на несколько мгновений, он сказал:

- Если умру, Вадьку не бросайте (Вадька - единственный сын). И не забудьте насосы на Бирюсу самолетами забросить...

На Бирюсе работал наш участок, который мог остановиться, и на исходе жизни Туманов подумал о самом для него важном. Эти движения души никак не отнесёшь к низким чувствам, они проливают свет истинный на то, чем жил мятежный председатель. Говорю о нем в прошедшем времени, потому что ныне он уже так не живёт... В конце концов, всему есть предел...

За той, отмеренной судьбой чертой, осталась попытка захватить и угнать в 1949 году в Японию пароход „Феликс Дзержинский“, тот самый, что перевозил в своих трюмах заключенных из порта Ванина на Колыму. Операцией руководил фронтовой офицер Василий Куранов; бывший комсомолец Туманов возглавлял группу освобождения в третьем отсеке. Кто-то продал заговорщиков. Конвой предупредил - бунт будет задавлен паром, пущенным в трюм. Бегство не состоялось. Попытка покинуть зарешённую родину закончилась безрезультатно.

О первых месяцах пребывания в лагере он скажет:
– Жил, как голый среди ножей.

Трудно найти точнее образ для выражения предельной настороженности! Надо было выживать. Делать это по-скотски не хотелось. Он маялся выбором: к кому примкнуть? Колымскими лагерями владели две группировки: сучья и воровская. Суки воровали, убивали, выполняли роль надсмотрщиков, доносили. Воры не сотрудничали с администрацией, с монашеской „чистотой“ оберегая воровскую мораль. При том скудном выборе Туманов отдавал некоторое предпочтение вора. Нынче он это объясняет так:

– В то, безнадежно пропащее время, они сумели сохранить какие-то крохи внутренней свободы. Политические убеждали друг дружку: „Сталин обманут, ничего не знает. Партия разберётся!“. Воры были честнее: „Сталин – тот же вор, но сучьей породы“. Мне, политическому, нравились их рассуждения. Готов был быть с кем угодно, хоть с самым сатаной, лишь бы против режима. За выбор пришлось платить карцером, железной камерой – сейфом. Зато не надо было лгать себе, искать оправдание террору. Ни во что я не верил и никому, кроме себя...

Однажды не выдержали нервы и „был побег на рывок“. Его едва не убили. Спасло железное здоровье, которым наградила природа. Может быть, именно после той отчаянной драки, когда автоматная очередь гнёт вниз, а снизу в лицо летит кованый сапог, он освободился от желания убежать.

Совершив над собой насилие, стал полезным для режима человеком. Это не было актом смирения, это было игрой, побегом от атакующих страстей к разумной, глубокой обороне. Начал с бригады, где была собрана одна „шерсть“ (так в Колымских лагерях звали отказчиков, другой крученный народец, тормозящий злоотлаженную работу механизма рабочих зон). Уже через несколько лет после Колымы я разговаривал с некоторыми из них. Нормальные, душевно самостоятельные люди, слегка подчёркивающие свое твёрдое прямостояние, не как

физическое положение, (им приходилось и на четвереньках в шахтах ползать), а именно духовное. Они не потеряли в себе человека, хотя и выбрали Туманова лишь по чутью – интуиции, как волки выбирают вожака...

Лагерь открывал в людях качества, пользоваться которыми на воле нет надобности. На воле не нужны вожаки – есть назначенные начальники. В зоне постоянная зависимость от меняющейся расстановки сил требует от „бугра“-бригадира гибкости дипломата и жестокости профессионального боксера, а иногда и палача. Хотел бы найти другие слова для характеристики уважаемого человека, но Важа Платонович Церетели, больше известный на Колыме, как „Князь“: сказал с упрёком:

– Хочешь соврать – соври. Однако, запомни сам для себя: лагерь был его академией. Он там образовался.

Сохранились газетные вырезки и другие документальные свидетельства о том, как работала бригада Туманова. По сей день не побиты установленные ею рекорды нарезки шахт. По сей день на Колыме вспоминают того, кто через тёмные дыры в золотой породе вывел за собой на волю полсотни своих товарищей.

Его освободили в 1956 году со снятием судимости. Враг народа Туманов стал народом, который „нищий с оскоплённой душой, с охолощенным мозгом торжествует“. И опять перед ним встал вопрос: жить как все и „торжествовать“ или попытаться что-то изменить?

Перед тем, как оказаться в лагере, Туманов ходил на советских кораблях в США. Он видел другую жизнь, свободную, наполненную иным смыслом, и это обстоятельство не могло для него ничего не значить. Он пришёл на прииск имени Фрунзе, доходчиво объяснил какую пользу может принести артель, чьи интересы ограничены давно отработанными полигонами. Золото – на пустом месте, практически без затрат. Администрация прииска знала кто такой Туманов. Были сомнения, но соблазн получить дешёвый, дополнительный к плану металл в конце концов всё пересилил. Так Туманов начал осуществлять то, что было продумано и обговорено со специалистами на

тюремных нарах. Сработала и лагерная репутация: за ним пошли нужные ему люди. На первых порах всех объединил рубль, да ещё возможность не следовать полулагерным порядкам госпредприятия, каждый раз присягая на собраниях тому, во что не веришь. Молодой „бугор“ имел удивительную способность короткой фразой излагать суть и выводить на выбор:

- Касается всех: со мной работает только тот, кто у меня не пьёт!

Потом произошла потасовка и новый председатель доказал, что он не попустится принципом.

Артель в первый же сезон сделала полтора задания. Ничуть не трудно понять приятное удивление администрации прииска: золото упало с неба! И когда Вадим Иванович построил баню, хорошую столовую, его даже поощрили:

- Жить по-человечески не запрещается. Продолжайте, товарищ Туманов.

В то время опасности ещё никто не почувствовал, а именно - в банях, столовых, опрятных общежитиях, высокой заработной плате старателей начнёт зарождаться противостояние системе социалистического бескорыстия, в коей человек отличается от машины только тем, что о машине кто-то заботится.

Открытым вызовом артели Туманова станут позднее, когда они будут объединять по 500-800 человек. Это собрание с интересом работающих людей уже нельзя будет прятать в глухой тайге. На них станут показывать пальцем, завидовать, ненавидеть.

Начнут случаться разные смешные истории... Построили в чукотском посёлке на берегу Охотского моря туалет, а утром глядь - у туалета очередь из местных жителей выстроилась, как в кинотеатр. Торжественно подарили туалет поссовету. И истории грустные... Партийные, советские работники, представители самых компетентных органов, будут пить водку в прекрасных артельских банях, обнимать Туманова, ругать советскую власть и с похмелья писать на хозяина... доносы.

Он никогда не верил их пьяным поцелуям, был готов, что его непременно предадут. Так оно и случилось. Из тридцати лет старательской деятельности десять Вадим Иванович находился под следствием.

Враждебное отношение властей к Туманову постоянно стимулировалось недоверием к свободному труду, к действительно заработанной плате. Сегодня, когда рядовой член какого-нибудь барыжно-перекупочного кооператива получает больше нежели председатель артелей, давших стране более тридцати тонн самого дешевого в мире золота, поводы для возбуждения против него уголовных дел кажутся смешными и ничтожными. Чаще всего повода просто не существовало. Существовал идеологически чуждый элемент, раздражающий сановное окружение подчёркнутой независимостью, не уступающий требованиям обязательного подражательства. Подражать не хотел, хотел быть самим собою.

Был или не был, это уже другой вопрос. Народный депутат Юрий Карякин, например, не постеснялся прямо спросить:

- Тебе, Вадим, не стыдно: на твое золото построена Лубянка?

И он промолчал, понимая всю двойственность своего положения: с одной стороны – тонны золота, с другой – непрестанное преследование...

Многие серьёзные, даже талантливые сыщики связывали с Тумановым свою жизненную карьеру, пытались отправить его на скамью подсудимых. Однако, удалившись на пенсию, вспоминали о нём с нежностью:

Если бы мы занимались настоящими преступниками так же упорно, как Тумановым, – говорил полковник Юрий Халматов, – наши успехи были бы куда более значительны.

Странно... Люди хотели спрятать за решётку человека истово и эффективно пополняющего государственную казну. Они же питались, одевались из той же казны. Какое-то бесовское искушение... И в то же время трудно предъявить к ним обвинение: Туманов – проблема для

тоталитарного режима, песок в его смазанном ложью механизме. Подобно Достоевскому, он носился с тем же вопросом: „Кем ты был и кто стал и что есть у тебя?“

Бунтовал, несмотря на своё трагически непрочное положение, когда каждая неосторожная капля могла переполнить чашу терпения духовных надсмотрщиков. И, точно знаю, боялся, но страх был слабее безмерно богатого индивидуализма. В однообразном мире без человеческих поступков Туманов проживал сказочно-опасную жизнь, всегда и во всём оставаясь при собственном лице.

...Вот он идёт с блаватой раскачкой по участку. Руки – в карманах куртки. Поворачивается к старателям. Никто не угадает, что председатель произнесёт через секунду. А Вадим Иванович говорит:

– „Для пролетариата... смелость, самосознание, чувство гордости и независимости – важнее хлеба“. Так считает Маркс. Я считаю иначе: только человек, способный честным трудом построить благосостояние своей семьи, заслуживает уважения. Если с завтрашнего дня мы не начнём работать как настоящие старатели, в конце сезона будем гордиться по Марксу. Кто тут у нас гордый? Ты, Мокрогуз?

– Что вы, Вадим Иванович, в глаза его не видел. Неправду вам сказали!

– Ты почему нижний полигон не доработал?

– Контур держит.

– Старателя золото кормит, Володя. Причём здесь контур?

Карла Маркса Вадим Иванович недолюбливал. То ли за его плакатную бороду, то ли за некоторые нелепости в трудах основателя, которые с удовольствием цитировал в присутствии почитателей марксизма. Мне казалось – им это не нравится...

С председателем беседовали, осторожно намекали на то, что однажды всё плохо кончится. Да и сам он понимал – здраво мыслит тот, кто мыслит как все. Не получалось. Крайняя зависимость от внутренних переживаний, осознание правоты собственной, мешали Туманову войти

в монолит общественного единомыслия. Он устал от дурной бесконечности обманов, обязательств и, словно Иов, грозящий кулаком Господу, ворчал на самое святое – идеологию.

Никто не пытался разобраться в сложностях его души. Туманова просто загоняли в угол, ставили артель на грань экономического краха, и лишь вера в то, что председатель непременно выкрутится, удерживала старателей за рычагами бульдозеров.

Вера та родилась не на пустом месте.

В 1962 году, ещё в Колымский период артели, получился „прокол“ на Сентябрьском месторождении. Дали участок с подтверждёнными запасами, а они – обычная история – не подтвердились. Кстати сказать, точнее других подтверждались царские заверки или заверки, сделанные до 1953 года, далее геология превратилась в науку партийную: сколько скажут – столько подтвердим.

Ну, так вот. Два месяца бульдозеры толкали пески на промприборы. Золота нет. Тогда председатель принял безумное решение: отвести реку Оратукан, взять золото из-под реки. Мнение технического совета было единодушно – авантюра! Но в самый последний момент директор Оратуканского завода дал Туманову 20 бульдозеров под личную ответственность.

Трое суток, без сна и отдыха работали старатели. Река поднималась на глазах жителей посёлка. Остался узкий проран, в который врывалась неукротимая вода. Измотанные люди были готовы отступить. Удача висела на волоске. Лопни тот волосок и... нет золота, нет артели, нет Туманова. Какой бы он „козырный“ не был, такое не простят. Тогда он крикнул: „Давай, Вася!“ Вася Киверин бросил в проран свой бульдозер. Следом полетел ещё один.

Подавилась река. Отступилась, бешеная.

Похороненные бульдозеры – потеря двадцати, а при хорошем содержании, тридцати килограммов металла. Ну, да разве то цена за репутацию?! Репутация стоит дороже. В тот сезон артель за полтора месяца выполнила

годовой план на 220 процентов!

Про Туманова говорили:

- Едва себя не проиграл. Рисковый...

Объективности ради замечу – его не только грозились посадить в тюрьму, но и представить к награде. Он очень переживал, когда обещания не сбывались. Как человек не лишённый тщеславия, Туманов хотел иметь официальное признание, каковым мог стать тот же орден. Понимал, однако, для этого ему необходимо согнуться как можно ниже, чтобы оказаться перед глазами общественного мнения. Какие-то компромиссные шаги предпринимались. Так, однажды артель пожертвовала пуд золота в фонд мира. Ведь знали, что это за фонд, но пожертвовали. И снова судьба посмеялась над ним: за широкий патриотический жест пообещали срезать расценки...

Бывшие товарищи по лагерю с пониманием смотрели на ситуацию.

Покойный Володя Коротаев советовал:

- Вадим, подай заявление в партию. Надо им понравиться или дать кому-то.

Дать-то ещё куда ни шло, а вот понравиться... с этим было неважно. Мы всегда с напряжением наблюдали за тем, как председатель общался с очередной комиссией, очередным начальством. Приятный, остроумный собеседник, выслушав барское по тону или хамское по содержанию замечание, менялся прямо на глазах. Лицо его становилось невыразительным и твёрдым. Не надо пытаться предотвратить скандал – бесполезно. Он всё равно скажет что-нибудь в этом роде:

Вы приехали учиться или учить нас работать? Давайте для начала обозначим цель вашего приезда.

После подобных объяснений ни о каких наградах думать не приходилось, и мы начинали готовиться к очередному визиту компетентных органов.

Но награда оставалась желанной. Так уж был устроен этот человек – ни с чем не хотел мириться. Когда страна пьянствовала вместе с Политбюро и лично с товарищем Брежневым, Туманов боролся со злом всеми доступными

средствами. Вообще в артели строго наказывались три провинности: воровство, драка и пьянка. Страшно подумать – бутылка выпитой водки могла обойтись старателю в 1000 рублей! Суровая, но необходимая мера, иначе всё поплывёт по стезе обманов, взаимных уступок, как это происходило и происходит на государственных предприятиях. Пьянство – грех, питающий низкие человеческие чувства. Прощения в артели никому не было. Даже на своего друга Владимира Высоцкого Туманов кричал:

– Права не имеешь! Такого тебя принудят служить! Тогда тебе лучше сдохнуть!

Жесткий монолог. Крик взбешенного и одновременно испуганного человека, стоящего перед очевидной неизбежностью конца великого русского поэта. Он очень боялся Володиной смерти, но более того – Володиного отступничества. Ничего подобного не случилось: была только чистая смерть, оплаканная и его слезами.

Вадим Иванович частенько был несдержан, но вспыльчивость председателя быстро забывалась, ибо за этим мог последовать настоящий мужской поступок. Потери окупались. Душевно одинокие люди привязывались к нему так глубоко, что даже с ума не могли сойти нормально, без Туманова. Когда лучший сварной артели Коля Палкин „погнал беса“, он вдруг заговорил о музыке. В ожидании прилёта санитарного вертолёт Палкин сидел на брёвнышке, закатив в небо чистые детские глаза. Вид у него был какой-то отрешенный, неземной. Прямо ангел-старатель.

– Слышите? – шептал Николай, – Вадим Иванович на скрипке наяживает. Жениться буду – приглашу!

Там, в Бодайбо, где происходили эти события, Туманов оказался вот таким образом. Комбинат „Лензолото“ два года не выполнял производственного плана. Тогдашний директор комбината Мурат Ериджилович Зафесов пригласил Вадима Ивановича. Как яростно тому противились правоохранительные органы, влиятельные комбинатовские бездельники! В Москву летели посланники (грех сказать – финансируемые старателями!) с одной задачей –

не допустить Туманова к Сибирскому золоту!

Первый секретарь Бодайбинского горкома КПСС Юрий Андреевич Елистратов распорядился:

Пусть работает.

На том и порешили. Он хоть и секретарь, а умный и дальновидный человек оказался.

Артель вывела комбинат из отставания и ещё три года показывала потомственным золотодобытчикам, как надо работать. Затем, естественно, были знамёна победителям, ордена – передовикам. О Туманове упомянули с положительной стороны в докладе.

– „Приятно всё-таки, что нас здесь уважают,“ * – напевал мрачный Вадим Иванович, когда мы возвращались с торжественного собрания. Потом неожиданно повернулся и спросил:

– Как ты думаешь, сколько это продержится?

– Что это?

– Ну это: ордена, пьянки, вечный праздник победившего социализма?!

Пройдёт несколько дней, его вызовут в прокуратуру, где вопросы будет задавать уже не он. Глядя на происходящее, невольно думалось, что хорошая работа в Советском Союзе отнесена в разряд если не преступных, то подозрительных деяний. Следователи были сориентированы на матерого уголовника, который всех купил, замарал, запугал. Никто не хотел понимать – перед ними талант, выражающий себя в тоннах золота. Понять – значит простить. Но нет прощения талантам. Зависть, роковая нечуткость толкали служащих закона к традиционной установке: „Вначале – казнить, затем – разобраться“.

Артель шла по лезвию ножа, балансируя на грани нарушений. От желания, что ли?! От нужды! Сорвал комбинат заброску грузов на наши участки. Метались-метались, нашли военных. Договорились на законном основании. Идём с Вадимом Ивановичем на заключительный разго-

* Из песни В. Высоцкого.

вор с командиром части. Входим в помещение базы и видим: разрушенный стол, человек в погонах спит, уронив лицо в тарелку. Рядом с ним стоит заведующий базой Василий Крепостной.

- Где товарищ полковник? - спрашивает озадаченный Туманов.

- Вот они, - отвечает Крепостной и, взяв из тарелки лицо полковника, показал его Вадиму Ивановичу, - они раньше приехали.

- Вижу. Положи на место.

Василий положил, но чуткий полковник открыл глаза, произнёс ломающимся голосом:

- Моей жене нужен перстень. Вот с таким камнем...

И, прежде чем уронить лицо, закусил ногтем большого пальца кончик указательного.

- Хороший семьянин, наверное, - улыбнулся Вадим Иванович, - выслушай гостя, Лёня. Когда очнётся...

Не помню уж, получил свое кольцо „хороший семьянин“ или нет, но через два дня 14 „Уралов“ ушли на трассу. Наверное, всё-таки у полковника проснулась совесть. А что?

Вся существовавшая, да и здравствующая ныне система хозяйствования, подталкивала нас к совершению преступления. Подталкивала и ждала, когда мы его совершим, чтобы расправиться. Только спасительный опыт Туманова не позволял употребить старателям способности и разум во грех. Конечно, артель „Печора“ не была монастырем, но после её расформирования никто из старателей не пошёл в рэктеры (даже из бывших эков) или шашлычники, а продолжал честно трудиться.

Он был очень глубокий стратег, ему приходилось не только реагировать на сиюминутную ситуацию, но и думать о будущем. Именно в Бодайбо Вадим Иванович привлёк в своё дело молодых, высокообразованных специалистов, коим не нашлось достойного места в госсекторе. Председатель дал им возможность выразить себя. Он осторожно, почти ласково, вытеснял из руководства артели колымскую „шерсть“, постепенно деградирующую

до роли сытых надсмотрщиков. Туманов ещё любил их, он их любить не перестанет, но это – сердце... разум будет планомерно и чётко делать своё. Председатель чувствовал у артели другое будущее, для которого „шерсть“ не годилась; уровень не тот.

Менялся и внешний образ самого Туманова: однажды он появился в министерстве в шикарном английском костюме и при галстукe. Министр Петр Фадеевич Ломако, правда, не придавал этому факту никакого значения. Шаркающей походкой старого человека прошёлся по кабинету и, кивнув массивной головой в сторону своих заместителей, попросил:

- Вадим, научи моих чудаков золото добывать.

На языке у Туманова вертелись выстраданные слова, предложения, но министр уже говорил о другом. Волю чувствам Вадим Иванович даст на улице, где мы его ждали. Будет возмущённо махать руками и даже постучит костяшками по лбу Руслана:

- Они же во! Им золота не надо. Есть кресло, машина, зарплата, паёк. Большое золото ленивому не взять! Ты понимаешь?

Руслан потёр лоб и спросил:

- Почему ты к ним так не постучался?

- Стучался. Писал письма на имя Председателя Совета Министров Косыгина, Тихонова, Рыжкова. Доказывал, что добычу золота можно увеличить без дополнительных затрат. Не просто говорил, брался реализовать свои убеждения.

И всюду встречал полнейшее отрицание и видел перед собой: два пустых глаза, под ними – рот, чтобы жевать пищу, три мягких подбородка, а ещё ниже мыслящий орган – живот. Некоторым столодержателям он говорил:

- Дарвин лгал – эволюция не начиналась. Ну, что вы на меня уставились? Подойдите к зеркалу!

Его никто не вызывал на дуэль: чиновники дорожат собой. Они поделили мир на персональные стойла-кабинеты, где всё подчинено неизменному порядку уничтожения творческой мысли, идей и терпеливому ожиданию

рокового конца, когда не станет власти, взяток, пьянок, разбегутся любовницы, продажные друзья и наступит расплата.

Если „Бог стал человеком для того, чтобы человек обожился“, то человек стал чиновником для того, чтобы оскотиниться.

Интересный штрих – Вадим Иванович никогда не имел своего кабинета: он напоминал ему одиночную камеру, где заключенный Туманов однажды просидел почти год.

Чиновники ничего ему не забудут, ничего не простят. Но их природная лень и симпатии старого министра дадут возможность артели обрести запас прочности. Тогда мы уже работали в Коми и Башкирии, наша артель называлась „Печора“, та самая (цитирую материалы следствия), что „за пятилетку на бросовой технике в два-три раза наращивала объемы производства и производительность труда, в 6 - 10 раз ускорение ввода объектов“.

И далее: „Этому способствовало наличие на всех участках благоустроенного жилья, имеющего радио, телевизоры, постоянно функционирующие бани с парными, массажными, столовых с четырехразовым питанием и хорошим набором продуктов“.

„Печора“ стала качественно новым предприятием во всей практике горнодобывающей промышленности. Соприкасаясь с личностью Туманова, выдвинутые им на руководящие посты интеллигенты, не всё в нём понимали, и кое-чему активно сопротивлялись. Но они ещё не могли обойтись без него, а он уже не мог обойтись без них. Взаимная зависимость окрашивала традиционную внутреннюю сплочённость артели в более мягкие, демократические тона. Артель становилась объектом внимания для писателей, артистов, учёных, музыкантов, крупных руководителей.

Обычно после работы все собирались в гостиной у камина, где до глубокой ночи шли разговоры, намечались перспективы развития. Здесь можно было сказать правду, не опасаясь, что на тебя донесут или поломают твою карьеру. И внук чекиста-революционера Вуля беседует без

протокола с потомком князя Горчакова о том, как заложить складские данные в артельскую ЭВМ. Оказывается, можно общаться без водки, но с огромной пользой для себя и своего дела.

Вы можете себе представить полторы тысячи трезвых советских мужчин в день Международной солидарности трудящихся? Нет, конечно! В „Печоре“ такое было.

Жилось просто интересно. Люди чувствовали себя свободными странниками, убежавшими от полупьяной, воровитой хозяйственной системы и планировали маршруты новых рывков, чтобы, не дай Господи, где-нибудь с ней столкнуться.

Мозговой центр артели обладал чувством реальности и одновременно оптимизма. Даже еретические, с точки зрения существующей идеологии, вопросы (допустим, можно ли дать выходной верующим на Пасху), обсуждались без окриков со стороны партийной организации и администрации.

Туманов обычно в подобных дискуссиях не участвовал: плохо умеет слушать. Что касается религии, отношение у него к ней немного потребительское. В отчаянный для нас момент он просил моего сына-семинариста:

– Вы там за нас помолитесь, Сережа. Надежды ни на кого нет.

Через несколько дней удача улыбалась нам, и он ехидно спрашивал проповедника артельского христианства Виктора Леглера:

– Ты говоришь, Бог есть? Почему тогда Кремль не провалится?

– Вам за такие разговоры, Вадим Иванович, Героя соцтруда не дадут! – пугал председателя хитрый Леглер.

– И не надо! Не больно хочется!

Лукавил Вадим Иванович – всё его понимание человеческого труда вытекало из того, насколько этот труд вознаграждался справедливо. Героя ему давно следовало присвоить и не потому, что он сам того хотел, а потому, что заслужил по всей справедливости, если таковая существует... Двадцать лет знаю Туманова, уверен – зас-

луги его измеряются не только добытым золотом, но и совершенно особым отношением к людям. В артели каждый отдельный старатель, как на постоянном аукционе, имел свою ценность. Независимо от того, был ли он приближенным Туманова или родственником большого начальника, его цена не поднималась выше истинной. Рядовой водитель, лучше всех отходивший зимник, становился человеком года и получал тысячу рублей премию. О нём говорили, как о первом среди равных. Образ этого человека будил в остальных честолюбие, стремление достичь большего. Никто не терялся в лихорадке буден. Второстепенных профессий просто не было. Председатель за этим внимательно следил. Он знал по опыту лагерной жизни – второстепенность легко порождает неполноценность. На его глазах неполноценным становился целый народ...

Как-то матерый бульдозерист, колымский приятель, пожаловался ему:

– Слышь, Вадим, повар на работе книжки читает, а трудодень мы с ним один получаем. Где справедливость?

Повар был замечательный. Всё успевал, даже книжки читать. Туманов об этом знал. Он сказал повару:

– Витя, слетай на пару недель домой. Юра тебя заметит.

Через неделю Юрий Налетов публично каялся:

– Пропади она пропадом, эта кухня! Я уже телеграмму Виктору от твоего имени отправил, Вадим Иванович. Больше не могу!

Уроки Туманова передавались изустно. С участка на участок, из артели в артель. Они обладали простотой, наглядностью и доходили до людей. Кто были те люди? Вчерашние зэки (в артели их работало около 50 процентов, не брали только насильников и осуждённых за преднамеренное убийство), потерявшие семью бродяги, классные специалисты, пьяницы и просто авантюристы. Разномастная публика, именуемая в городах „бичами“. Но странное дело – здесь, в тайге, они быстро обретали человеческий облик и делали такое, о чем не могли мечтать

лучшие представители общества.

Туманов придерживался незамысловатого правила: надо сделать человека свободным, хорошим он станет сам.

В тумбочках старателей лежали деньги, иногда очень большие, пьяниц никто не выискивал, их называли на собраниях открыто и честно. Каждый нарушитель мгновенно становился разрывом в артельских отношениях, где всё было завязано, работало на конечный результат.

Не хочешь работать – езжай домой, но, если решил войти в дело, будь добр выполнять его как положено. Отношение к работе контролировалось строго и гласно. В свободное время человек делал всё, что хотел. Что можно делать на участке в свободное время? Рыбачить, смотреть телевизор или кино, слушать музыку. Тогда ещё по старательным участкам не гуляли модные шлягеры. Люди были в основном самостоятельные, думающие. Звучал Высоцкий, эмигранты, даже классика. Новости из жизни своей страны узнавали из передач голоса Америки.

Посетивший в июне 1976 года нашу артель Владимир Высоцкий был поражён свободной атмосферой.

– Вадим! – воскликнул он, – какие они разные, интересные! Рогожные лица и шелковые души. В столице всё наоборот...

Туманов не позволял личности заблудиться в толпе. Но, обретая в артели индивидуальность, личность понимала – выжить и остаться личностью она может только здесь. Поверьте – никто из тумановцев не хотел возвращаться в своё унижительное, прежнее состояние. Они видели – их председатель не располагал бесцельной верой в лозунг, призыв к ударному труду. Он не позовет их на работу без реальной программы, подкреплённой финансами. Иначе артель могла сняться и через пару недель оказаться в другом конце необъятной Родины. Он учил чиновников правилам честной игры, ответственности за свои обещания, воспитывая их теми же методами, которыми воспитывают нерадивых за рубежом, незаметно становясь жертвой равноправия. В этом прос-

читался, ибо равноправие есть свобода, свобода есть выбор, а выбирать было не из чего. „Печора“ плыла в открытом океане безобразия, ей некуда было пристать.

Это покажется странным: в самый критический момент мы до конца не ощутили опасности. Понадеялись на перестройку. У нас и в худшие времена были крутые ситуации. С той же короткой подачей песков на промприборы, которую с могучим упорством внедрял в своих артелях Туманов. Ему приказывали – прекратить. По инструкции не положено! А он отдавал распоряжение – продолжать! Сегодня все артели делают по-тумановски. Короткая подача сэкономила государству тонны золота. И когда нас стало душить министерство „за сторонние работы“, мы тоже надеялись – пронесёт.

„Блажен, кто ничего не ждёт – он не разочаруется...“

Чиновники понимали – у них осталось слишком мало времени для расправы. Они собрали мощнейшие связи в единый кулак. Действовали согласно крылатому выражению пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького: „Если враг не сдается – его уничтожают“.

Враг не сдавался. При плане 6,5 млн. артель „Печора“ выполняла объём работ на 25 миллионов рублей! Перевыполнила план добычи золота, проложила десятки километров дорог, построила базы, которые приезжали смотреть из других областей и республик.

– Не положено! – сказала министерство.

Для кого же мы строили эти базы и дороги?

Точно так же нас могли закрыть за то, что при интенсивности 12-часового рабочего дня, травматизм, заболеваемость в артели в 4-5 раз ниже, чем в целом по стране, на государственных предприятиях, с их щадящим 8-часовым рабочим днём. Или за что другое, что не могло влезть в руководящие мозги министра Дурасова, его сообщников из компетентных органов, Совета Министров, Центрального Комитета КПСС.

Даже сегодня, выскочившие из своих подполий учёные-экономисты обошли молчанием заметный факт. Впрочем, их можно понять: так много говорят, предлагают, спорят,

а какой-то бывший штурман Туманов всё реализовал на практике. И о чём спорить – пойдй, посмотри, потом сделай. Лишь генеральный директор Всесоюзного глазного центра Святослав Николаевич Федоров на 19-й Партконференции встанет в защиту „Печоры“, потому что знал о ней, приезжал, видел, сумел понять её дух чутьём мученика-одиночки.

Увы, нас разогнали до конференции. Разгромили те, кто взял на себя право распоряжаться нашими мыслями, наводить единый порядок в наших душах. Чудо, даже если оно экономическое, могло пролить свет на их лица, скрытые под маской званий и должностей. Они вынесли приговор. Формально же свой приговор артель „Печора“ подписала весной 1987 года. Тогда на базе, недалеко от города Инта, состоялось общее собрание артели. Соответствующие органы знали о настроении старателей и предприняли попытку сорвать собрание. Четыре пожарника во главе с начальником пожарной охраны пришли и заявили, что опечатывают базу по причине отдельных недоделок.

Им ответили:

– Опечатывайте. Через час мы будем на площади у горкома партии и проведём собрание там.

– Вот-вот! – неожиданно обрадовался начальник пожарной охраны Ждан, – я сейчас доложу в комитет госбезопасности, что вы организуете демонстрацию.

И опять никто не возражал:

– Доложите. Только не забудьте сказать, кто её спроводировал.

Он побежал докладывать, а мы начали собрание. Выступил генеральный директор ПО „Уралзолото“ Н. В. Новак. Объяснил ситуацию: артель сохраняется в том случае, если Туманов не будет её председателем. Таково требование министра цветной металлургии Дурасова. Компромисс невозможен.

Не знаю, кто о чем в то время думал, но мне вдруг вспомнилось совсем близкое... В конце 1986 года объединение „Кварцсамоцветы“ предложило нам построить до-

рогу на Полярном Круге. Деньги у них „горели“.

Представляете: окончен труднейший сезон, люди измотаны, а их надо позвать на новое дело. Кто рискнёт?! Мудрее всех оказался главный инженер артели Сергей Зимин. Он снял телефонную трубку и позвонил в Свердловск Туманову.

- Вадим Иванович, необходимо Ваше присутствие.

Зимину председатель вопросов не задавал. Приехал и прямо с поезда зашёл в столовую, где обедали старатели. Поздоровался. Ещё через минуту мы имели возможность получить полное представление о том, что такое Туманов. Он сказал:

- Вы вправе отказаться, ребята. Я не вправе вас судить. Есть возможность заработать полтора миллиона.

И заметьте - вопросов тоже не было. Встали и пошли распаковывать чемоданы. Почему всё так просто? Безошибочного ответа у нас нет, как нет его и у самого Вадима Ивановича. Это возможно понять только ребёнку, решающему и думающему сердцем.

Вспомните святоотеческое слово: „всякая вещь, ея же не желает душа, кратковременна есть“. Их души желали дела, к которому призывал председатель.

...А после Новака на трибуну поднялся бледный Туманов. Говорил что-то об усталости, возрасте. Его уже никто не слушал. Был момент выбора. Старатели хорошо зарабатывали, их семьи привыкли к достатку. Терять, естественно, не хотелось. Но как быть с Вадимом Ивановичем?

Фильм, снятый документалистами Московской студии кинохроники, хорошо передаёт настроение старателей. Зал вначале словно провалился в тишину.

- Мужики! - без пафоса говорит Сережа Кочнев. - Не нас выбирал Туманов. Мы его выбирали. Что же, теперь отступимся сами от себя?

Тысяча человек единогласно проголосовали за кандидатуру Туманова, тем самым подписав приговор артели „Печора“.

Что же открылось старателям, не попустившимся

личным достоинством ради личного благополучия?

Спущенные с поводка хозяйской рукой „гончие лжи“ рванулись по страницам газет, оставляя на них нечистые следы. Дневали и ночевали в артели ревизоры, комиссии и допросы, допросы...

Всего было опрошено около двух тысяч человек с печальным для атакующих результатом. Огромная серая гора партийного правосудия родила чахоточную мышь. Так ведь и не могло быть другого плода!

Из материала следствия:

„Ещё раз кооперативная форма, на этот раз в годы поисков, в годы радикальной экономической реформы, дискредитирована мощным оружием всех времён: инсинуациями, сфабрикованными сплетнями, намеренно усугубившими и без того деформированное мнение общественности“.

В то время артель „Печора“ напоминала осаждённую крепость или корабль, сражающийся с целой эскадрой. Пусть редко, но исчезали с палубы тонущего корабля приближенные Туманова из числа „классных парней“. Их спрашивали:

- Вы в чём-то виноваты?
- Нет, но всякое бывает...

Вслед им хрипел никогда не покидавший нас Высоцкий:

- „А крысы пусть уходят с корабля,
Они мешают схватке бесшабашной“!

Узнавая о каждом побеге, Вадим Иванович краснел, хватался за телефон, говорил бывшему сотоварищу всё, что он о нём думает.

Назавтра появлялись новые проблемы: мы узнавали, что банк закрывает наш счёт, что у нас в артели свили гнездо сионисты. Евреи, действительно, работали в артели. Человек 20 - 25, в основном – одесситы. В то, что они увлекаются женщинами, я бы ещё поверил, но чтоб сионизм... нет, такого не было. Только двое из них входили в мозговой центр артели. Один (Вадим Иванович очень просил не называть его, сказал: „Бывают и хуже“) после

тридцатилетней дружбы предаст Туманова. Другой, Ефим Фавелюкис, останется с нами до конца. Человек фантастического ума и оптимизма, Фима был финансовым гением артели, работающим с риском, но в пределах нравственности. Три миллиона рублей, которые государство не выплатило артели, лежат не на его совести, они лежат на совести государства, привыкшего грабить свой народ.

Через год Фавелюкис уедет в Соединенные Штаты Америки. Там уже много артельских ребят. И в новом доме они выражают себя достаточно убедительно. Среди них есть даже миллионеры. Туманова среди них не будет. Мне могут возразить, мол, ему и у нас живётся безбедно. Но, пытаясь подсчитывать его доходы, мы упорно не жалаем оценить его талант, его полезность. Почему, допустим, в артели не было межнациональной розни? Потому, что всем были созданы одинаковые условия и оказалось, что нет народов избранных, есть просто люди одарённые и менее одарённые с разной отдачей работающие на общее благо.

Вадим Иванович явился одним из создателей этой необычной атмосферы межнационального доверия.

Сегодня многие из нас (если не все) оглядываются на своё артельское прошлое, как на сцену, где они смогли сыграть самих себя. Музыка, литература, живопись помогают нам осознать своё состояние, воссоздать его на сцене жизни может помочь лишь твоё собственное дело, которое делается самым искренним образом. В его природе нет никакого соревнования, даже социалистического. Есть естественное желание жить лучше и для этого лучше работать.

На сцене тайги и тундры труппа „Печоры“ сыграла прекрасный производственно-показательный спектакль. Режиссёр был строг и гениален. Актёры постарались от души...

После разгрома „Печоры“ Вадим Иванович мог собрать артельскую аристократию в один коллектив, снова возродиться в прежнем блеске. Логика нормального человека к этому подталкивала. Туманов неожиданно дал всем

волю...

Практический дух людей, прошедших его академию, проявился быстрее, чем того могли ожидать наши недоброжелатели. Пока они вытирали после казни пот со лба, Сергей Зимин организовал кооператив „Ока“ в Подмосковье, Марк Масарский и Виктор Леглер – „Волхов“ в Новгороде, самый мощный кооператив „Северный“ создали Михаил Глузман и Валерий Гизе в Ухте, Анатолий Тюркин возродил хозрасчётное предприятие в Иркутске, Михаил Алексеев и Александр Мокрушин – кооператив „Тиман“ в Сыктывкаре, Павел Непомнящий – щебеночный карьер на Урале, Михаил Мышелов прокладывает дороги в Нечерноземье, сам Туманов возглавляет „Строитель“ в Карелии.

25 интересных, жизнестойких промышленных кооперативов родила легендарная „Печора“. Название артели – пароль для честных, деловых, обладающих чувством достоинства кооператоров. Таким незамысловатым ходом Туманов обманул властимущих бюрократов, размножив идею свободного творческого труда во многих экземплярах. Это вполне самостоятельные в своём развитии предприятия, во многом опередившие „крестного отца“, но круто заквашенные тумановским настроением. Он отказался возглавить клан печерских кооперативов. Объяснение было простым и ясным:

– Вам надо научиться выживать, ребята... без меня.

Без него уже сделано многое и всё-таки...

– Он пассионарий, – говорит Михаил Алексеев – председатель кооператива „Тиман“. – Он зажигает наши сердца.

Вадим Иванович не оставляет в покое даже тех, кто с ним расстался казалось бы навсегда и с облегчением. Совсем недавно позвонил представитель „Союззолото“ Эдуард Артемьевич Григорьянц:

– Вадим Иванович, предлагаем вам работу на Сухом Логе в Бодайбо.

Затем поступило предложение построить огромное предприятие по добыче алмазов в Архангельской обла-

сти, поехать в Южную Америку или Африку мыть золото и т. д.

Возможно, наступает эра прозренья? Торопливая мысль. Реальная жизнь показывает – мы ничего не видим впереди. Наше общество слепо, апатично и воровито. Его пугают Тумановы, ибо своим жизненным примером опрокидывают десятилетиями наработанные стереотипы, понуждают советских людей переоценивать качество своего существования. Ведь получается, что не бюрократы, а система их породившая, превратила человека в „человеческий фактор“ для реализации химерических программ строительства социализма.

„Современное поколение русских людей лишено жизненной карьеры“, – говорил, анализируя состояние советского общества великий мыслитель Иван Александрович Ильин.

В отличие от многих других, жизненная карьера Вадима Ивановича Туманова состоялась. Его талант, „благодаря которому он настолько выделился из числа признанных в стране хозяйственников, что оказался как бы на другой, противоположной стороне“ (материалы следствия) вошёл в конфликт с безликой, самоедской системой хозяйствования и, сжигая себя в неравной схватке, победил. Система рушится. Всё, что рождается из руин трезвого, живого направляется в ту самую другую, противоположную сторону, куда ушёл „крестный отец“ старательских артелей страны Вадим Иванович Туманов.

„Историю движут люди,
Которым стреляют в спину...“

Вероника Аренс-Пулавская

НОВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ КНИЖНОГО МАГАЗИНА

G L O B U S

A SLAVIC BOOKSTORE

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, пластинки, кас-
сеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам.

ВЫПОЛНЯЕМ ЗАКАЗЫ ПО ПОЧТЕ

Адрес: 332 Balboa Str. San Francisco, CA 94118

Т. (415) 668-4723

МАГАЗИН ОТКРЫТ ЕЖЕДНЕВНО

(кроме воскресенья)

С 10 до 6 ч.

Протоиерей Н. Беляев

Дневник

(Окончание. Начало см. «Вече» № 36)

3 апреля. Встал в 6 часов, пропел пасхальный канон, прочитал правило и пошел в библиотечное залo отнести книгу и остался посмотреть альбомы, лежавшие на столе. В 11 часов началась Литургия, за которой собрались все те же лица, которые были и вчера. После заамвонной молитвы сказал несколько слов по поводу праздника. В час подан завтрак.

Итак, наша миссия кончена. Настал день свободы и отъезда нашего из дворца. До субботы делать нечего, так как со вторника служба прекращается. Ждём коменданта, а его нет. Пришло известие, что нас из дворца не выпустят, так как вышел приказ прекратить всякие сношения живущих во дворце с другими лицами, живущими на свободе. Что оставалось делать, не знали, и спросить не у кого. Наконец, нам объявили, что министра Керенского, от которого зависит наше освобождение, в Петрограде нет, а без него дворцовый комендант для нас ничего сделать не может. Так светлые дни радостного Воскресения Христова для нас, обречённых на одиночество, превратились в дни скорби и уныния.

Сиюю один в своей комнате и мысленно переношусь в родной свой дом, к собравшимся в одну милую, любящую семью, моим детям, как к птенцам, слетевшимся

под крыло матери и не нашедшим ни матери, ни отца. Но как милостив Господь! О, радость! Зовут к воротам, разрешено свидание. Надеваю рясу и тороплюсь. Прохожу ряд коридоров верхнего этажа, спускаюсь по длинной неопрятной лестнице в подвал, иду по тёмным и грязным проходам подвала, пробираюсь среди грубых солдат – сидящих, лежащих, стоящих, движущихся, едва дающих дорогу. Вхожу в так называемую приёмную комнату, длинную, душную, грязную и шумную, от разговоров тут же сидящих солдат. Но мне было всё равно – я увидел своих милых детей. Мою дорогую милую Манечку и сердечную дорогую Ниночку. Нашли дорогу, не испугались караула и порадовали, сделали праздник. В 8 часов обедал. Подавали борщ с ватрушками, мясо тушеное с картофелем, пломбир, кофе и вино. После обеда начал читать книгу „Правда Православия“, которую прислал мне Его Величество, раньше спросивший у меня, есть ли у меня книги для чтения и сказавший, что и у него их немного.

4 апреля. В 9 часов принесли чай, читал „Правду Православия“ до 11, а потом пошел в круглое залo, из окон которого можно было видеть гуляющего Государя с сыном, под конвоем двух солдат с ружьями и офицера, идущих сзади. Погода была праздничная – теплая и солнечная. Государь, возвращаясь с прогулки, подошёл ко мне и поздоровался, сказав: „Какая сегодня прекрасная погода!“ В первом часу ушёл в свою комнату. В час подали завтрак, а в 3 часа позвали опять в приёмную. Пришла навесить Ольга Андреевна, а в 4 часа вновь позвали – пришли дети и внучата, прослышали, что пропускают для свидания. С ними провёл весело время, хотя в той же душной комнате и в присутствии офицера и солдат, до 5 часов. Приёмная комната настолько непривлекательная, что маленькая внучка моя, Галечка, с радостью бросившаяся ко мне, сразу же стала проситься домой. В 8 часов обычный обед и полное уединение в своём затворе. До часу ночи читал книгу, лёжа на коротенькой кушетке.

5 апреля. Утром в 10 часов пришло известие, что нас не выпустят из дворца и сегодня. День прошёл очень

скучно. Усилен надзор, прекращены всякие свидания, недопущена и передача писем, хотя бы и распечатанных. Так, не допустили о. протоиерею свидания с женою и не передали распечатанное и прочитанное караульным офицером письмо. Днём спустился вниз, зашёл в библиотечное залo и узнал от дежурного служителя, что можно взять для чтения книги, хранящиеся в шкафах. Книги оказались иностранные, но нашлись между ними и на русском языке сочинения Гончарова. Я взял первую часть и придя в свою комнату с увлечением читал „Обыкновенную историю“ После завтрака гулял на балконе, несколько слов сказал с б. Наследником, здоровался с Государем, возвращавшимся с прогулки.

6 апреля. В 9 часов стал читать присланную от фрейлины Гендриковой книгу „На молитве в тишине и в бурю“ Поселянина. Около 12 часов видел из окна своей комнаты, как по дорожке в садик прошёл Государь с сыном на прогулку под усиленным конвоем В 4 часа гулял на балконе, а Государь с сыном ходил недалеко от балкона по парку и возвращаясь поздоровался со мною и спросил: „А вы ещё здесь, вас не пускают?“ До поздней ночи читал газеты и Гончарова „Обломов“.

7 апреля. Встал в 6 часов. Прочёл канон Пасхи, выпил чашку чая и смотрел в окно своей комнаты, как садовники работают в царском садике, освобождают кусты от связывающих их верёвок. Поскорее освободили бы нас! В 4 часа гулял на балконе, видел как Государь с сыном и другими кололи лёд на канаве и верёвками вытаскивали его на поляну. Вечером читал и лёг спать в час ночи.

9 апреля. Воскресную Литургию начал служить в 11 часов. Молился как-то особенно усердно. Сказал проповедь на слова Евангелия „показа им руце и нозе, и ребра Свои“. Мысли взял из прекрасного слова Дмитрия Ростовского. Все слушали с большим вниманием. В час позавтракал и пошёл посмотреть как Царская Семья в поте лица, с увлечением работает на канаве, вытаскивая лёд. С 5 часов сидел в своей комнате и читал „Обломова“. Как раз кстати...

10 апреля. Написал Керенскому заявление об освобождении меня из Александровского дворца... В 11 часов начал Литургию. Пришли помолиться те же лица. После завтрака гулял около балкона круглого зала и сделал несколько шагов по дорожке. Часовой-солдат, стоящий тут же на карауле, грубо заявил, что нельзя выходить с балкона, на что я осмелился возразить, что я не арестованный и свободно могу гулять по дорожке. Отойдя шагов 20 от балкона, сел на скамью и просидел 10 минут. В другой же раз от часового услышал запрещение в более мягкой форме: „Папаша, папаша, куда пошёл – нельзя!“ С 5 часов вечера был в своей комнате и читал книги, принесенные от Гендриковой и газеты «Вечернее Время».

11 апреля. Службы нет. Ждём Керенского, который обещался быть во дворце и проверять охрану. Но Керенский не приехал. В 2 часа приходил ко мне Бенкендорф от Ея Величества с просьбой отслужить завтра к 12 часам дня Литургию, а сегодня отслужить Всенощное в комнате б. наследника, куда соберутся все дети и служащие. Весь день сидел в своей комнате и из окна видел гуляющих в садике Государя и других. Мимо моего окна провезли в ручных креслах Государыню. Кн. Анастасия Николаевна увидала меня в окне и громко сказала матери: „Вон – глядит батюшка.“ Та улыбнулась, смотря вверх и раскланялась. В 1/2 7 служил в детской комнате Всенощное, из комнаты б. Наследника была раскрыта дверь в другую детскую комнату, где в кровати лежали больные княжны Ольга и Мария.

12 апреля. Среда. Божественная Литургия совершена в назначенное время, присутствовали и молились те же лица. Ждём Керенского и боимся, как бы не пропустить его. Во дворце его ждут к 2 часам дня. Всё приняло какой-то выжидательный вид: в зале необычное оживление, даже караульные солдаты прилично ведут себя на своих постах; певчие, протодиакон, псаломщики и я дежури́м и ведем переговоры с служителями, даже Государь, идя на обычную прогулку в свой садик, сделал распоряжение, чтобы его тотчас уведомили когда придет

министр. Ждём час, другой, третий, четвертый – всё ещё нет. Наконец, в пятом часу пронеслось слово: „приехал!“ И сразу, не останавливаясь, он прошёл в комнату Государя. Я подал своё заявление дворцовому коменданту. Министра самого видеть не удостоились, но зато от коменданта, вышедшего из Государевой комнаты и говорившего о нас с министром, получили радостную весть о нашем освобождении. Итак, сегодня, в среду, 12 апреля с 8 часов вечера мы свободны. Обедать не хотелось. Собрали свои пожитки: книги, бельё и прочее и отправили в дежурную комнату для освидетельствования. Когда всё было готово, явились и сами, были обысканы и получили разрешение оставить дворец. Подана карета, перенесли в неё все узелки и саквояж и я, возложив на себя крестное знамение, поехал домой.

13 и 14 апреля. Дома.

16 апреля. Служил Литургию, говорил проповедь на неделю Мироносиц. Присутствовали те же лица.

22 и 23 апреля. Тезоименитство б. царицы Александры Феодоровны. Было сообщено, что Ея Величество просит привезти с собою на 22 апреля Акафист, который и прочитать за Всенощным богослужением, что и было исполнено. В 6 1/2 часов началась всенощная служба, за которой в светлых праздничных платьях, собралась вся Царская Семья и весь штат служащих. После шестипсалмия и малой ектиньи был прочитан Акафист Святому Великомученику Георгию и в конце особая молитва Святой Великомученице Царице Александре. На другой день к Божественной Литургии в праздничных одеждах явились все те же лица. Молебен о здравии был совершён до Литургии, а за Литургией вместо обычной молитвы о даровании победы, была прочитана молитва к Святой Мученице Царице Александре. Литургия закончилась словом, сказанным мною по случаю праздника. Подходивших для целования Креста я поздравил с подачей каждому просфоры – Государя с именинницей, а Государыню приветствовал с днём Ея Ангела и пожелал ей душевного покоя, здравия, терпения в перенесении

тяжелых дней и помощь от Господа по молитвам Святой Мученицы Александры. На приветствие Императрица высказала благодарность, силилась улыбнуться, но улыбка была страдальческая, болезненная. Все, бывшие в храме, целуя Крест, делали молчаливый поклон в ту сторону, где отдалённо от всех около ширмы, стояла Царская Семья. Вот и всё отличие от обыденно проводимых в строгом заключении будничных дней. Грустно и тяжело до слёз.

29 апреля. Суббота. Обычное Всенощное и те же молящиеся кроме б. Наследника. Та же грусть и то же одиночество. Отсюда и успокоение в молитве.

30 апреля. Служил Литургию, говорил слово на Евангелие „Бог есть Дух, и иже кланяется Ему, духом и истинною надлежит кланяться“. В то время, когда говорил я о душевных переживаниях, которые ставят человека оставленного всеми в невыразимо гнетущее состояние, единственное утешение он находит в молитве, раздался невольный, неудержимый, вырвавшийся из чьей-то наболевшей груди вздох, настолько сильный и громкий, что привёл в удивление всех слушателей. И этот отклик душевной муки раздался с того места, где стояла одна только Царская Семья.

5 мая. Служил всенощную и 6 мая Божественную Литургию. Пред Литургией в 10 часов был молебен. К Литургии собралась вся Царская Семья и горячо молилась, празднуя день рождения Государя. Объявили, что нет больше церковного вина, и я просил, чтобы достали простого виноградного красного столового вина. Принесли полбутылки какого-то вина, которое и пошло на службу. Вечером служил обычное всенощное к 7 мая. Воскресная Божественная Литургия. Молились те же лица и говорилась обычная проповедь. Вообще, после каждой Литургии говорю краткое поучение.

13 мая Суббота и 14 мая Воскресенье. Обычная служба в своё время. Вся Царская Семья в сборе, стоят и молятся с начала до конца службы. Из свитских дам не была Нарышкина. Оказалось, что она не перенесла заключения, забо-

лела, и её на руках вынесли из дворца и препроводили на её квартиру в Екатерининский дворец. Приходила вся Царская Семья в её комнату попрощаться и проводить её. Так и ещё одним близким человеком стало меньше у семьи заключенного царя.

15 мая. Нарышкина прислала за мной девушку с просьбой навестить её, что я и сделал. Был у неё 16 и 17 мая и по её желанию помолился о её здравии, исповедал и причастил. Она была очень рада, со слезами молилась сама и между прочим сообщила, что мои слова за службами служат большим утешением для страдающей в неволе Царской Семьи.

20 мая. Суббота на Троицын день. Всенощная служилась более торжественно. Икону, убранную живыми цветами, вынесли на средину храма. С сегодняшнего дня цельные хлебцы, а равно и просфоры будут даваться только б. Государю и б. Государыне, а детям их только по небольшому кусочку – нет муки! За богослужением были все 7 человек, и насколько можно было заметить, более спокойные. Княжны даже переглянулись между собою и с улыбкой смотрели на подходящих к целованию иконы караульных офицера и солдата, не делавших поклона в сторону, где стоит вся Семья б. Царя, что делают обыкновенно все другие лица после целования иконы и благословения священника.

21 мая. Литургия началась на полчаса ранее 11 часов. Вся Царская Семья в полном сборе, в светлых праздничных одеждах. Государь и его сын в обыкновенных защитного цвета рубашках с Георгиевским Крестом на груди. В Алтарь принесли 25 букетов цветов из живых роз для раздачи всем присутствующим во время Троицкой вечерни. Раздавал букеты сразу после Литургии псаломщик. За вечернею я прочитал без пропусков все молитвы с коленопреклонением и все усердно молились. Вся служба продолжалась час три четверти. После службы меня в следующем зале ждали доктор Боткин и француз. Доктор Боткин задал недоуменный вопрос, просил объяснить, почему в последних изданиях Библии нет

некоторых книг Ветхого Завета, как Сираха и др. Я объяснил, что в Ветхом Завете должно быть 22 канонических книги, а остальные назидательные, а не канонические, то есть не вошедшие в состав Библии. Француз желал узнать о здоровье о. Александра, которого очень уважает и генерала Петрова, руководителя воспитанием и образованием царских детей. Идя далее по залам я увидел вдали, в конце коридора у дверей лифта, стоит Государыня и как будто ждёт. Я, поравнявшись с ней, остановился, делая обычный поклон, она же, протягивая мне свою руку с улыбкой сказала: „Поздравляю с праздником!“ Я поцеловал её руку и пожелал ей доброго здоровья. Более говорить было нельзя, рядом стояли офицер и солдаты, а там швейцар и караул.

Семья б. Царя и сам он неутомимо трудятся над землею. Вскопали в своём садике 60 гряд и сами засеяли разную мелочь огородную и насадили картофель. Пример работнику-мужику, получающему ныне по 12 р. в день за копку огородных гряд.

22 мая. Духов день. Литургия была в обычное время, в 11 часов. Утренняя не служилась. За Литургией присутствовали только Государыня и две княжны: Ольга и Татьяна Николаевны. Просили приехать для служения в среду ко Всенощной и в четверг к Литургии. Сегодня видел дворцового коменданта, который спросил как моё здоровье и служба, и успокоились ли моя семья и духовные дети, видя меня свободным. Получил по телефону известие из дворца, что за мною будут посланы лошади к 1/2 6 часу, но оказалось, что и в 6 не подали их. Пошёл, несмотря на дождь и грязь, пешком, да хорошо и сделал. Лошадей не прислали и после 6 часов.

24 мая. За Всенощной была вся Царская Семья и уже очень немногочисленная, оставшаяся свита. Благословения хлебов не было за невозможностью достать их. Сказали, что скоро не будет и просфор, за неимением муки. Буксгевден просила помолиться о здравии её больной матери, Людмилы. Боткину передал о том, что Петрову сделали благополучно операцию живота и не нашли

раковых бацилл и что, хотя он слаб, но не безнадёжен.

25 мая. День рождения б. Государыни. Молебен служили перед Литургией, когда в церкви была только прислуга, а Литургию начали в 11 часов. Собралась вся Царская Семья, говорил обычное слово. Никаких поздравлений и церемоний, хотя предложили выпить чашку чая. Полная пустота.

Просили сегодня же приехать во дворец, отслужить панихиду по скончавшейся в Казани Людмиле Буксгевден. Выходя из дворца, сделал увещание часовым, стоявшим у ворот, и заявил дежурному офицеру о неприличном их поведении. Уже не говоря о том, что часовые солдаты стоят неприлично, но ещё и ругаются громко самыми скверными непечатными словами. Офицер только сказал: „Товарищи! Как не стыдно вам!“ А товарищи так и остались товарищами! В 6 часов в дворцовой церкви с Протодиаконом и певчими служил панихиду. Присутствовала дочь умершей и Императрица с дочерьми.

27 мая. Суббота. В 6 часов служилась вторая панихида по рабе Божией Людмиле Буксгевден, и в половине 7 часа – обычная воскресная Всенощная. Во дворец прошёл через кухонные ворота по нижним коридорами, и даже без конвоя, прямо в церковь, где уже ждала фр. Буксгевден и просила завтра перед Литургией её исповедовать и уже после Литургии причастить.

После Всенощной по телефону дали знать, что очень больная невестка доктора Боткина просит завтра приехать к ней со Святыми Дарами, что и исполнил, и причастил болящую Елену. Больную лечит сам Боткин, которого для этого выпустили из дворца.

Узнал, что царских детей в настоящее время учат сами родители при помощи двух фрейлин, и особенно усиленно английскому языку. Имел сегодня стычку с солдатами, лежащими на траве у Феодоровского собора. Солдат наговорил дерзостей насчет „дармоедов-попов“ и заключил свою речь словами: „Что, идёшь в церковь болтать языком? Только и делаете, что болтаете“. Несмотря на это, солдаты признали, что топтать траву зря не следует и

моё замечание правильно. Встали и ушли.

28 мая. Воскресенье. В 11 часов началась Литургия, за которой не было только Алексея Николаевича. Государыня через камердинера спросила о здоровье о. Александра и пожелала узнать его квартиру. Просила также приехать завтра к 12 часам дня отслужить благодарственный молебен по случаю дня рождения Татьяны Николаевны. Мне показалось, что Государь, имеющий бледный страдальческий вид, очень болен. Что-то волнует его, но он молча, терпеливо переносит свои страдания. Молится усердно и часто на коленях.

29 мая. Понедельник. Полчаса ждём пропуска у ворот дворца. Собираются любопытные. Вышел на подъезд дежурный офицер и послал вестового сказать нам, чтобы шли к кухонным воротам. Пошли и опять ждали. Наконец, дозволили в сопровождении солдат пройти грязным коридором в церковь. Тотчас же явилась вся Царская Семья. Молебен продолжался 20 минут.

3 - 4 июня. Суббота и воскресенье. Всенощная началась в 1/2 7 часа. Присутствовала вся Царская Семья.. После службы пошёл домой пешком. В воскресенье Литургия началась в своё время. Были за службой Государь и Государыня и все дети.

5 июня. Понедельник. В 12 часов дня служил в дворцовой церкви молебен по случаю дня рождения Анастасии Николаевны, которой исполнилось 16 лет. Вся Царская Семья и их свита молились за молебном. Пред целованием Креста сказал несколько слов о той радости, какую испытывают родители, имея благонравных, сердечно любящих, детски верующих, беззаветно послушных детей, и какая бывает радость у детей, живущих под бдительным, уютным крылом родимых матери и отца. Прикладываясь ко Кресту, Государь сказал: „Благодарю вас, батюшка, за ваше доброе слово утешения“.

10 июня. Суббота, 6 часов вечера. Подъехал в карете к дворцовым воротам и попросил часового вызвать дежурного офицера для пропуска во дворец. Прошло минут пять. Является офицер с двумя солдатами и требует про-

пускной билет. Я сказал, что до сих пор, вот уже 3 месяца, меня пропускают без билета. „Нельзя, – отвечает юный прапорщик, – я вас не знаю, да и кто может поручиться за вас“. „Хорошо, – сказал я, – если не пускаете, то я уеду домой. Вы об этом заявите коменданту“. Тогда одумался товарищ и по телефону переговорил с комендантом дворца. Ворота были открыты и дан пропуск. За Всенощной молилась вся Царская Семья. Служба шла ровно час. Выпустили из дворца без затруднений.

14 июня. Среда. День рождения кн. Марии Николаевны. Во дворцовой церкви служили благодарный молебен. Ровно в 12 часов дня начался молебен в присутствии б. Государя, б. Государыни и пятерых детей. Перед целованием Креста я сказал: „Ваше Величество! 11 июня из города Колпино в Царское Село был торжественно, с крестным ходом, перенесен Чудотворный Образ Святителя и Чудотворца Николая и поставлен в Екатерининском дворце. После службы во дворце я успел приехать в собор и принять участие во всеобщем молении пред иконою Святителя Николая о ниспослании по молитвам Угодника милостей Господних и плодотворного дождя на иссохшую, жаждущую землю. Горячо и усердно молился я и о честном Доме сём, и о живущих в нём, и о всех служащих при них. Да, нам особенно в настоящее ужасное время нужна помощь Спасителя. Нужно это правило веры в переживаемое неверное, колеблющееся время. Нужен этот образ кротости и христианской любви для одичалых, надменных, озлобленных, жаждущих кровавых казней явных и тайных врагов нашей родины. Нужно это воздержание для людей, безнаказно захватывающих чужую собственность, чужое достояние, жадных до наживы, потерявших стыд и совесть, корыстных хищников. Святитель Николай был при жизни своей всем доступен: он был отец сирот, питатель нищих, утешитель печальных и плачущих, покровитель угнетаемых, защитник невинно осуждённых и томящихся в неволе. Каков был при жизни угодник Божий, таков он и теперь. Будем же молиться ему: да испросит он от Господа, Отца Небес-

ного, Мир, Тишину, Здравие, душевный покой и водворит утраченный порядок в погибающей от крамолы и разорения стране нашей“. Государь, прикладываясь ко Кресту, сказал: „Благодарю вас“.

Заметен новый порядок. Чистота на Дворцовой площади, приличное состояние часовых солдат на карауле. Первый раз не пришлось стоять у ворот и ждать дежурного офицера для пропуска.

20 июня. Вторник. Утром в 9 час. по телефону дали знать, что будут поданы лошади для приезда во дворец, где назначено служение благодарственного молебна по случаю наступления наших войск и победы, одержанной нами на Западном фронте... В назначенное время в присутствии всей Царской Семьи и их свиты был отслужен молебен с провозглашением протодиакonom многолетия Богохранимой Державе Российской, Христолюбимому воинству и всем православным христианам. Певчие и придворные пропели „Многая лета“ и „С нами Бог“...

24 июня. Всенощная в Александровском дворце служилась в обычное время и в том же порядке. Разница была только в том, что прикладываться к Евангелию после Их Величеств шли их дети по старшинству: Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и последним Алексей, чего не было раньше. Алексей Николаевич всегда шёл первым после родителей.

28 июня. По телефону из дворца сообщили, что будет служба и сегодня, и завтра. Всенощная, как обычно, началась 1/2 7 часа вечера. Была вся Царская Семья, кроме Государя, которого мы видели при входе в коридор дворца. Он перед нами вышел из своей комнаты и через коридор прошел на другую половину, из чего можно заключить, что ход по всем комнатам нижней половины дворца для него свободный.

1 июля. Суббота. День сокращён на час и часовая стрелка переведена ночью с 12 часов на один час вперед. Была совершена обычная Всенощная, за которой молилась вся Царская Семья и все служащие при них.

2 июля. Воскресенье. Перед Литургией служилась пани-

хиды по Людмиле Буксгенден, 40 день со дня смерти. Вся Царская Семья и служащие собрались к началу Литургии, а б. Наследник Алексей Николаевич пришёл к Херувимской, тихо и незаметно, отдельным ходом прямо в алтарь, и стал прислуживать: брал от псаломщика кадило, относил его на место и вновь подавал для передачи дьякону. Это – первый раз. Юный любимец своих родителей обнаружил склонность принять личное деятельное участие в Церковном Богослужении.

8 июля. Суббота. В 6 1/2 час. служилась обычная Всенощная, за которой присутствовала вся Царская Семья, возвратившаяся к тому времени с прогулки. Я видел, как торопливо шли дети и, сидящую в кресле, Царицу везли по залу. Рядом с нею шел Царь.

9 июля. От 11 час. до 12 1/4 ч. совершал Божественную Литургию. Молилась вся Царская Семья. Наследник заходил в алтарь, где ему подана была теплота и кусочек антидора. Просили приехать 11 июля к 12 час. для служения молебна. Псаломщик попросил приготовить цветы, которыми можно было бы украсить икону с изображением св. Ольги. Но ему отказали, заявив, что теперь во дворец цветов приносить не дозволяется. Из б. царских оранжерей цветы распродают, даже вынесли все растения – пальмы из зала дворца. Во всём идёт урезка и сокращение.

11 июля. День св. Ольги. В 12 час. дня служил молебен перед иконою Святой Благоверной Княгини Ольги, принесенной из комнаты именинницы – Ольги Николаевны. Св. икона была скромно украшена зеленью и несколькими простенькими розанчиками. Прикладываясь ко Кресту, Государь сказал: „Благодарю вас“. Все остальные молча целовали Крест и взаимно руку, окропляющую их святою водою.

16 июля. Воскресенье. Литургия была в своё время, и вся Царская Семья молилась. Ко кресту первым после родителей подходил, как и прежде, Наследник, а потом княжны.

22 июля. Суббота. В 6 час. вечера был отслужен моле-

бен св. равноапостольной Марии Магдалине без многолетия, в присутствии всей Царской Семьи. Сразу же после молебна началась Всенощная, которая окончилась на 1/4 часа раньше обыкновенного.

23 июля. Божественная Литургия была в своё время, при тех же молящихся и в том же порядке. Наследник прислуживал в алтаре, а к концу Литургии ушёл в зал, где стояла Царская Семья, и вместе со всеми слушал моё слово о праздновании в Феодоровском соборе памяти преп. Серафима.

По окончании Литургии, когда я спускался вниз по лестнице, мне бросились в глаза грязь, неряшество и запущенность, дивного по красоте и всегда идеально чистого, царского подъезда. Вся лестница перед входом в комнаты Их Величеств загрязнена птичьим помётом, брошенными окурками папирос и неметённым сором. Площадь перед дворцом и дорожки, идущие кругом дворца, заросли сорной травой. Газоны истоптаны караульными солдатами.

29 июля. Суббота. В 6 часов вечера два экипажа подъехали ко дворцу, хотя с разных сторон, но в одно время. Из одного вышел я, а из другого – мои сослуживцы: о. протодиакон Николай и псаломщик. Недолго простояв у ограды и дождавшись дежурного офицера, мы вошли в парк и увидели, что совершается что-то необычное. Подметена площадь, убран сор, вычищена лестница. Заметно какое-то приподнятое настроение часовых и особенно развязное поведение на крыльце, так называемых, товарищей. Со слов дежурного офицера нам стала известна причина оживления: назначен отъезд бывшего царя Николая Александровича и его семьи из Царского Села, всё готово к отъезду, который предполагается в понедельник 1 августа. Но куда? Неизвестно. Есть предположение, что уедут вглубь России, на Волгу, в Кострому...

В зале дворца, встретившие нас, Бенкендорф и Оболенский сказали что завтра, в воскресенье, после Божественной Литургии предполагается около 2 часов дня служение молебна, для чего из Знаменской церкви будет

принесена чудотворная икона, а потому нас задержат на несколько часов. Я спросил какой молебен? Напутственный? На это нерешительно ответили: „Да, можно сделать так, чтобы он был и напутственный. А впрочем, делайте так, как сами знаете“. Вот такая неожиданность! Чье распоряжение, какая причина и по желанию или принуждению это делается? Никто сказать не может. Даже неизвестно и то, кто будет сопровождать, охранять и служить при беспомощной, увозимой из родного своего дома, может быть в даль, в глушь, ещё на большую скорбь, на большие лишения, этой бывшей царственной, а ныне оскорблённой, поруганной и униженной семье.

30 июля. Воскресенье. День рождения б. Наследника Алексея Николаевича. По приезде во дворец в 9 часов утра пошёл прямо в церковь в сопровождении дежурного караула. Приготовлений к отъезду никаких не заметно. Камердинер, пришедший от б. Императрицы, принёс небольшой пучок гвоздики и сказал: „Её Величество просит положить вас эти цветы на образ Знамения Божией Матери, который принесут в 2 часа в дворцовую церковь. Эти цветы, после молебна должны быть возвращены Её Величеству обратно. Она желает взять их с собою в дорогу“. Сообщил о том, что нам после совершения Литургии будет приготовлен завтрак в покоях Марии Феодоровны, а для певчих в небольшом зале подле церкви. Больше никаких распоряжений ни от кого не получено. В 11 часов началась Литургия. Как-то чувствовалось, что это последняя Божественная Литургия, совершаемая в б. царских покоях и последний раз бывшие хозяева своего родного дома собрались горячо помолиться, прося со слезами, коленопреклонно у Господа помощи и заступничества от всех бед и напастей. За Литургией присутствовала вся Царская Семья и вся их, уже очень малочисленная, прислуга. К 12 часам Литургия кончилась. Давая целовать Крест, я сказал последнее слово на чтённое Евангелие, где между прочим указал, что выше нет любви, как любовь родителей к своим детям.

Б. Царица плакала, а б. Царь, видимо, волновался. Целуя Крест, Николай Александрович сказал: „Благодарю вас“. Все остальные подходили и целовали Крест молча. Так кончилась моя последняя служба в Александровском дворце для бывшей Царской Семьи.

После Литургии пригласил лакей завтракать. Подавал он же к столу кусок какого-то очень жирного мяса с картофелем, холодные макароны, компот из чернослива, кофе, квас и по рюмке красного вина, по кусочку чёрного хлеба и очень маленькой булке. В 1/2 2 часа, не получая никаких распоряжений, мы сами решили идти встречать икону. В облачениях, с певчими направились к главному подъезду, но оказалось, что икону несут к 4-му подъезду, запертому на замок. Пошли на 4-й подъезд и мы, где и остановились в ожидании открытия дверей. Минут через 10 ключи нашлись. Двери открыли, и мы, с пением тропаря „Необоримую стену и источник чудес“, встретили показавшуюся в дверях Св. Икону, сопровождаемую о. протоиереем Сперанским со своим дьяконом. Икону торжественно пронесли по коридорам дворца и поставили, не снимая с носилок, посередине церковного зала.

Тотчас же явилась вся Царская Семья, свита, прислуга и караул. На икону, на венчик Младенца Спасителя я положил цветы гвоздики. Начался молебен. Царская Семья, преклонив колена, усердно молилась. Ектении, Апостол и Евангелия и молитва читались по чину напутственного молебна ко Св. Богородице. Молебен кончился многолетием Державе Российской, Её правительству, воинству и всем предстоящим и молящимся в храме. По окончании молебна все приблизились к иконе и земно кланяясь пред нею, приложились к Лику Богоматери. Я снял, лежащие на иконе цветы, и подал их б. Императрице, целуя Её руку. После этого б. Государь молча подошёл ко мне под благословение, за Ним Супруга Его, дочери и б. Наследник. Икону подняли на руки, принешие её солдаты и понесли через круглое залo в парк. За иконою шло духовенство, певчие, Царская Семья на балкон до спуска в парк, где и остановились.

Икону понесли дальше, а мы, возвращаясь в церковь, уже окончательно, в последний раз, поклонились б. Царю и его семейству.

Разоблачившись, выйдя из алтаря, мы оказались одни. Все разошлись по своим местам. Дежурный караул проводил нас до ворот парка, где ждали поданные три коляски: для меня, протодиакона с псаломщиком и четырёх певчих. Так молча, незаметно, но я уверен, не бесследно кончилось мое пятимесячное служение в царском Александровском дворце для заключенной Семьи Царствовавшего Дома Романовых.

1 августа. Без 1/4 6 часов утра Александровский дворец лишился своих жильцов – опустел. Всю ночь никто не ложился спать. Ночь прошла тревожно. К утру были поданы автомобили, и вся б. Царская Семья, измученная долгим ожиданием, со слезами простившаяся с родным домом, отправилась в дальнюю дорогу, в неизведанную глушь, в холодную Сибирь.

2 августа. Появились газетные известия о выезде семьи Романовых в Тобольск.

3 августа. Четверг. В 12 часов дня приехал ко мне на квартиру гр. Бенкендорф и привёз с собою в футляре наперсный хрустальный в золотой оправе, на золотой цепочке, крест. Вручая крест мне, граф сказал: „Их Величества Государь и Государыня, поручили мне передать вам этот крест на память от Них в благодарность за вашу прекрасную усердную службу, за ваши утешительные слова и назидания, которые так глубоко проникали в их сердца и успокоительно на них действовали. Эту сердечную благодарность Они выражают как от Себя, так и от Своих детей, просят ваших молитв, в которых так нуждаются и надеются найти отраду и утешение“.

Сообщил и о том, что последняя ночь на 1 августа прошла для всех отъезжающих очень грустно и весьма тяжело. Было сделано распоряжение собраться в дорогу к 1 часу ночи, но утомительно пришлось ждать, одетыми по-дорожному, до 6 часов утра.

Дня за 3 до отъезда было известно, что временное пра-

вительство решило переселить б. Царя из Царского Села. Но куда? Неизвестно. Просились на юг, в Крым, и радовались, особенно дети, получить свободу, избавившись от строгого затвора. Но когда было сказано, чтобы запасались тёплыми одеждами, к ужасу, стали догадываться, что поедут на север, а когда стало известно о дорожном запасе провизии на 5 суток, то к ещё большему ужасу стали предполагать, что место ссылки – Тобольск. Со слезами выехали из родного дома. Вместе с ними добровольно поехали: князь Долгоруков, доктор Боткин, француз-учитель, Гендрикова, Шнейдер и няни. Весь состав с прислугой – около 50 человек. Последние слова б. Государя были: „Мне не жаль себя, а жаль тех людей, которые из-за меня пострадали и страдают, жаль Родину и народ“.

Из дневника А. С. Демидовой

**(Царское Село 2 августа –
Тобольск 15 сентября 1917 года) ***

2 августа 1917 г. Итак, наш отъезд состоялся. В понедельник 31-го шла усиленная укладка (а я всё ещё надеялась, что наш отъезд – неизвестно куда? не состоится и будет отложен хотя бы на несколько дней). В понедельник 31 июля в начале 12 часа ночи начали выносить сундуки вниз в круглый зал (туда же выносили людской багаж и кухонный). Красивый круглый зал напоминал таможеню. Каждый должен был следить за своим багажом, чтобы ручной багаж не перепутали. В 12 ч. ночи все отъезжающие находились в зале и смотрели как выносили багаж в сад через балкон, к которому вплотную подходили грузовики. О ужас, шёл второй час, а багаж не

* Публикуется впервые. Анна Степановна Демидова – комнатная девушка Императрицы Александры Феодоровны. Расстреляна вместе с Царской семьей в Екатеринбурге.

уменьшался и мы видели, что раньше 3-х часов не перенесут всего (а поезд должен отойти в час!). Наконец всё перевезли, но тут стали говорить, что наш поезд не вышел ещё из Петербурга, и никто не знал почему. В 12 часов приехал Керенский с Михаилом Александровичем* и через 10 минут уехал. Началось томление, все устали, ходили сонные как мухи, и никто ничего не понимал. Стали думать, что, пожалуй, сегодня отъезд не состоится. Захотели чай. Принесли чай и все накинулись на него с жадностью. Наконец по уголкам на креслах и на диванах многие задремали и одна заснула и скатилась со стула.

В 5 часов утра 1-го августа приехали и объявили: „Можно ехать“. Мы поехали на Александровский вокзал вместо часа в 5 часов. Солнце взошло, но грустная картина была в минуту отъезда. На балконе стояли все люди и с выражением отчаяния провожали нас.. Было четыре мотора, я ехала в последнем с Татьяной Николаевной, Марией Николаевной, Анастасией Николаевной и графиней Гендриковой.** Когда мы уселись в поезд и тронулись было без 10 минут 6 часов утра. Спать не хотелось больше, нервы были натянуты.

Не раздеваясь, я пролежала до 9 часов утра 1-го августа, вымылась и пошла в столовую в 9 1/2, где застала Татищева.*** В час был завтрак с Хозяевами, за исключением Государыни и Алексея Николаевича. Он устал не спавши до 6 часов. Очень вкусный стол (завтрак и обед

* Великий Князь Михаил Александрович – брат Государя, генерал-адъютант, член Государственного Совета. В марте 1917 года отказался вступить на Российский Престол до решения Учредительного Собрания. Злодейски убит в окрестностях Перми в июне 1918 года.

** Графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, фрейлина Великой Княгини Ксении Александровны, сестры Государя. Добровольно последовала за Царской Семьей в Сибирь, затем сопровождала Царских детей в Екатеринбург, где была разлучена с ними и заключена в тюрьму. Расстреляна 24 августа 1918 года в Перми.

*** Илья Леонидович Татищев, генерал-адъютант, в числе Царской свиты и прислуги отбыл в Тобольск. Сопровождал Царских детей в Екатеринбург, где был заключён в тюрьму и вскоре расстрелян.

делятся на 3 группы). В 5 часов чай в столовой, кто хочет. Выйти нам не разрешается и на остановках нужно опускать шторы. В 7 1/2 была остановка и мы все пошли гулять; собирали голубицу, бруснику (она ещё не созрела). День был утомительно жаркий, даже в 8 часов вечера. Обедали в 8 часов и опять 11 человек (без Государыни и Алексея Николаевича). В 10 часов все улеглись так как предыдущую ночь не спали.

Сегодня, 2-го августа, все уже знают „куда“ мы едем. Тяжко думать о том, куда нас везут. Пока в дороге, меньше думаешь о том, как будет дальше, но на душе тяжелее, как только вспомнишь как ты далека от родственников и увидишь ли их опять и когда?! Я пять месяцев не видела ни разу сестры.

Мы проезжаем поля и леса; много заготовлено дров. Видели много выгоревшего и горящего лесу. Сегодня в 6 часов была остановка в поле, и все выходили гулять. Вошли в лес в сопровождении коменданта, его помощников и охраны, которая нас здорово охраняет с двух сторон. В 8 часов был обед – с тем же составом. (Очень хорошо и разнообразно кормят. Повара китайцы, а подают армяне и один осетин). Мы едем в международных вагонах – очень чистые и удобные.

Четверг. 3-го августа. Хорошо спала в первый раз после долгого времени. Последние две недели, когда узнала, что нас намереваются „куда-то“ отправить, жила нервно, мало спала, волновалась неизвестностью куда нас отправят. Это было тяжелое время. Только уже дорогой мы узнали, что мы „на дальний север держим путь“ и как подумаешь только – „Тобольск“, сжимается сердце. Сегодня на одной из остановок (конечно, мы не выходили) кто-то на станции спросил нашего вагонного проводника: „Кто едет?“ Проводник серьезно ответил: „Американская миссия“ так как на поезде надпись – „Американская Миссия Красного Креста“. „А отчего же никто не показывается и не выходит из вагонов?“ „А потому, что все очень больны, еле живы...“

Выходили гулять в 6 1/2 часов, шли вдоль реки Сылва

– приток Камы. Красивый вид. Высокая скалистая возвышенность, покрытая густым лесом. Ходили час, прошли к обрыву. В 8 1/2, после обеда Боткин, Татищев, князь Долгоруков* и я играли в вист.

Пятница, 4-го августа. Встала в 8 часов, пила кофе в столовой с Татищевым. Проехали станцию Кунгура. До завтрака читали у себя в купэ. Завтракали в час. Едем весь день очень тихо, с большими остановками, чтобы приехать в Тюмень в 10 часов вечера. В 4 часа гуляли в поле. Какие бесконечные поля ржи, овса, пшеницы, ячменя; много уже сжато. Местами овёс очень низкий, чуть взошёл. Но хлебные поля тянутся на десятки вёрст. Приближаемся к Тюмени. Ползём почему-то. Стоим в поле без конца. Приехали в 11 часов 15 минут в пятницу вечером в Тюмень. Поезд подошёл вплотную к пристани на реке Туре, впадающей в Тобол, и мы из вагонов перешли на пароход, довольно примитивный. Никаких удобств. Первое впечатление самое безотрадное: особенно было тяжело, что для Хозяев ничего не было приготовлено. Всё одинаково для всех. Жёсткие диваны и ничего больше, даже графинов для воды нет ни в одной каюте. Каюты – довольно большие комнаты с двумя или одним диваном и весьма неудобным умывальником. Рассчитано на людей, не привыкших много умываться. Можно вымыть нос, но до шеи воды не донесёшь – мешает кран. Столовая и гостинная приличные. Освещение электрическое. У кого были своя подушка и плед, тот мог прилечь, а то – хоть сиди всю ночь. Прислуга на пароходе – простая женщина и мужичок. Начали переносить ручной багаж и стали устраивать постели. Я легла в 3 часа ночи. В это время переносили весь наш тяжелый багаж. Мы отошли от Тюмени в 5 часов утра. Идём по реке Туре, которая впадает в Тобол.

* Князь Василий Александрович Долгоруков, гофмаршал, пасынок обер-гофмаршала графа П. К. Бенкендорфа. Отбыл с Их Величествами в Тобольск, сопровождал Царя в Екатеринбург, где был взят в тюрьму и вскоре расстрелян.

Суббота, 5-го августа. Почти не спала. Встала в 9 часов утра. Умывальник неудобный, даже мыться, как привыкла, нельзя. По берегу громадные пространства мели, грустный вид. Река Тура очень мелка, местами не более 2-х аршин глубины (ходят только плоскодонные суда), она страшно извилистая и мы сегодня на повороте ткнулись в берег.

Воскресенье, 6-го августа. Пишу в 11 часов утра. Ночью вошли в реку Тобол. Тобол шире и глубже. Волна бурая. Берега такие же плоские, низкие, такие же оползни. Свежо, проглядывает солнце. Вдали виден мелкий лес. Мы идём скорее. Сказали, что прибудем в Тобольск сегодня в 8 часов вечера. В 12 1/2 был завтрак. В 1 час остановились у небольшого села и стояли до трёх часов. Стали укладываться. В 4 1/2 был чай с холодной закуской. Прибыли в Тобольск в 6 часов. Князь Долгоруков с Макаровым* поехали в губернаторский дом, чтобы распределить комнаты. Через два часа они вернулись с печальным известием. О, ужас! Дом почти пустой; без стульев, столов, умывальников, без кроватей и т. д. Зимние рамы не выставлены с лета и грязны, всюду мусор, стены грязны. Словом, дом совсем не был приготовлен. Теперь идёт чистка, протапливают печи и покупают мебель, которую в Тобольске найти трудно, так как это, скорее, уездный город, где ничего достать нельзя. Ситцу спросили, – говорят нигде нет. Даже чернил нельзя достать. Так мы сидим на пароходе, пока не будет всё готово... Да, это был для нас удар.

Понедельник, 7-го августа. На Иртыше. Сидим на пароходе. Погода пасмурная, дует холодный ветер с дождём, выглядывает по временам солнце. Идёт всё время разговор, как нам разместиться, так как в одном доме всем места нет. Нечего делать, все вещи с парохода перевезены в губернаторский дом, остались с ручным багажом.

* Комиссар временного правительства по охране Царской Семьи. 1-го сентября был сменён В. С. Панкратовым.

Вторник, 8-го августа. Погода переменная, свежо. Ходили в город, в губернаторский дом. Всё ещё грязно, чистка подвигается медленно, мебели мало и самых необходимых вещей нет. Ужасно грустно. В 3 часа поехали по Иртышу прокатиться, останавливались у берега и выходили погулять в поле. Вечером князь Долгоруков и я играли в бридж.

Среда, 9-го августа. И сегодня стоим на Иртыше – всё на том же месте: у пристани. Утром ходила в город. Смотрела меховые вещи из оленьей шкуры и валенки. Валенки из оленьей шкуры страшно дорогие, 40 рублей, а меховые пальто с шапкой (в одно) 200 рублей. За всё здесь запрашивают невероятные цены. Уже стали повышать цены на съестные припасы, зная, кто сюда приехал.

Четверг, 10 августа. Сидели весь день дома. В 6 часов дождь перестал, выглянуло солнце. Настенька пошла в город. У Алексея Николаевича заболела рука и ухо; он, бедный, плакал. У Великой Княжны Марии Николаевны повышенная температура – 38,6. Она лежит. Жильяр* седьмой день в постели. День ужасно тоскливый.

Пятница, 11 августа. Сегодня чудный солнечный день. Ходила утром с Настенькой и Долгоруковым в город. Днем в 3 часа двигались на пароходе и выходили на берег гулять, – было очень жарко. Я оставалась на пароходе с Ея Величеством, Великой Княжной Марией Николаевной и Алексеем Николаевичем. Настенька днем ходила в город и купила мне бумагу почтовую и чернила.

Суббота, 12 августа. Сегодня утром в 10 часов князь Долгоруков, Настенька, /.../, Татищев, я, комиссар Макаров ездили смотреть мебель в городе к частным лицам, которые продают.

Воскресенье, 13 августа. Утром в 10 часов Татищев, Настенька и я перешли пешком с нашего парохода „Русь“ в

* Жильяр Пьер – Петр Андреевич, учитель французского языка у Царских детей. Добровольно последовал в Сибирь, сопровождал Царских детей в Екатеринбург, где был разлучён с ними.

дом Корнилова *. В 10 1/2 часов Государь, Наследник, все Великия Княжны перешли, так же пешком, в губернаторский дом, а Государыня и Великая Княжна Татьяна Николаевна ехали в коляске. Больного Жилика привёз Боткин в пролётке. В 12 часов был молебен, пели монашенки. В час все собрались в столовую в губернаторском доме завтракать. После обеда Их Величества и Великия Княжны перешли в дом Корнилова посмотреть как мы все помещены. Но наш дом совсем не устроен. Стали немного разбираться, но кроме кровати в первый день ничего не получили. Нашли всего три глиняные чашки, чтобы умываться – во всем доме нет ни умывальников, ни шкафов; только несколько столов и стульев. Говорят, что в доме Корнилова был окружной суд, а в бывшем губернаторском находился Совет рабочих и солдатских депутатов. Выехали они за 3 дня до нашего приезда и оставили неимоверную грязь. **

Понедельник, 14 августа. Утром ходили пить кофе в дом № 1 (а наш дом № 2). Потом пошла по городу искать чаши для умывальников. Нашла только два глиняных горшка. Купила утюг в гостинном доме. Завтракали и обедали все вместе в доме № 1. После завтрака пошли искать чернильницу. После обеда Алексей Николаевич играл в „Крепость“ с Государем и остальные играли в игру: собирать семейство.

Вторник, 15 августа. Сегодня праздник. Успение Богородицы. Была обедница в 11 часов в зале дома № 1. Священник очень симпатичный. После весь день сидела и разбиралась в своих бумагах.

Среда, 16-августа. Чудная погода весь день. Выходила,

* Корнилов – богатый тобольский купец, владелец дома, занятого свитой и находившегося против губернаторского дома.

** Описание бывшего губернаторского дома интересно сравнить с „мемуарами“ большевистского комиссара Авдеева: „Внутри дом был роскошно меблирован: помимо имевшейся губернаторской мебели, которая полностью осталась после губернатора, часть мебели была доставлена из Царского Села“. **Ред.**

утром искала кувшин, был всего один, за который спросили 6 р. После завтрака с графиней пошли к памятнику Ермака. Вид с горы очень красивый, виден Иртыш. Спустились с горы по ступенькам, которых сто. Солнце палило и было страшно жарко подниматься (я думаю, градусов 30).

Четверг, 17-го августа. Погода жаркая. Утром Маша* пошла купить ведро. После завтрака я пошла отыскивать красильню. Нашла в частном доме, а не магазин. Всё здесь очень примитивно. Нигде решительно нет мощёных улиц. После обеда пришла домой в 11 часов.

Пятница, 18-е августа. Погода тёплая. В тени 25 градусов. Утром приехала Маргарита Хитрово.** Заходила в наш дом и виделась с Настенькой. После завтрака она опять зашла, принесла конфеты, духи и образочки, и вместе с Настенькой пошла искать себе комнату. Ничего не нашли. Тогда Хитрово пошла одна на поиски себе комнаты. Вечером пришёл судебный следователь и сделал обыск в принесённых ею вещах, но через час вернулся и сказал, что ему необходимо осмотреть и вещи (книги, бумаги и т. д.) графини Гендриковой. Такой осмотр вещей в комнате графини Гендриковой нас всех очень поразил. Хитрово уже больше к нам не пришла и на другой день, 19-го, её отправили обратно. Всё это очень странно.

Суббота, 19-го августа. Погода дивная, на солнце 37 градусов.

Воскресенье, 20-е августа. Погода с утра жаркая, днём на солнце 35 - 36 градусов. Была в зале обедница. Ходила в огород, хотела там почистить грядки, но так всё заросло, что не стоит приниматься. Просидела дома, читала газету. Разбиралась в бумагах.

Понедельник, 21-го августа. Погода такая же как и

* Вероятно, камер-юнгфера Мария Густавовна Тютельберг.

** Маргарита Сергеевна Хитрово, фрейлина. Последовала за Царской Семей в Tobольск, где сразу же была арестована по личному распоряжению Керенского и под конвоем доставлена в Москву. Была заподозрена в участии в заговоре по освобождению Царской Семей из плена.

вчера. Утром с 11-ти до 1-го читала с Алексеем Николаевичем. После завтрака пошла искать красильню.

Вторник, 22-го августа. Погода такая же. Читали с Алексеем в 6 часов в его комнате. После завтрака ходила с Машей, показала ей, где живёт прачка.

Среда, 23-го августа. Погода такая же жаркая. 30 градусов на солнце. Утром в 10 часов в саду читали с Алексеем Николаевичем. Маша одна ходила в красильню и купила мне чёрной тесьмы и чёрн. бубош. для штопки. В 3 часа я ходила с князем по лавочкам – искали эмалированные чашки – нигде нет. Пошёл дождь и через 1/2 часа опять была чудесная погода.

Четверг, 24-го августа. Погода очень жаркая, на балконе в 2 часа было 34 градуса. Утром читала в столовой с Алексеем Николаевичем. Сейчас купили телеграммы. Рига взята без боя... Какой ужас! Какая тоска. Что же будет дальше? В депешах – арестован Великий Князь Михаил Александрович. Не выходила из дома. В 12 часов приехал Владимир Николаевич Деревенко.*

Пятница, 25-го августа. Погода тёплая, хорошая, но ветер. Урока у Алексея Николаевича не было. Он простужен, насморк и сильно кашляет. У Анастасии Николаевны болят уши. Ольга Николаевна – насморк уже неделю. В 12 часов дня приехал доктор Деревенко и привёз письма.

Суббота, 26-го августа. Погода свежее – ветреная. Уроков не было. После завтрака выходила гулять. Вечером в 9 часов было свежо. Узнали, что Великая Княжна Мария Павловна** невеста. Выходит замуж за князя Путятина***. Она пишет Великой Княжне Ольге Николаевне и просит сообщить Их Величествам. Пишет, что очень счастлива, и что эта любовь уже полтора года.

* В. Н. Деревенко – доктор медицины, лейб-медик.

** Великая Княжна Мария Павловна, дочь Великого Князя Павла Александровича, по первому браку герцогиня Зюдерманландская, вступила в мorganатический брак с князем С. М. Путятиным.

*** Князь Сергей Михайлович Путятин, сын М. С. Путятина, генерал-майора, начальника Царскосельского Дворцового Управления.

Воскресенье, 27-го августа. Погода свежее. В 11 часов была обедница. В комнате 18 градусов.

Понедельник, 28-го августа. Погода хорошая. В комнате у меня 19 градусов. Удручающее впечатление – Рига взята. Ходила на пристань узнать, когда придёт пароход из Тюмени. Татищева мать скончалась.

Вторник, 29-го августа. Ночью шёл дождь. Утром свежо. В 11 часов была обедница. Днём в 2 часа выходила на 1/4 часа. Катя* не приехала. Узнали, что Великие Князья Павел Александрович и Михаил Александрович арестованы. Алексей Николаевич – кашель. Завтракал Владимир Николаевич, привез письма от Ольги, Сони... Я же не выходила.

Среда, 30-го августа. Ночью в 12 часов пришёл пароход „Кормилица“, на котором приехала Катя.

Четверг, 31-го августа. Утром в 9 часов с парохода приехала Катя. После осмотра её вещей её пустили ко мне. Погода свежая, но хорошая.

Пятница, 1-го сентября. Приехала Клавдия Михайловна**. Я её видела из моего окна. Она шла в одном платье сестры милосердия. Тепло.

Воскресенье, 3-го сентября. Был заморозок. Но днём было тепло. Татищев, Настя, князь Долгоруков и я пошли на гору, идти было очень жарко.

Вторник, 5-го сентября. Пошла гулять по улице; на солнце так жарко, сняла кофточку. Встретила Клавдию Михайловну. О, Боже! Объявлена „Республика“ во главе с Керенским и это до Учредительного собрания.

Пятница, 8-го сентября. В первый раз пошли все и Их Величества пешком в церковь. На возвратном пути из церкви собралась толпа – держали себя чинно. Весь день никуда не выходила. Погода дивная, тепло.

Воскресенье, 10-го сентября. С 12 часов была ясная погода. В церковь не пошли; была дома обедница. Днём

* Катя – Екатерина Адольфовна Шнейдер, гоф-лестриса.

** Клавдия Михайловна Битнер, учила Царских детей в Тобольске.

сидела дома и читала. Вечером, как всегда, было чтение. Читал Долгоруков.

Понедельник, 11-го сентября. Погода с утра солнечная и тёплая. Писала Клавдии Михайловне и дала ей список учебников. Вечером чтение, читал Государь.

Вторник, 12-го сентября. С утра пасмурно. Днём солнце – тепло. Занималась с Алексеем Николаевичем. От 3-х до 4-х часов была со всеми в огороде. Вечером чтение до 11 часов, читал Боткин.

Среда, 13-го сентября. Погода дождливая – страшная грязь. От 9 до 10 занималась с Алексеем Николаевичем. Днём выходила. Купила сапожную мазь, эмалевую краску для ведра. Выкрасила свое жестяное ведро. Вечером в зале дома №1 была всенощная. Я не оставалась на чтение, т. к. надо было в четверг встать в 7 часов. Маша страшно кашляет, был Боткин.

Четверг, 14-го сентября. Встала в 7 часов, т. к. обедня в церкви и начало в 8 часов. Пошли „все“ вместе. Если бы не были через дорогу положены доски, нельзя было бы пройти – такая непролазная грязь. Служба была для Их Величеств – без публики. Пришли из церкви – пили кофе. Сегодня утром приехала Виктория Владимировна Николаева * к Гендриковой и дочь Боткина **. Получили открытку от Ольги от 6-го сентября.

Пятница, 15-го сентября. Погода опять хорошая. Занималась с Алексеем Николаевичем. Не гуляла.

* Виктория Владимировна Николаева – воспитанница графини Гендриковой.

** Татьяна Евгеньевна Боткина – в замужестве Мельник, дочь лейб-медика Е. С. Боткина, поселилась вместе с отцом в доме Корнилова и оставалась в Тобольске до отъезда Царских детей в Екатеринбург 7 мая 1918 года.

САТИРИЧЕСКИМ ПЕРОМ

П. П.

От преддверия коммунизма до Тысячелетия Крещения Руси

**НОВЫЙ МОСКОВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ
1979 - 1988**

(Продолжение. Начало см. «Вече» № 36)

1982

В этом году события накапливались, напоминая горную лавину: они начинались с малых дел и постепенно переросли в обвал.

КОНЕЦ МОГИЛЬЩИКА. 28 января помер на 80-м году Михаил Суслов, второй человек среди коммунистов, состоявший членом ЦК более 40 лет (с 1941-го). Он заслужил себе кличку „могильщика“: был одним из тайных руководителей снятия в 1964 году Хрущева; „закопал“ немало чинов поменьше; незадолго перед кончиной посетил Польшу, где после того было введено военное поло-

жение и распущена „Солидарность“. Похоронили его по разряду выше даже косыгинского: не в стене, а по-за мавзолеем, подле Буденного.

Леонид Ильич, отчего Суслов-то умер? – А не надо на работу опаздывать. – Ну и строго же у вас! А с чего работа обычно начинается? – Как с чего: с реанимации...

Брежнев Суслов достал ещё с того света: накануне смерти, по всей видимости видимо он, благословил раскрыть „бриллиантово-цирковое дело“, в котором была замешана Лёнькина дочь Галина. Проведший расследование первый заместитель главы КГБ генерал Семен Цвигун (протащивший себя вместе с женой по-совместительству ещё в члены союза писателей) положил бумаги на стол ЦК и тут же странно скончался (наиболее вероятно, что застрелился). А наказание спустили на тормозах: брежневская дочка легла лечиться в „дурдом санаторного типа“ имени Кащенко; сын же его, вместо поста заместителя министра внешней торговли, отправился вторым секретарем в провинцию.

ФАНАТЫ. Чтобы хоть чем-то отвлечь народ, не без участия тайных подстрекателей, раздута была вражда самодеятельных молодежных объединений вокруг совершенно дурацких знамён (что весьма напоминает ещё византийские обычаи делить общество на партии, „болеющие“ за четыре цирковых команды – „голубых“, „зелёных“, „красных“ и „белых“). Сперва 20 апреля в юбилей Гитлера (за два дня до Ульянова-Ленина „дня рождения“) в Москве на площади Пушкина устроили выступление юные „фашики“ (фашисты). Их забрали в милицию; это оказались дети начальства – и, пожурив недостатки в комсомольской работе с молодой порослью, до поры выпустили на поруки. Затем разгорелась бессмысленная распря молодых болельщиков „Спартака“ и ЦСКА: они являлись на улицах в одеждах „форменного цвета“ своих команд, устраивали потасовки и испакостили надписями из распылительных баллончиков с краской стены города. Кое-кто пытался придать разгильдяйным забавам полити-

ческий оттенок, называя „спартаковцев“ (это клуб работников торговли) левыми и пацифистами, а сторонников армейской команды ЦСКА – правыми и „патриотами“. Постепенно движение, не имевшее под собою действительно духовного основания, рассеялось. Но как бы предупреждением свыше оказалась трагедия в октябре на самом большом стадионе столицы в Лужниках, когда на матче „Спартак“ из-за расхлябанности и ротозейства в давке погибло 66 человек и около полутора сотен было ранено (подробности об этом написали лишь во времена горбачевской „гласности“).

МОЩИ НОВОМУЧЕНИКОВ – явлены были в Иерусалиме 1 мая в храме Русской Зарубежной Церкви Гефсиманского монастыря. Здесь в подклете лежали тела великой княгини Елизаветы Федоровны и верной келейницы её, монахини Варвары, сброшенных в шахту в уральском Алапаевске в 1918 году; при Колчаке их извлекли и через Пекин доставили в ту самую иерусалимскую обитель, где когда-то желала быть погребенной сама Елизавета Федоровна, принеся в храм служебное Евангелие и утварь. В торжестве прославления принял участие Патриарх Иерусалимский Диодор (что сковало уста политических противников канонизации новомучеников, ибо он почитается как предстоятель Матери православных Церквей). „Ваше прибытие сюда свято, – сказал Патриарх иерархам Зарубежной Русской Церкви, – как свято и дело, вами предпринятое, ибо и то, и другое касается людей, претерпевших мучения за Православие“

Дабы как-то затмить высокий духовный смысл события, на Москве была затеяна конференция последователей всех религий (за исключением разве чёрной магии) о „Спасении священного дара жизни от атомной катастрофы“. Это была обыкновенная широковещательная туфта, куда заполучили некрепкого разумом бельгийского каноника-коммуниста (!) Гоора и создателя собственной церкви из Америки Билли Грэма. Этот чайник поклялся своим последователям „пройти с крестом от Бреста до

Камчатки“ и был несколько удивлён, что за много веков до него подобное уже совершено русскими миссионерами. Но он быстро совладал с собою, стал ездить на государственной „Чайке“ и широко питаться за казённый счёт: по возвращении „доктор“ Грэм заявил, что сжевал не менее трех кило чёрной и красной икры, чего ему на Западе никогда не доводилось делать. Насчёт преследований он сказал, что ничего подобного не заметил. Как раз во время его гощевания был второй раз посажен писатель Леонид Бородин, некогда один из членов ВСХСОН (Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа), а за ним арестовали ещё дюжину человек из „типографической компании“, размножавших разрешенную, но малотиражную православную литературу... Тогда же „самораспустилась“ запуганная Хельсинская группа.

ПТИЦЫ АПОКАЛИПСИСА. В октябре печать поместила историю случайно обнаруженных в сибирской тайге раскольников, ушедших туда от гонений в 1936 году и с тех пор живших семьей в одиночестве (фамилия их Лыковы). Отказавшихся от гражданства не стали сурово корить, а лишь „изучали“ как подопытных животных. Связь с нынешней культурой вскоре всех, кроме младшей дочери, одарила болезнями и свела в могилу. Зато весьма замечательно их отношение к „прогрессу“. 84-летний старик Карп Анисимович похвалил пластмассовые кульки за то, что в них удобно сохранять хлеб, – а вот про давно летавшие над их займкою самолеты спокойно заметил: ничего удивительного, ещё в Апокалипсисе сказано наперёд, что в последние времена в небе появятся железные птицы.

КОНЕЦ БРЕЖНЕВА. На этот год выпало то, чего давно устали ожидать и, что называется, „жданки съели“. Как и положено, грядущие события сперва отбросили тень впереди себя.

4 апреля умер Брежнев – но другой, однофамилец академик Димитрий, почти того же возраста (77 лет). 24

марта при посещении Лёнькой тракторного завода в Ташкенте над его бедовой головой обломился пешеходный мостик, а бросившийся спасать генсека телохранитель довольно-таки сильно бедолагу зашиб. Однако в годовщину Ленина, в апреле, Лёня вновь предстал пред очи телевизора, поддерживаемый под руку заранее уготованным преемником К. Черненко – хотя доклад зачитал конкурент последнего, шеф КГБ Ю. Андропов. При этом поминали случайно совпавший шуточный рассказ в последнем номере журнала «Аврора» за прошлый год. Он там долго провалялся – и вдруг кого-то угораздило тиснуть этот „Юбилей“ как раз на 75-й странице к брежневскому 75-летию: а начиналось всё тем, что, дескать, „я думал, ты давно помер, и надо же – оказывается, справляешь свою круглую дату“. Редакцию разогнали, а по домам подписчиков ходили доброхоты из органов и изымали насильно номера.

Постепенно прибирая к рукам ниточки, за которые можно было бы зацепить брежневскую команду, андропово КГБ раскрутило дело фирмы „Океан“ (по странному совпадению директором одноименного магазина в Москве был некто Фишман), по которому расстреляли даже замминистра рыбной промышленности В. Т. Рытова; замили и связанного с дочкой генсека директора „Гастронома № 1“ (бывшего Елисеевского), которого год спустя тоже казнили.

25 мая на пленуме ЦК 67-летний Андропов был перемещён с поста главы госбезопасности на опустевшее кресло Суслова – „по идеологии“. КГБ поручено руководить бывшему начальнику армейской разведки, а затем шефу украинской Чеки Ю. Федорчуку. Тут вышло занятное историческое соответствие: в 1981 году напечатан был очередной 4-й том „Памятников литературы древней Руси“, где среди прочего помещена полторастраничная „Повесть о Шевкале“ 1326 года. Речь в ней идёт о том, как во время ига в Твери татарин отобрал кобылу у русского дьякона. Началась драка, отряд захватчиков побили – но один убежал в Орду и вызвал нашествие, погубив-

шее сотни тысяч человек, а также навсегда лишившее Тверь прав на великое княжение в Руси. Так вот, имя дьякона, затеявшего смуту за кобылу, было – Дудко, а воевода татарского войска звался Федорчук!..

Тот же цековский пленум принял таинственный документ по имени „Продовольственная программа“ (о котором речь уже шла вкратце выше). В нем обещалось предпринять вскоре меры, чтобы хоть как-то утолить недоедание народа. Посулам этим уже мало кто верил; но примечательна сама замена целей – вместо светлого коммунизма хотя бы полный желудок. Люди откликнулись на все эти завлекательные басни (которые и на деле оказались враньём) новым взрывом отчаянных анекдотов:

Вывеска в гастрономе: „Наш магазин борется за звание продовольственного!“

Встречаются в недалёком будущем два скелета. „Ты когда умер – до выполнения Продовольственной программы или после?“ – „Я-то до. А ты?“ – „А я ещё и не умер...“

Объявление на улице: „После окончания Продовольственной программы будет произведена перепись оставшегося населения“.

И ещё, соединяя народное имя дешевого вина „бормотуха“ и пять золотых брежневских наград, такая загадка:

Что такое „бормотуха пять звёздочек“? (а надо помнить, что „звёздочками“ обозначается качество марочного коньяка). – Выступление Брежнева по телевизору! (генсек крайне косноязычен).

Из среды этого мелко плещущего чёрного юмора будто скала торчит подлинная и нешуточная беда, возникшая почти в то же время. Это – созданный неким А. С. Березнером умопомрачающий проект поворота рек русского Севера и Сибири на юг – туда, где свои водные запасы разорены безобразными плотинами и оросительными каналами. Такого размаха переделка природы должна была принести изменения среды человеческого обитания по всей планете: например, предполагалось перегородить через Соловки Белое море, так чтобы запертый участок наполнился пресной водой до краёв и заставил Двину

течь назад, став „антирекою“ (!). Потери оставшихся памятников культуры колыбели русской государственности были бы невосполнимы. /.../

В сентябре ТАСС напечатал опровержение слухов о том, что на декабрь намечена смена Брежнева тройкой: Андропов-Тихонов-Черненко. А 10 ноября, в половине девятого утра, жена нашла Брежнева лежащим мертвым на полу своего кабинета. Объявили об этом лишь на следующее утро в 11 часов; впрочем западные средства информации сообщили про конец временщика лишь двумя часами ранее – знать, и у них небезгрешно работает осведомление. Помер Лёня в „День советской милиции“; а сороковины пришлось на его день рождения.

ВРЕМЕНЩИК АНДРОПОВ. 11 ноября целый день в Кремле заседало руководство коммунистов; город был наводнён войсками МВД и КГБ. Поскольку намеченный Брежневым наследник Черненко явно представлял собою редкий случай еще бóльшего ничтожества, чем последний временщик, Политбюро решило выбрать не его, а главу госбезопасности Андропова, надеясь, что он хоть немного наведёт порядок.

12 ноября срочный пленум ЦК подтвердил принятое заранее решение, причем для того, чтобы убедить народ в „единстве“ (что совсем не удалось), предложение выдвинуть Андропова, заставили прочесть Черненко. Тут под рукой сразу пронеслось, что

ЦК КПСС переименовывается в ЧК КПСС.

Немедленно печать принялась восхвалять заслуги нового временщика – продых между двумя видами лжи продолжался всего один день. Поскольку, вместо культуры в СССР учреждён „культпросвет“ (культурное, якобы, просвещение), то, играя двумя смыслами слов, ещё появилась такая загадка:

Что такое „культпросвет“? – Это небольшой просвет между куклами.

В воскресенье 14-го в православных храмах страны, по приказу свыше, после обедни была отслужена панихида,

где старый генсек поминался формулой – „новопреставленный Леонид“ (без „раба Божия“). Патриарх выразил было желание среди прочих почтить память праха в Колонном зале „Дома Союзов“ (бывшего Благородного собрания), но председатель Совета по делам религий ему резко отказал – нет времени; через несколько минут он в перепуге позвонил и попросил прибыть немедленно, – посещение Святейшего показали тотчас по телевидению. 15-го, в день похорон, в полдень загудели заводы, фабрики – а кто-то, как будто, расслышал и кремлёвские колокола (!), молчащие с 1918 года (в действующих храмах и вправду заставляли звонить). Положили брежневские останки рядом с Держинским, позади мавзолея.

Новый временщик, Юрий Владимиров сын Андропов, родился в 1914 году (то есть ему при вступлении в должность было 68 лет) на станции Нагутской Ставропольского края в „семье железнодорожника“. Существуют веские сомнения насчёт и „сына Владимира“, и того, был ли сей „Владимир“ железнодорожником. Дело в том, что Андропов имел не только неестественную для русского уха фамилию, но и явно семитскую внешность, а среди советской верхушки подобное происхождение хотя и далеко не редкость, но его принято стыдливо скрывать. Поэтому даже в той комнате музея города Рыбинска, на несколько лет переименованного в „Андропов“, где хранились снимки генсека с детства, вид дома, где он явился на свет, его парадные штаны и ваза с портретом, подаренная в юбилей благодарными чекистами – не было ни единого изображения родителей временщика огромного государства. Таким образом, это был первый правитель самой большой в мире страны, об отце и матери коего никому ничего не известно (что невольно толкнуло апокалиптически настроенных людей провидеть в нём, – добавив предыдущие деяния – антихристово злое семя). Любопытно также, что станица Нагутская появляется в первых главах эпопеи Солженицына „Красное колесо“, как раз в год рождения главного гонителя писателя – 1914-ый.

С 22 лет Андропов пошел по „комсомольско-пар-

тийной“ линии и больше никогда в жизни не работал. Перед этим окончил техникум водного транспорта в том самом Рыбинске; в биографии ещё говорится, что он впоследствии учился – то есть, не сумел завершить образование – в Петрозаводском университете и высшей партшколе в Москве.

Почему на день задержалось объявление о Лёниной смерти? – Андропов сдавал экстерном экзамены за институт.

В войну он возглавлял комсомольцев тогдашней Карело-Финской ССР, ведая там партизанскими действиями – когда, по всей вероятности, и поступил на службу в „органы“. С 1953 по 1957 был послом в Венгрии, где непосредственно занимался удушением восстания, а потом, обещав неприкосновенность вождям И. Надю и П. Малетеру, захватил их и выдал, в конечном счёте, на расстрел. Тогда он сразу пошёл в гору: с 1957 зав. отделом ЦК, в 1962 - 1967 секретарь ЦК, с 1967-го 15 лет шеф КГБ и уже с 1973 года, первый после Берии, глава госбезопасности – член Политбюро.

В качестве главы спецслужб он прославился жестоким преследованием творческих деятелей, хотя сам создавал себе дутую славу „любителя искусств“, который лишь по обязанности давит инакомыслие. В 1974 г. после высылки Солженицына получил звезду Героя СССР; в 1978 КГБ стал не „при Совете министров“, а уже прямо „Комитетом Совета министров“. По западным оценкам число штатных сотрудников его ведомства приблизилось к полумиллиону, из коих 90 тысяч занимаются „контрразведкой“ и ещё 10 тысяч следят за приезжающими в страну иностранцами и их отечественными знакомыми.

На погребение Брежнева слетелись в советскую столицу десятки глав других государств, и по телевизору можно было наблюдать отвратительное зрелище, когда сутулый и никогда не глядящий в глаза собеседнику, глава „органов“, с точки зрения конституции, никакими правами на руководство страной не обладающий, принимал вереницу, стоящих перед ним в очереди, президентов

и премьер-министров, ждущих пожать его руку.

Вот тебе, батюшка, и Юрьев день! – переосмыслив старую поговорку, сетовали образованные люди, поминая ещё то, что по-гречески „людоед“ будет „антропофаг“ (да прибавляя новое учение: „андропософию“).

А западные голоса – то ли купленные, то ли обьегренные – весьма ретиво славили временщика за мифическую любовь к джазу, американской литературе, коллекционированию картин и прочее.

Приехавший в числе прочих на похороны китайский министр иностранных дел Хуан Хуа, был снят с поста на следующий же день по возвращении на родину; в связи с чем у нас говорили так: *явился сюда Хуан еще вполне себе Хуа, а пришёл домой – уже Хуан-то и ни Хуа!*

В первой же речи на пленуме Андропов строго осудил многие недостатки и расхлябанность, обещав скоро всё это поправить.

Однако довольно скоро стало ясно, что вместо коренных преобразований чекист-временщик уповает всего лишь на ужесточение режима – что по его природе и следовало ожидать.

Умирая, Брежнев говорит Андропову: ты будь с людьми-то помягче, а то они за тобой не пойдут.

– Которые не пойдут за мной – пойдут за тобой, – скромно отвечает Юрий „Владимирович“.

Голосование на Политбюро по его кандидатуре происходило так:

– Руки вверх! – скомандовал Андропов. Все подняли. А он опять:

– Левую вниз!

И наконец довольный, – так, значит – единогласно!

– А как будем выполнять Продовольственную программу, Юрий Владимирович?

– Невзирая на трудности и погодные условия – усиленно сажать, сажать и сажать!

Может показаться, что слишком уж мрачны все эти

шуточки. Но, что оставалось делать? И потому еще:

В СССР произошла сексуальная революция: к власти пришли о р г а н ы!

Загадка: название города из шести букв – столицы социалистического государства, передовой идеологии и коммунистической законности? – Москва? – Нет. – КГБека? – Нет. – ГПУка? – Нет. – А понятно: ЧЕКАГО!

В связи с приходом Андропова к власти в Духовной академии успешно защищена диссертация на тему: „О возможности конца света в одной, отдельно взятой стране“.

Первым делом, Андропов принялся выметать старую команду и подбирать свою. Выгнал старого зав. отделом кадров ЦК Кириленко (у того вышел конфуз: сын бежал на Запад, пришлось долго ловить и насильно возвращать), зато взял в Политбюро начальника КГБ Азербайджана Алиева, сделав его даже первым замом премьер-министра. Секретаря ЦК по пропаганде, бывшего шефа комсомола Тяжельникова отправил послом в Румынию (на дипломатическом жаргоне это называется не „чрезвычайный и полномочный посол“ – а „посол в жопу!“). Федорчука своего пересадил на место наконец скинутого главного врага – министра внутренних дел Н. Щелокова. Благодарный Федорчук на ближайшей сессии Верховного Совета огласил новый, ещё более жесткий „Закон об охране государственной границы“, – который прозвали в просторечии „первым законом Андропова“.

Изрядно подождав, извергнул ещё постановление об „увековечении памяти“ Брежнева: его имя заменило исконный Черемушкинский район в Москве, город Набережные Челны сделался уродом – „Брежневым“ и так далее. В связи с этим переделали в песне о Стеньке Разине строку – и вышло:

Выплыва-ают расписны-ые Лёни Брежнева Челны!

Стремясь завоевать доброе имя, всю гнусность пропаганды Андропов передал Черненко, который сел в его бывшее кресло зав. идеологией, сам же старался всё

больше напирать на вопросы подъема экономики. Про его первое новогоднее выступление по телеящику заранее уже сложили такое присловие:

Дорогие товарищи! Сердечно поздравляю вас с наступающим новым тысяча девятьсот тридцать седьмым годом!

На что некий умник грустно обронил:

Ну, что ж, если мы его не переживём – то уж точно пересидим...

СОЛЖЕНИЦЫН ИЗДАЛЕКА. 20 мая президент Рейган устроил приём для советских диссидентов. Из всех приглашенных отказался один Солженицын, ответив, что он не диссидент, а русский писатель и не обладает временем для символических встреч. Дело еще заключалось в том, что первоначально должна была состояться их личная беседа – но советники президента отговаривали его от нее под тем предлогом, что Солженицын – националист (более всего приложил к этому руку советник Рейгана по Восточной Европе и СССР, выходец из русского Западного края и отъявленный русофоб, Р. Пайпс). Напоминая президенту про его собственный патриотизм, Солженицын сказал также, что недопустимо отрицать в другом человеке право любить свою родину. А в конце он пригласил Рейгана, когда тот уже сложит с себя полномочия, приехать к нему запросто в Вермонт и поговорить о судьбах обеих стран – ясно показав, что срок президентства ограничен восемью годами, призвание же российского писателя – пожизненно. Рейган не обиделся, а выразил надежду на грядущую встречу (в свое время Никсон нарочно отказался увидеться с Александром Исаевичем, боясь за судьбу „разрядки“).

В конце же года Солженицын неожиданно, без объявления ездил в Японию и на Тайвань, где некоторое время всматривался в устои крепкой традиционной национальной культуры. Выразил поддержку свободному Китаю и сказал, выступая на многолюдном собрании в Тайбее, которое передавалось по телевидению: „Вас 18 миллио-

нов, примерно столько же, сколько на земле евреев. И ваш вопрос того же масштаба. А еврейская проблема привлекает к себе внимание всех государств, стала одной из центральных проблем современности. По уникальности вашего положения, я не вижу почему к судьбе Тайваня мировое внимание должно быть меньше? Но в нынешнем мире царит предательство слабости и по-настоящему вы можете рассчитывать на свои собственные силы“.

В японской газете «Иомиури» он поместил статью „Как коммунизм калечит народы“, из которой приведём данные о разрухе нашего народного хозяйства. За последние 10 лет ввоз продовольственных товаров возрос в сорок раз. Два процента сельскохозяйственной площади, обрабатываемые частным хозяином, доставляют треть овощей, мяса, яиц и молока; а если учесть, что треть казённого урожая гнивает, не дойдя до прилавка – выходит, что частник даёт половину наших продуктов. По уровню жизни СССР стоит в четвертом десятке стран мира. 12 % гос. дохода – вино и водка. 1 километр на БАМе стоит 5 миллионов рублей (а царского Великого сибирского пути – 50 тысяч, при том, что скорость строительства была значительно выше; кстати, 1 старый рубль стоит примерно 5 советских). Улов рыбы в Азовском море – в 90 - 100 раз меньше даже довоенного.

За последние 10 лет количество заболеваний раком увеличилось вдвое. Женщины тратят в среднем 30 часов в неделю на стояние в очередях и домашнюю работу. У славянских народов СССР на одно живое рождение приходится четыре аборта. Число бесплодных и выкидышей растёт на 6 - 7 % в год. К 1985 году должно было быть 400 миллионов населения, – а налицо всего 270. Вот цена потерь, нанесенных идеологией.

Партийный, государственный и полицейский штат – три миллиона человек; из их числа около ста тысяч партаппаратчиков, которые живут так привольно, как никогда не жило дворянство в старой России, и составляют новый правящий класс. Причем подобное происходит не только

в нашей стране, но и во всех тех двадцати государствах, которые имели несчастье попасть под власть марксистских партий.

В другой своей статье писатель сказал, что задумать поворот северных рек могли только „ополоумевшие безбожники“.

1983

Сей год общим обликом был невзрачен и неприятен – что явственно придаёт ему нечто общее с обликом правящего временщика.

ЮРКОСТЬ АНДРОПОВА. 12 января тихо помер бывший „президент“ Н. Подгорный: смерть всего лишь за год с небольшим прибрала всех четырех главных лиц предыдущего правления (Косыгина, Суслова, Брежнева и сего последнего).

Повинуясь чекистским повадкам, Андропов стал досажать населению более прикровенно, чем Лёня. Так, печать сообщила, что урожай в 1982 году был „больше“, чем в 1981 – не назвав вообще никаких цифр (по американским подсчётам 160 и 180 миллионов тонн соответственно – при плане в 230 миллионов). 1 февраля в пятый раз подряд – но теперь уж безо всякого объявления – были подняты цены более, чем на 300 видов товаров: соки, телятину, вино, электробытовую технику, шелк, платки, пластинки и так далее.

Затем была открыта кампания по отлову на улицах, в кинотеатрах и даже банях людей: почему они разгуливают в рабочее время? С трибуны Андропов укорил перегибы и сказал, что такого рода мероприятия – „не наша линия“. Тем не менее, сие сущее беззаконие лишь всё дальше распространялось: линия оказалась кривой. Сходного рода эпидемия охватила учреждения и предприятия: там прокатилась волна проверок минутного опоздания на службу. Опять-таки по-кагебешному „хитро“ Андропов заявил при посещении одного завода: нельзя бесчестить

хорошего человека, ежели он случайно припозднился чуть-чуть. Но делать это как раз продолжали.

Петрова нет в 9-00 на месте. Начальник нервничает. 9-10 – всё нет его, и начальник спешит в коридор, вытирая пот со лба. 9-15 – весь отдел вышел на улицу искать Петрова. В 9-20 звонит наконец его жена и говорит, что тот скоро-постижно скончался.

Фу, слава яйцам! – восклицают все. – А мы уж боялись, что он опоздал!

В феврале Советы догадались, что за применение психиатрии в карательных целях их собираются исключить из Всемирной психиатрической ассоциации – и поспешили выйти из неё, не дожидаясь позорного изгнания (за дело – что было подтверждено лишь при Горбачеве).

Черненко, в борьбе за власть, настаивал на проведении первого после 1937 года „идеологического пленума“ (поскольку ни в чем другом командовать не умел). Андропов решил дать ему эту отдушину. В ходе подготовки решили хорошенько измочалить „русскую партию“. Более всего навалились на смелую статью критика, бывшего фронтовика, Михаила Лобанова, в провинциальном журнале «Волга»; она называлась „Освобождение“, и впервые в открытой печати рассказывала о геноциде народа при проведении насильственной коллективизации. Андропов лично настоял на принятии закрытого постановления ЦК, осуждающего такое направление мысли; а его подручный кагебешный литератор Петр Николаев тотчас тиснул в «Литературке» отповедь – „Освобождение – от чего?“ Здесь новая власть и проявила ту самую, производную от уменьшительной формы имени временщика, „юркость“, которая стала знаменем всего его правления./.../

Стремясь хоть как-то набрать очки во мнении заграничном, да и отечественном, Андропов ухватился за отчаянное предложение какого-то референта, ответить на письмо маленькой американской девчушки о том, хочет ли „дядя Юра“ войны. Десятилетнюю Саманту Смит (вместе с родителями) пригласили в Союз, принимали на правительственном уровне, катали по Москве, а потом в

Крым на „членовозе“... Лучшего собеседника временщику всё не отыскивалось. Впрочем, он принял ещё бывшего чемпиона по боксу, негра Мохаммеда Али – но тот его потом у себя довольно нелестно ославил.

Вообще же рука правителя Андропова оказалась нелегкой: ему постоянно сопротивлялась как-будто сама природа и история. То и дело случались неполадки и бедствия даже там, где всё привычно шло худо-бедно даже при Лёне: дважды „недолетели“ космонавты до назначенной цели; Одесская область после аварии на химическом заводе оказалась зараженной и лишилась воды. Андропов сумел снять „с почётом“ первого секретаря Кириченко – а чуть раньше прогнал „без того“ с Кубанского края Медунова, который разорил вверенную ему землю, погубив пшеницу и зачем-то заведя там невиданный ранее рис. Произошли также катастрофы на ядерном заводе в Волгодонске и с пароходом „Суворов“ на Волге.

Самым же страшным и позорным было происшествие, случившееся в ночь на 1 сентября. Корейский пассажирский самолет с 269 людьми на борту (в числе их оказался американский конгрессмен, председатель правого общества Джона Берча) залетел в советское воздушное пространство. Случайно он туда попал, или с его помощью решили пощупать систему противовоздушной обороны – так до конца осталось невыясненным; но главное, что советские перехватчики, сперва потеряв его по безалаберности, настигли уже на выходе в международное пространство и, недолго посоветовавшись с командованием, сбили. Все пассажиры погибли.

Перепугавшись, совершенно несоответствующего степени нарушения, злодейства, советская печать стала самым подлым образом пытаться увильнуть от прямого ответа – что опять-таки чрезвычайно напоминало повадки мелких „оперов“. Сперва заявили, что к нам-де заскочил какой-то чужой самолет – и исчез в неизвестном направлении (!). Потом, когда по капле стали вытягивать новые сведения – а американцы даже прокрутили много раз по

радио разговор лётчиков двух советских перехватчиков – признали, что полёт „пресекли“, ибо самолет шёл без огней и не отвечал на сигналы. Но в расшифрованных переговорах ясно было сказано и про зажженные сигнальные фонари, и про то, что „давай, шмаляй по нему!“ Тогда спросили зав.отделом иностранной информации ЦК Замятина: почему в первом сообщении так наврали?

– Ничего не наврали, – возразил он смело. – А советские люди сразу поняли, что самолет сбит; и вообще позвольте нам понимать наш политический язык лучше вас!

По нашему телевидению показали даже лицо пилота-убийцы – а во всем мире его запечатлели рядом с фотографией канадской девушки, труп которой без рук, ног и головы, прибило к японским берегам.

Первого же сентября, дабы убажить „своих“, Андропов выкинул в торговлю водку по сниженной цене за 4,70 (ранее самая дешевая была за 5,30). За дату появления, её сперва нарекли „первоклассницей“, но затем повсеместно перекрестили „андроповкою“.

Тут „Владимирович“ пригрел ещё одного близкого человека: отправив на почётный покой бывшего главного архитектора Москвы М.Посохина, испакостившего столицу донельзя, вплоть до постройки в Кремле на руинах старины уродливого караван-сарая для партийных съездов (из-за чего чуть не рухнул Успенский собор), – он поставил на его место бывшего заместителя Посохина, Макаревича, выстроившего новое здание КГБ на площади Дзержинского, совершенно в духе дома гестапо на берлинской Александерплатц.

С 18 августа Андропов неожиданно перестал появляться при народе. Не вышел он и на парад 7 ноября – вместо него на мавзолее красовался коротышка Черненко. Поползли разные нехорошие слухи – тем паче, что со времён Брежнева к ним как-то привыкли. 26-27 декабря на пленум ЦК и сессию Верховного Совета временщик смог прислать лишь текст своей произнесенной речи.

О причинах болезни, которая свела его в могилу, до сих пор ходят разные слухи. Ясно одно: вырезали одну

почку, а вторая при помощи еще одной „искусственной“ смогла протянуть всего несколько месяцев.

В народе поговаривали: жена Брежнева стреляла в „честного“ чекиста, кипя злобной мстью. Нам известен довольно правдоподобный другой рассказ. Если он даже легендарен – то всё равно стоит его здесь привести, ибо исторические сказания, иногда не точные в смысле факта, часто бывают правдивы на уровне истины.

Итак, вторая жена Щелокова, Светлана, спускалась по лестнице того дома, где жили и она, и Андропов (дом стоит на Кутузовском проспекте). Временщик давно уже охотился за бывшим министром МВД, постепенно сужая круги – итог чего был заранее ясен. Опасаясь за жизнь, Щелоков и жена постоянно носили при себе оружие. Неожиданно увидав, выходящего из квартиры врага, пока его ещё не успели окружить охранники, Щелокова с лёту выстрелила в него, и попала в почку. Сама она тут же на месте была расстреляна телохранителями (потом, действительно, объявили о её „самоубийстве“). Помаевшись, и так не сумев встать после этого на ноги, Андропов отдал бесу душу.

Если повесть сия в основном правдива, то, учитывая сделанные уже и ещё готовившиеся Андроповым анти-русские меры, думается, что в будущей свободной России следует поставить памятник нашей советской Шарлоте Корде.

ТРИ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ. Летом в печати промелькнула чрезвычайно примечательная статистика, ранее закрытая. Согласно ей, первая эмиграция – послереволюционная – насчитывала до двух миллионов человек, из которых вернулись (и в большинстве были затем репрессированы) около 10 %. Вторая эмиграция, возникшая в ходе Великой Отечественной войны, по численности была примерно такой же. Третья волна уезжающих по израильским визам – около 500 тысяч. Однако тут следует сделать одно уточнение: первые и вторые беженцы были в прямом смысле не эмигрантами, а изгнанниками. А

третьи – это „отъезжанты“.

ПРЕМИЯ СОЛЖЕНИЦЫНУ. В марте супруг английской королевы вручил Александру Солженицыну премию Темплтона „за распространение религиозных убеждений в мире“. Солженицын был первым из числа православных, который её удостоился. Он сказал, что принимает её не от себя, а от лица страдающей православной родины. При этом, весьма отрицательно отозвался о „религиозном гастролёре“ и прошлом лауреате той же премии, Билли Грэме, а также снова обратил внимание мира на чудовищный проект поворота русских рек.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ СВЯТО-ДАНИЛОВОЙ ОБИТЕЛИ. В мае, наконец, был решен вопрос о передаче Патриархии монастыря, чтобы отметить в нём приближающееся тысячелетие Крещения Руси. Говорили, что уже на смертном одре Брежнев решил отдать Донскую обитель в Москве. Затем предлагали Патриарху на выбор ещё монастыри Новоспасский, Саввин Звенигородский и Крутицкое подворье. Но он выбрал промыслительно самый древний по времени основания монастырь, во имя св. князя Московского Даниила, заложившего почин возрастания русской столицы и впоследствии причисленного к лику угодников Божиих. Он последним из всех монастырей страны был закрыт в 1930 г. и отдан под приёмник-распределитель детей-сирот, у которых раскулачили и отправили на смерть и в ссылку родителей. Теперь колония выехала – и со всех сторон Руси потянулись в Данилов люди, желая доброхотно помочь в восстановлении древней святыни. Впрочем, державшийся ещё пока за пост первого секретаря горкома коммунистов Гришин поклялся, что не допустит открытия. Но на всё Божья воля.

А потому в венце года положим сочиненный здесь вскоре после 1917-го тропарь благоверному князю, который по благословению Патриарха поётся теперь при окончании богослужений во всех русских храмах.

Явился еси в стране нашей яко звезда пресветлая, благоверный княже Данииле, лучами света твоего озаряя град твой и обитель твою, людем православным поборник еси, пленным освободителе, нищим защитителе, моли Христа Бога державе Российстей даровати мир и спасти души наша!

1984

ВИСОКОС. Нынешний год – високосный, а про подобные ему издавна существует поверье, что тогда смерть усиленно косит зажившихся грешников. В силу некоей исторической невоспитанности именно сейчас, к 70-летию Первой мировой войны, зимняя Олимпиада состоялась в Сараеве – где прозвучал роковой выстрел Гаврилы Принципа, развязавший клубок несчастий в 1914-м. Его эхо звучало поэтому невольно в ушах: ведь 1984 принёс кончину руководителям двух крупнейших держав: России и Индии.

КОНЕЦ АНДРОПОВА. Временщик Андропов окончил жизнь в 16 часов 50 минут 9 февраля, не дожив два месяца до своего 70-летия. И хотя объявлено об этом у нас во всеуслышание было лишь 10-го, в половине третьего дня, народ уже догадался о всём с утра по отсутствию ранней радиопрограммы, которая в данном случае весьма глумливо прозвонила своим названием: „Опять – двадцать пять“ (хотя виной её столь крамольного наименования служит всего лишь 25-минутная продолжительность).

Председателем похоронной комиссии, что в последнее время стало главной ступенью к верховной власти, назначен был главный враг почившего, Черненко. Он в действительности прибрал к рукам все его посты. Во время погребения новый временщик, заикаясь, читал по бумажке с трибуны слова: „Недолгий, до обидного недолгий, срок суждено было Юрию Владимировичу трудиться во главе нашей партии и государства...“ /.../

15 марта Черненко нехотя выпустил постановление о закреплении памяти предшественника на географической карте многожды извращенных имён Отечества. „Андроповым“ был насильно сделан Рыбинск – до революции Рыбная слобода, в „первом браке“ – Щербаков. Вскоре на заборах там появились надписи: „Рыбинск – да, Андропов – нет!“ Ещё более пасквильно звучало, когда по телефону из бывших Набережных Челнов звонили в бывший Рыбинск:

Андропов, Андропов! Вас вызывает Брежнев!..

Двукратные похороны „вождей“ в незначительный промежуток – при том, что новый временщик был далеко не юн и болен застарелой эмфиземой лёгких – в соответствии с общим извращённым естеством марксизма превратили даже зрелище смерти, вызывающее невольное уважение к любому покойнику, в род некоего публично осмеиваемого балагана. Тут уж было подлинное раздолье для заслуженного гробового юмора, например, такого старого анекдота, перелицованного наружу подкладкой на свежий лад:

Объявление диктора по центральному телевидению: „Дорогие товарищи, друзья! Вы будете, конечно, смеяться, но Андропов тоже умер!“

Или явно „учёная“ байка, советующая при перемене очередного старика на троне, приветствовать друг друга словами:

„С новым гадом!“

Обещали выпустить в свет набор открыток с изображением глав иностранных государств, привыкших посещать, по случаю похорон советских вождей, нашу страну, которые стоят на трапе самолета в Шереметьево и приветливо машут, а подпись внизу гласит:

„До скорой встречи, Москва!“

Вариант подписи: „За тем же делом – над новым телом“.

Как и в случае с Брежневым, опять потащили на отдачу чести и престарелого Патриарха, в воскресенье заставили

помянуть на панихиде „новопреставленного Георгия“ (вновь не „раба Божьего“ – тогда чьего?), в патриаршем Елоховском соборе раздавали даже даровые свечи – но народ предпочитал выйти вон, а звонарь, православная девушка, чтобы не тревожить небо неподобными звуками, три дня пряталась дома, не отвечая на телефонные вызовы и не отворяя дверь. /.../

ВРЕМЕНЩИК ЧЕРНЕНКО. 13 февраля, на четвертый день по отшествию в иной мир своего предместника, Черненко был сделан генсеком.

Константин Устинов сын Черненко, пришел к власти 72 с половиною лет. Родом он из Красноярского края, причём имеет в крови явную бурятскую струю – что называется в Сибири „чалдон“. Из-за нее его часто путали на мавзолее с монгольским тираном Цеденбалом. А поскольку большое хождение имели веселые присказки из жизни чукчей, то и тут скоро явилась такая:

– Может ли чукча управлять государством? – Не может, но уже управляет.

Видом Черненко крайне непредставителен, ростом мал, раскос глазами, говорит тяжело дыша из-за неизлечимого лёгочного отёка, который невдолге и свел его в могилу. Злые языки рассказывали, что возвышение его началось с того, что ещё до войны Черненко служил у Брежнева шофером; кто-то ещё подметил, что если прибавить к фамилии первые буквы инициалов – „К. У. ЧЕРненко“, то как раз получается точное звание „Кучер“ (каковым, посправедливости, и следует его впредь именовать). Во всяком случае, именно Лёня, потащил за собою верного слугу, пристроил сперва на партучёбу и взял в свою свиту. Будучи в Молдавии первым секретарем, поставил его там в 1948 году зав. отделом агитации и пропаганды республиканского ЦК. Здесь же, не отлучаясь от работы, Черненко выханжил себе диплом педагогического института в Харькове (!). Нужно ещё добавить, что во время войны он перекантовался в тылу – что в стране, потерявшей десятки миллионов на фронте, до сих пор почитается

позорной трусостью.

С 1965 Черненко заведовал общим отделом ЦК в Москве: то есть, отвечал за протокол, подпись бумаг и прочее. А с 1978-го Лёня произвёл его негласно, как наименее опасного последователя, в наследники престола; однако сразу по кончине благодетеля, Устинов и Громыко сумели оттереть ненадолго любимчика в пользу Андропова. Тот, как уже поминалось, выдал Черненко на утешение идеологию – то есть, ту область, где можно косить не сеявши и итоги работы всегда способно подтасовать. В ноябре-декабре 1982 ходили слухи, что он решил соперника всё-таки сместить – но вот не успел. Как говорится, КГБ предполагает, а Бог располагает...

11 апреля, будучи избран председателем Верховного Совета, Кучер предъявил стране и миру свою программу действий. Во-первых, принял неудобоваримый закон о реформе средней школы – о зарождении которого в собственной голове еще на „идеологическом пленуме“ при Андропове с голой искренностью признался: „тут мы в перерыве с товарищами поговорили – и решили, что надо“. Обучение предполагается увеличить на один год до 11 лет, но после 8 -го класса две трети детей отсеивать в профтехучилища – которые почитаются среди населения уникальными заведениями для недоумков, помимо всего прочего, распространяющими дурные нравы. Затем, известный „гимнюк“ С. Михалков представил новую редакцию главной песни Союза, заменив в ней слово „Сталин“ на „партия“. Ещё приняли закон о библиотечном деле – и на сём лавочку закрыли. Изрядно, нечего сказать.

29 апреля Черненко выехал на завод „Серп и молот“, бывший Гужона, где бранил рабочих за худой труд, а потом пригрозил: „В связи с обострением международной обстановки в ЦК приходит много писем, авторы которых предлагают удлинить рабочую неделю, создать фонд обороны страны. Прежде всего, надо поблагодарить этих товарищей за инициативу, но следует отметить, что экономический потенциал позволяет ныне и без предлагаемых мер надежно обеспечить безопасность СССР и

его союзников“. Поелику у нас лучше всего в мире читают между строк, намёк хорошо поняли.

Потом Черненко отвёл душу среди родных по духу: в июле принял первого главу иностранного государства после похорон Андропова – это оказался долголетний палач Северной Кореи Ким Ир Сен. Вскоре же восстановил в партии 90-летнего сталинского сподвижника, тоже по уши замаранного в крови В. Молотова. А там чекисты преподнесли ещё подарок: сумели заманить прижившуюся на Западе дочку самого генералиссимуса – Светлану (немного побыв, она впрочем при Горбачеве опять мотанула в Англию).

Тут уже здоровье его не выдержало столь великого перенапряжения, и Черненко на полтора месяца, без объяснения причин, пропал из виду (по всей вероятности, пестовал лёгкие где-то вроде Кисловодска). Он объявился лишь 24 сентября к своему 73-летию, чтобы получить за временное улучшение звезду Героя СССР.

„Сообщение ТАСС. Сегодня, на 73-м году жизни, после тяжелой и продолжительной болезни, генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель президиума Верховного Совета СССР, дважды герой Союза ССР Константин Устинович Черненко – вновь приступил к исполнению своих служебных обязанностей...“

Сначала он сместил, чересчур ретиво настроенного наступать на весь мир, начальника генштаба маршала Огаркова – поручив ему, впрочем, разрабатывать стратегию на западном направлении. Чтобы хоть как-то показать свое отличие от насквозь запятнанной брежневской команды, по благословению Черненко, расстреляли директора Елисеевского гастронома; дали 12 лет директору цирка Колеватову. 10 ноября, в „День советской милиции“, ровно два года спустя после смерти Брежнева, было объявлено о лишении всех званий генерала армии и бывшего милицейского министра Н. Щелокова. И уже 15 декабря Щелокова хоронили на Ваганьковском кладбище в закрытом гробу, из-под руки назвавши причиной гибели самоубийство – в чём весьма позволительно усомниться, ибо

Щелоков грозился, как говорили, в случае начала над ним суда, рассказать всю подноготную прочих деятелей.

23 октября состоялся новый „долгожданный“ пленум ЦК, во многом связанный с близящейся катастрофой в области продовольствия.

Урожай зерновых в 1984 пал – ниже некуда – до 170 миллионов тонн, то есть, на 70 миллионов ниже ожидаемого; пришлось 50 миллионов тонн закупать за границей – не только в Америке, но и на позор всего мира, в Китае.

С нового года пшеничная водка переименовывается в „Колос Америки“

И потому, единственным упованием Черненко вышла надежда на сатанинский проект поворота на юг северных русских рек, суливший выполнение к началу третьего тысячелетия „новой эры“ дутой Продовольственной программы. В постановлении пленума записано было подготовить к концу века план переброски рек Сибири и уже начать „изъятие“ из европейских Сухоны с Онегой.

Против, вновь дружно выступили русские писатели (тут даже фамильные прозвища насмерть сошлись: с одной стороны Черненко, с другой – Белов). Дабы как-то их утихомирить, недалёкий Кучер, состоявший в духовном родстве с гоголевским Селифаном, решил умаслить переметчивых советских „письменников“ дождем бляшек на грудь, по случаю 50-летия единого союза писателей СССР. Расщедрившись, он выдал не много - не мало, три сотни с лишком орденов и медалей, начиная от геройской звезды и кончая „Знаком почёта“ (в просторечии „герой труда“ сокращается до „Гертруды“, а „Знак“, из-за избращения на фасе, именуется „весёлыми ребятами“). /.../

20 декабря на 77-м году помер один из заводил афганской войны, министр обороны, маршал Дмитрий Устинов, ещё с 1941 бывший наркомом вооружений, с 1946 по 1957 министром оборонной промышленности, а затем отвечающим за то же дело в ЦК. С 1976 года, после смерти брежневского друга, маршала Гречко, более озабоченного забавами и охотой, его вдруг из гражданского чина перевели в военный. Преемником стал престарелый

и невыразительный маршал Соколов, вечный чей-то заместитель.

Ещё примечательная замена: в декабре же назначен новый председатель Совета по делам религий при Совете министров СССР, некто Харчев. Он известен тем, что, будучи послом в латиноамериканской стране Гайане, установил там тесные связи с сектой некоего Джима Джонса, основавшего нечто вроде „коммунистической религии“ и даже ведшего через Харчева переговоры о переселении в СССР, если родственники его последователей из США добьются изгнания из основанного им „Джонстауна“. В конце концов, завещав свои средства (7 милл. долл.) КПСС, Джонс покончил с собой и заставил сделать то же до 900 членов секты. Впрочем, оказавшись на посту „заведующего религией“ при Горбачеве, Харчев сумел перестроиться и даже несколько забежать вперед, стараясь угодить верующим – за что, без объявления причин, был в 1989-м снят и направлен послом назад в какую-то жаркую страну. Его заменил бывший первый секретарь горьковского обкома Христарднов.

Вновь, обращая внимание на „говорящие“ фамилии, немало мирян и даже священников выстраивают такой ряд „истощания большевиков“, руководящих советским надзором за верой:

Тучков (при Ленине), Карпов (при Сталине), Куроедов (при Хрущеве - Брежневе), Харчев (Черненко) и – Христарднов (Горбачев).

Кстати, опять-таки в декабре впервые появившийся перед страной в звании „наследника престола“ Горбачев, посетил со свитой своих будущих советников, Лондон.

СМЕРТЬ ШОЛОХОВА. 21 февраля на 79-м году умер лауреат Нобелевской премии – третий из русских, получивших её – Михаил Шолохов. При Сталине, в чрезвычайно молодом возрасте, он написал эпопею „Тихий Дон“, про революцию; затем под давлением власти создал позорный роман „Поднятая целина“, по сути выступив в поддержку коллективизации, которой в числе прочих было погублено его родное казачество. После этого,

кроме небольших рассказов и неоконченного романа про Вторую мировую войну, он не создал более ничего. Про него очень много легенд и мало достоверного; говорят, ещё со сталинских времён к Шолохову был приставлен секретарь, намеренно его спойивший. Последний раз старик появлялся при Брежневе, чтобы самым постыдным образом обрушиться на инакомыслящих, и в том числе на Солженицына. С той поры он беспробудно бытовал в своей родной станице Вёшенской, где благодаря обширному состоянию, создал как бы оазис приличной жизни – поддерживая даже церковь, хотя сам был неверующим – среди общего разорения. Из-за такого поведения неоднократно высказывались сомнения в том, что он самостоятельно создал „Тихий Дон“: удивляли и могучий охват событий совсем юным автором, и отсутствие рукописи (она якобы погибла в войну), и наличие разных слоёв мировоззрения в книге. Предполагаемым создателем протографа называли донского писателя Федора Крюкова, погибшего в гражданскую войну.

СМЕРЧ В РОДИТЕЛЬСКУЮ СУББОТУ. 9 июня по Чувашской республике, Костромской, Горьковской и Ярославской областям пронёсся страшный смерч. На вид он имел облик громадного человека: двое огненных „штангин“ (которые так и называли в печати) и густомрачный верх – о коем, однако, уже умалчивали. Будто бритва, срезал он деревья и леса, погубил немало людей. Отголоски его докатились и до Москвы, где останавливало на дорогах машины и ломало, будто спички, деревья. Поскольку возник он в день поминовения православных усопших, явление смерча старались разгадать, как небесное предсказание о судьбе временщика, который тоже по фамилии является „чёрным человеком“.

РАЗОРЕНИЕ МОНАСТЫРЯ. В сентябре был злодейски разогнан монастырь на Кавказе, недалеко от закрытой обители Новый Афон. Но про это широко печать не сообщала – появилась лишь статья в областной газете „Советская Абхазия“ за 15 число. Там говорилось, что в часе пути от Гагр, в районе Латы близ местечка

Гульрипш, монахини Истинно-православной церкви („тихоновской“) выстроили готихоньку храм, воздвигли кельи и собрались в числе нескольких десятков, чтобы молиться о России, почитая новомучеников, причисленных к лику святых. Сама настоятельница помнила еще живую Государыню Александру Феодоровну и получила от нее дар. Обитель имела связи и помощников по всей стране. Вылавливали инокинь даже с вертолѐта; кого-то определили в дурдом, кого-то в кутузку, некоторых в богадельню. Нескольким удалось укрыться у верующих доброхотов. /.../

1985

ДОЖИЛИ И ПЕРЕЖИЛИ. Ну что ж, несмотря на мрачные пророчества Орвелла, государство наше ещё не превратилось в совершенную мразь, покуда остается чем дышать хоть чуть-чуть. Вопреки страшным предсказаниям Амальрика, войны с Китаем не приключилось – и единство страны не нарушено. Стоит припомнить в этой связи ещё третье, более раннее предвидение – загубленного, одним из первых, Сталиным учёного и писателя Александра Чаянова, который в 1920 году издал книгу „Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии“. Там, напротив, изображалось новое общественное устройство на основе достаточной экономики с преобладанием нравственного начала – о котором вновь говорили авторы сборника „Из-под глыб“ 1974 года. Следует признать, что до такого строя нам, к несчастью, ещё дальше (все три произведения относили время своего действия в „будущий“ 1984 год).

ОПЯТЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ. 11 марта вновь без объявления пропала из эфира эта передача, служащая как бы лакмусовой бумажкой. Есть, правда, и ещё новая народная советская примета погоды:

Если с утра играет тихая музыка – значит, в Кремле минус один.

Так и вышло: уже днём объявили, что не стало чёрного человека Черненко. Люди даже начали его жалеть, вспоминая, как насильно, за две недели до смерти, подняли с одра по случаю очередных выборов (где выбирали и его самого), облачили в тройку и всучили в хладеющие руки бюллетень, засняв всё для телевидения, чтобы показать: жив курилка! И самое обидное, что подвох был шит белыми нитками – ему никто не поверил.

Погубила временщика та же в точности человеческая хвороба, что и знаменитого писателя Достоевского; только след они в истории Отечества оставили куда как различный.

Совершенно потеряв понятие о корнесловии русского языка, в некрологе довольно двусмысленно обмолвились, что в нашей памяти вечно будет жить „СВЕТЛЫЙ образ ЧЕРНЕНКО“...

Окончание следует.

С Ъ Е З Д

**русской молодёжи и общественности
28 апреля – 1 мая 1990 г.**

Общая тема: „БУДУЩЕЕ РОССИИ“

**Традиционный ежегодный съезд,
устраиваемый организацией „Витязей“, значение
которого уже переросло местные рамки,
превратившись в общеевропейскую встречу
русской эмиграции.**

**Намечены доклады и „круглые столы“
по следующим вопросам:**

- 1. Роль Церкви в будущем Российском государстве.**
- 2. Западники и почвенники.**
- 3. Реформы Александра II, П. А. Столыпина,
ген. Врангеля в Крыму и их значение для России.**
- 4. Как эмиграция может помочь России.**

**В числе участников известные деятели
патриотической общественности России
(В. АКСЮЧИЦ, П. ПАЛАМАРЧУК, В. СОЛОУХИН,
В. ТРОСТНИКОВ и др.) и эмиграции.**

**Съезд проводится в бельгийских Арденах,
в старинном замке.**

Телефон для справок: Бельгия (02) 374-58-48.

«В Е Ч Е»

**Независимый русский альманах
«Вече» с «Литературным приложением»
выходит 4 раза в год**

Условия годовой подписки:

в Европе	70 НМ
в США и др. заокеанских странах	40 ам. долл.
в СССР	60 рублей.

Пересылка простой почтой, в СССР – заказной бандеролью.

Доплата за пересылку воздушной почтой:

в США и Канаду	10 ам. долл.
в Лат. Америку, Африку, Азию	12 ам. долл.
в Австралию и Новую Зеландию	14 ам. долл.

Цена отдельного номера с приложением 20 НМ или 12 ам. долл. (в СССР 15 рублей)

ПОДПИСНОЙ ТАЛОН

Желаю оформить годовую подписку на альманах «Вече» с приложением, начиная с №.....

Фамилия, имя

Адрес

.....

Заполненный талон, направлять:

Frau V. Dreving (für «Veche»),
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81, West-Germany

Чеки выписывать: Russischer Nationaler Verein e. V.

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройном значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VIIA С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**